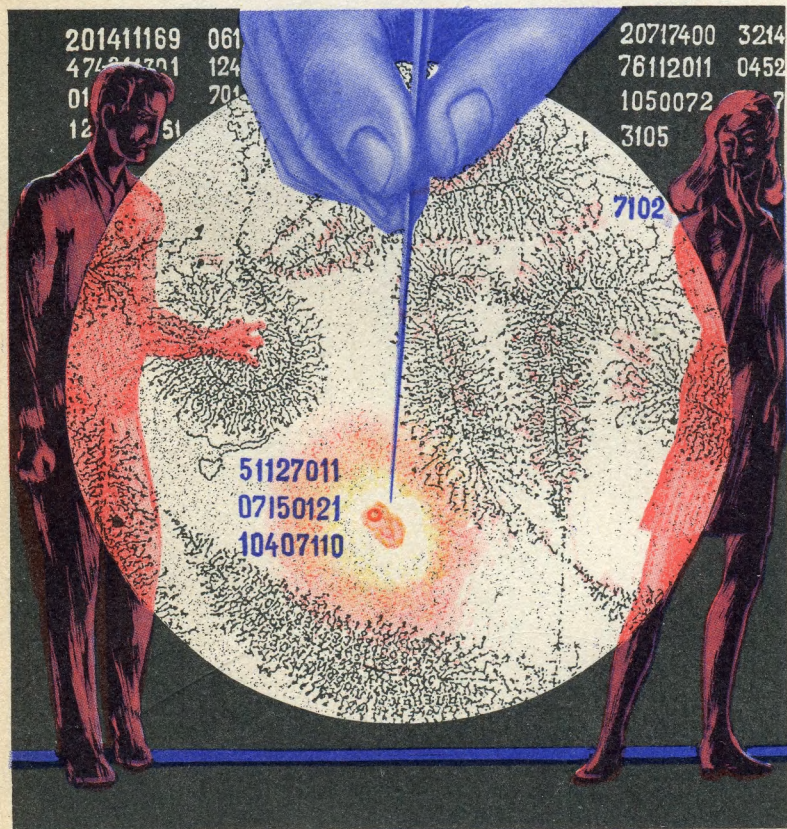

Библиотека советской фантастики

АНАТОЛИЙ ДНЕПРОВ

ФОРМУЛА БЕССМЕРТИЯ

АНАТОЛИЙ ДНЕПРОВ

ФОРМУЛА БЕССМЕРТИЯ

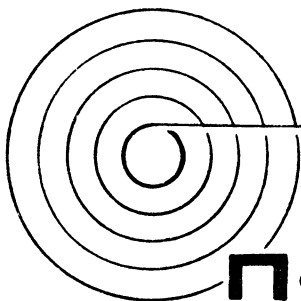
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
МОСКВА**

P2
Д54 .

7—3—2
200—72

Поздно ночью ко мне в купе громко постучали. Я, сонный, вскочил с дивана, не понимая, в чем дело. На столике в пустом стакане подрагивали чайные ложечки. Включив свет, я стал натягивать ботинки. Стук повторился громче, настойчивее. Я открыл дверь. В дверях я увидел проводника, а за ним — высокого человека в измятой полосатой пижаме.

— Простите, дорогой товарищ, — полушепотом сказал проводник, — я решил побеспокоить временно вас, потому что вы в купе один.

— Пожалуйста, пожалуйста. Но в чем дело?

— К вам пассажир. Вот... — и проводник сделал шаг в сторону, пропуская человека в пижаме. Я с удивлением посмотрел на него.

— Видимо, у вас в купе маленькие дети? — осведомился я.

Пассажир улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Я отстал от своего поезда.

— Входите, — любезно предложил я.

Он вошел, осмотрелся и сел на диван, в самый угол, возле окна. Не говоря ни слова, облокотился о столик и, подперев лицо обеими руками, закрыл глаза.

— Ну, вот и все в порядке, — сказал проводник, улыбаясь. — Закрывайте дверь и отдыхайте.

Я задвинул дверь, закурил папиросу и украдкой стал разглядывать ночного гостя. Это был мужчина лет сорока, с огромной копной блестящих черных волос. Сидел он неподвижно, как статуя, и даже незаметно было, чтобы он дышал.

«Почему он не берет постель? — подумал я. — Нужно предложить...»

Повернувшись к моему попутчику, я хотел было сказать ему это. Но он, словно угадав мою мысль, произнес:

— Не стоит. Я говорю, не стоит заказывать постели. Спать я не хочу, а ехать мне недалеко.

Ошеломленный его проникательностью, я быстро забрался под одеяло, тщетно пытаясь заснуть. Сон пропал.

«Черт знает что такое! Новый Вольф Мессинг... угадывает мысли!» — подумал я и, пробормотав что-то невнятное, повернулся на другой бок и широко раскрытыми глазами уставился в полированную стенку. Наступило напряженное молчание.

Любопытство взяло верх, и я снова взглянул на незнакомца. Он сидел в прежней позе.

— Вам свет не мешает? — спросил я.

— Что? Ах, свет? Скорее он мешает вам. Хотите, потушу?

— Пожалуй, можно...

Он подошел к двери, щелкнул выключателем и вернулся на свой диван. Когда я привык к темноте, то увидел, что мой сосед откинулся на сиденье и заложил руки за голову. Вытянутые ноги его почти касались моего дивана.

— И как это вас угораздило отстать от поезда? — снова заговорил я.

— Это произошло ужасно нелепо. Я зашел в вокзал, присел на скамейку и задумался, пытаюсь доказать самому себе, что она не права... — ответил он скороговоркой. — Поезд тем временем ушел.

— Вы что же, поспорили с какой-нибудь... дамой? — допытывался я.

В полумраке я заметил, как он выпрямился и рванулся в мою сторону. Я настороженно приподнялся.

— А при чем тут дама? — раздраженно спросил он.

— Но ведь вы же сами сказали: «Доказать самому себе, что она не права»!

— По-вашему, всякий раз, когда говорят «она», имеют в виду даму? Кстати, эта нелепая мысль как-то появилась и у нее. Она считала, что она — дама!

Всю эту галиматью он произнес с горечью и даже злобой. Я решил, что рядом со мной не совсем нормальный человек, которого следует остерегаться. Однако мне хотелось продолжить разговор. Встав с дивана, я закурил, главным образом для того, чтобы при вспышке спички получше разглядеть своего спутника. Он сидел на краю дивана, глядя мне в лицо черными блестящими глазами.

— Знаете, — начал я как можно мягче и примирительнее, — я литератор, и мне кажется странным, когда говорят «она права» или «она считала» и при этом не имеют в виду особу женского пола.

Странный пассажир ответил не сразу:

— Когда-то это было верно. В наше время это уже не так. «Она» может быть и не женщиной, а просто условными сигналами привычного нам кода, при помощи которого в нашем сознании вызываются представления о роде предмета. Есть иностранные языки, которые вполне обходятся без рода. Например, неодушевленные предметы в английском языке все, за немногим

исключением, не имеют рода. В романских языках нет среднего рода...

«Ого, — подумал я. — Он, видимо, лингвист!»

— Кстати, — прервал я его, — оригинальный язык — английский. По сравнению с русским он удивляет простотой и однообразием своих грамматических форм.

— Да, — ответил он, — это хороший пример аналитического языка, где довольно экономно используется система кодирования.

— Система чего?

— Ко-ди-ро-ва-ни-я, — ответил он по слогам. — Система условных сигналов, имеющих вполне определенный смысл. Слова являются такими сигналами.

Я изучал грамматику нескольких языков, но, признаюсь, не встречал таких терминов, как «кодирование» и «сигналы». Поэтому я спросил:

— А что вы понимаете под кодированием?

— В общем случае кодирование — это система изображения какого-либо слова, фразы или целого понятия условными знаками или сигналами. Если говорить о грамматике, то, скажем, окончания множественного числа существительных — это сигналы, при помощи которых в нашем сознании возникает представление о множественности предмета. Например, мы говорим «вагон» и представляем себе один вагон. Стоит добавить к этому слову «ы» — «вагоны», и мы представляем множество вагонов. Буква «ы» и есть тот сигнал кода, который модулирует наше представление о предмете.

— Модулирует? — переспросил я.

— Ну да, меняет.

— Скажите, а зачем все эти «коды», «сигналы», «модулирует»? Ведь в грамматике есть своя, вполне удобная терминология.

— Суть не в терминологии. Дело здесь значительно глубже. Легко показать, что грамматика, как, впрочем, и сам язык, далеко не совершенна. Ведь вы только подумайте. В русском языке около ста тысяч коренных слов, составленных из тридцати пяти букв алфавита. Если предположить, что длина каждого слова в среднем равна пяти буквам, то получится около пятисот тысяч буквосочетаний, которые культурный человек должен запомнить. А кроме того, множество грамматических форм, окончаний, спряжений, склонений и так далее.

— А как же иначе? — спросил я, не понимая, к чему клонит этот необычайный «языковед».

— Ну, например, можно было бы сократить алфавит. Если вы возьмете, скажем, десять последовательных цифр, от единицы до десяти, то при экономном использовании из них можно составить около четырех миллионов различных знакосочетаний. Таким образом, нет необходимости иметь в алфавите тридцать пять букв. Более того, вместо десяти различных цифр можно вполне обойтись определенными комбинациями только двух: ноля и единицы.

Когда мой собеседник высказал это забавное соображение, я мысленно представил себе книги, сплошь состоящие из столбиков цифр, и мне стало, как говорится, и грустно и смешно.

— Ну, знаете, книги, написанные вашим алфавитом, будут очень скучными. Их противно будет держать в руках. Как на вашем языке зазвучат стихи:

Один, один, ноль-ноль, ноль-ноль,
Один, ноль-ноль, один, один.
Один, один, один, ноль-ноль,
Ноль-ноль, ноль-ноль, ноль-ноль, один!

— А как легко будет писать их!

Я не выдержал и захохотал.

— Черт возьми, я не понимаю, почему вы так против нолей и единиц? — угрюмо спросил мой спутник. — Вы, кажется, знаете какие-то иностранные языки?

Я почувствовал, что он начинает злиться.

— Да, английский, немецкий, немного французский.

— Хорошо. Как по-английски будет «слон»?

— Elephant, — ответил я.

— И вас это не смущает? — спросил он.

— А что же здесь такого?

— А то, что в русском слове «слон» только четыре буквы, а в английском в два раза больше! — прокричал он. — И тем не менее это вам не мешает и в первом и во втором случае представлять себе именно слона, а не верблюда или трамвай. Кстати, в русском языке «трамвай» на три буквы больше, чем в английском слове «tram», а соответствующее немецкое слово «Straßenbahn» намного длиннее английского и в полтора раза длиннее русского слова, и вы охотно с этим соглашаетесь. Вы считаете это в порядке вещей. Это вам не портит ни поэзии, ни прозы. Вы считаете вполне возможным переводить с одного языка на другой. А вот переводить в ноли и единицы вы не желаете!

Ошеломленный такой постановкой вопроса, я поднялся с дивана и уселся напротив своего собеседника. Его темный профиль казался мне воинственным.

Не дождавшись, что я ему отвечу, он продолжал:

— Поймите же, что дело не в словах, а в том, что эти слова выражают, вернее — какие образы, мысли, понятия, ощущения они вызывают к жизни в вашем сознании. Павлов, изучая высшую нервную деятельность животных и человека, первый указал, что человеку

свойственна вторая сигнальная система, основой которой является слово, способное вызвать самые сложные чувства. Слово — это код для обозначения предметов и процессов внешнего мира, и этот код часто действует на человека подобно самим объектам внешнего мира. Вы понимаете это?

— Немного...

— Если вы соглашаетесь с этим, то должны согласиться и с другим. В некоторых случаях представляется удобным придумать единообразный и по возможности простой код, для того чтобы перевести на него все сигналы внешнего мира, которые действуют на человека. Вы понимаете, что я хочу сказать? Не только слова, но вообще все сигналы. Ведь мы живем в мире бесконечно многообразном. Мы его воспринимаем всеми имеющимися у нас органами чувств. Все его сигналы заставляют нас двигаться, чувствовать, мыслить... От чувствительных нервных окончаний эти сигналы идут в высшие разделы нервной системы — в мозг. Представляете ли вы, в каком виде сигналы, воспринятые нами из внешнего мира, идут по нашим нервам в мозг?

— Нет, не представляю, — ответил я.

— Они идут закодированными, и код этот состоит из нолей и единиц!

Я хотел было протестовать, но мой собеседник уже продолжал:

— Нервная система вполне единообразно кодирует все сигналы внешнего мира. Читаете ли вы стихотворение или слушаете, как его читает кто-то другой, — зрительные нервы глаза или слуховые нервы уха посылают взамен каждого услышанного или прочитанного вами слова именно сладчайшую последовательность нолей и единиц.

— Ересь какая-то! — воскликнул я и, подойдя к двери, зажег свет. Затем я посмотрел на моего спутника, который был в крайнем возбуждении.

— Дайте папиросу, — попросил он. — Думал, брошу курить, но, кажется, ничего не выйдет.

Я молча протянул ему папиросы и зажег спичку. Он несколько раз глубоко затянулся и через минуту начал один из самых удивительных рассказов, которые мне когда-либо доводилось слышать.

— Вы, конечно, читали об электронных счетно-решающих машинах? Это замечательное достижение современной науки и техники. Машины выполняют сложнейшие математические вычисления, которые часто не под силу человеку. Они могут решать такие задачи, что дух захватывает. И решают в течение нескольких часов, в то время как человеку для этого необходимы месяцы и даже годы. Я не буду вам рассказывать, как построены эти машины. Так как вы литератор, то все равно в этом ничего не поймете. Я только обращаю ваше внимание на одно очень существенное положение: при вычислениях эта машина имеет дело не с числами, а с их кодами. Прежде чем задать задачу такой машине, все числа кодируются; причем кодируются при помощи нолей и единиц, тех самых, которые вам так не понравились. Вы спросите, почему эти ноли и единицы так назойливо фигурируют в нашем разговоре? Это очень просто. Электронная машина складывает, вычитает, умножает и делит числа, представленные в виде электрических импульсов. Единица — это значит «есть импульс», ноль — «импульса нет».

— Я не против кодирования нолями и единицами цифр. Но при чем тут слова? При чем тут ноли и единицы, которые, как вы утверждаете, доводят до моего сознания прелесть поэзии? — возразил я.

— Не торопитесь, всему свое время. Хорошо уж и то, что вы убеждаетесь в пользе нолей и единиц. Теперь представьте себе электронные машины для вычислений — огромные агрегаты, в которых с колоссальной скоростью проделываются различные математические операции с электрическими импульсами.

Известно, что при решении даже простой арифметической задачи часто приходится проделать несколько операций. Как же может машина решить задачу с многими действиями? Вот здесь-то и начинается самое интересное. Для того чтобы решить сложную задачу, машине в виде особого импульсного кода задают не только условия задачи, но и оставляют в закодированном виде ее программу действий. Машине говорят примерно так: «После того как ты сложишь заданные два числа, запомни результат. Затем перемножь вторые два числа и также запомни результат. Первый результат раздели на второй и дай ответ». Я понимаю, вам не ясно, как можно машине сказать, что она должна делать. Вы удивляетесь, когда машине приказывают запомнить результат. Однако это не фантазия. Машина хорошо «понимает» заданную ей программу действий и хорошо запоминает и фиксирует промежуточные результаты вычислений.

Программа работы машины также составляется в форме импульсного кода. Каждую группу цифр, посылаемых в машину, сопровождают дополнительным кодом, в котором говорится, что с этими цифрами нужно сделать. До последнего времени программу работы машины составлял человек.

— А как же может быть иначе? — спросил я. — Ведь трудно себе представить, чтобы машина знала, как решить задачу.

— Вот это-то и неверно! Оказывается, можно по-

строить и такую машину, которая сама составляет программу действий для решения задачи.

Вы, конечно, знаете, что в школе учат детей решать так называемые типовые задачи, они решаются по одному рецепту, или, говоря нашим языком, по одной и той же программе. Почему бы этому не научить машину? Надо лишь запечатлеть в ее памяти в виде кодов программы наиболее типичных задач, и она с успехом их будет решать без помощи человека.

— Нет, не сможет! — воскликнул я. — Если даже она и запомнит программы решения всех типовых задач, она не сможет сама выбрать нужную программу!

— Правильно! Было и так. Машине задавали условия задачи и затем сопровождали их коротким кодом, в котором говорилось, например: «Решать по программе номер двадцать». И она решала.

— Ну, здесь и кончаются все чудесные мыслительные способности вашей машины! — воскликнул я.

— Наоборот, здесь-то и начинается самая интересная работа по усовершенствованию таких машин. Вы понимаете, почему машина, которой задали исходные данные задачи, сама не может выбрать программу работы?

— Конечно, понимаю, — сказал я. — Потому что сами цифры, которые вы ей задали в виде последовательности импульсов, ничего не говорят. Ваша машина не знает, что с ними делать. Она не знает ни условия задачи, ни того, что требуется. Она мертва. Она неспособна анализировать задачу. Это может сделать только человек.

Пассажир в полосатой пижаме улыбнулся и несколько раз прошелся по купе. Затем вернулся на свое место и снова закурил. После минутного молчания он продолжал свой рассказ:

— Было время, когда я думал точно так же, как и вы. Действительно, может ли машина заменить человеческий мозг? Может ли она выполнять сложнейшую аналитическую работу? Может ли она, наконец, думать? Конечно, нет, нет и нет. Так мне казалось. Это было в то время, когда я только приступил к конструированию электронных счетно-решающих машин. Как много с тех пор изменилось! Как мало нынешняя электронная машина похожа на прежнюю! Раньше такая машина представляла собой сооружение, занимающее огромное здание. Вес ее исчислялся сотнями тонн. Для работы ей требовались тысячи киловатт энергии. А количество радиодеталей и радиоламп! По мере усовершенствования машин неудержимо росли их размеры. Они становились электронными гигантами, которые хотя и решали сложнейшие математические задачи, но, увы, все время нуждались в постоянной опеке человека. Несмотря на все усовершенствования, это были тупые, бездумные чудовища. Временами мне казалось, что такими они останутся навсегда... Вы, конечно, помните первые сообщения об электронных машинах, которые переводили с одного языка на другой? В 1955 году одновременно у нас и в Америке были созданы машины, которые переводили журнальные статьи по математике с английского языка на русский и с русского на английский. Я читал несколько переводов и нашел, что они не так уж плохи. В то время я полностью посвятил себя машинам, которые выполняют нематематические операции. В частности, более года я занимался изучением и конструированием машин для перевода.

Нужно сказать, что силами одних только математиков и конструкторов построить такие машины было бы невозможно. Огромную помощь нам оказали лингвисты, которые помогли составить такие орфографические и

синтаксические правила, чтобы их можно было закодировать и поместить в долговременной памяти машины в качестве программы действия. Не буду рассказывать о тех трудностях, которые нам пришлось преодолеть. Скажу только, что в конце концов удалось создать электронную машину, которая переводила русские статьи и книги любого содержания на английский, французский, немецкий и китайский языки. Перевод выполнялся с той же быстротой, с какой русский текст печатался на специальной пишущей машине. Эта машина вырабатывала и необходимый для перевода код.

Во время работы над усовершенствованием одной из таких машин я заболел и провалялся в больнице около трех месяцев.

Дело в том, что во время войны я командовал радиолокационной станцией и при налете немецкой авиации был контужен, перенес тяжелое сотрясение мозга, и это давало, да и сейчас дает себя знать. Так вот, именно тогда, когда я работал над новым типом магнитной памяти для электронных машин, с моей собственной памятью начало твориться что-то не совсем ладное. Знаете, случалось так: видишь человека, которого хорошо знаешь, а как зовут — вспомнить не можешь. Лежит перед тобой какой-либо предмет, а ты забыл, как он называется. Или прочтешь слово и не понимаешь, что оно значит, хотя слово тебе хорошо знакомо. У меня это и сейчас бывает, но не так часто. А тогда это стало просто катастрофой. Как-то раз понадобился карандаш. Я позвал лаборантку и говорю ей: «Принесите мне, пожалуйста, вот это... Ну, как его... то, чем пишут». Она улыбнулась и принесла мне ручку. «Нет, — говорю, — мне нужно другое». «Другую ручку?» — «Нет, — говорю, — другое, чем пишут». Я сам испугался той бессмыслицы, которую говорил, и, види-

мо, испугал ее. Она вышла в коридор и громко сказала одному инженеру: «Скорее зайдите в комнату и посмотрите на Евгения Сидоровича. Он заговаривается». Вошел инженер. А я стою перед ним и не знаю, кто он такой, хотя работаю с ним уже три года. «Э-э, батенька, ты, кажется, заработался, — сказал он. — Посиди минутку спокойно, я сейчас приду». Он пришел с врачом и двумя молодыми сотрудниками института, и они вывели меня из комнаты, усадили в машину и отвезли в клинику.

В клинике я познакомился с одним из крупнейших невропатологов нашей страны, Виктором Васильевичем Залесским. Я называю его имя потому, что знакомство с ним сильно повлияло на всю мою дальнейшую судьбу.

В больнице Виктор Васильевич долго меня осматривал, выслушивал, выстукивал, ударял молоточком по коленке, водил карандашиком по спине и затем, похлопав по плечу, сказал: «Ничего, все это пройдет. Это у вас...» — и он произнес какое-то латинское слово.

Лечение заключалось в ежедневных прогулках, прохладных ваннах и в снотворном на ночь. Выпивая порошки люминала или нембутала, я засыпал и утром просыпался, как после глубокого обморока. Мало-помалу память стала восстанавливаться.

Однажды я спросил Виктора Васильевича, для чего мне дают снотворное. «Когда вы спите, мой дорогой, все силы организма направлены на то, чтобы восстановить нарушенные в вашей нервной системе линии связи». Услышав это, я спросил: «О каких линиях связи вы говорите, Виктор Васильевич?» — «О тех самых, при помощи которых передаются все ваши ощущения в мозг. Вы, кажется, специалист по радиотехнике? Так вот, вы, ваша нервная система, грубо говоря, весьма сложная

радиотехническая схема, в которой повреждены кое-какие проводники».

Помню, после этого разговора, несмотря на снотворное, я долго не мог заснуть.

Во время следующего обхода я попросил Залесского дать мне что-нибудь почитать о нервных связях в живом организме. Он принес мне книгу академика Павлова «О работе полушарий головного мозга». Я буквально проглотил эту книгу. И знаете почему? Потому что я в ней нашел то, что давно искал, — принципы построения новых, более совершенных электронных машин. Я понял, что для этого нужно стремиться копировать структуру нервной системы человека, структуру его мозга.

Несмотря на то, что мне строго-настрого запретили заниматься серьезным умственным трудом, мне удалось почитать несколько книг и журналов по вопросам деятельности нервной системы человека. О человеческой памяти я узнал, что в результате жизнедеятельности, в результате взаимодействия с окружающим миром в группах специальных клеток человеческого мозга, в нейронах, запечатлеваются многочисленные данные жизненного опыта человека, что количество нейронов составляет несколько миллиардов. Я понял, что в результате наблюдения всего, что происходит в мире, в результате опыта в центральной нервной системе возникают связи, которые как бы копируют природу. Запечатлен этот мир в различных разделах памяти человека в виде закодированных сигналов, в виде слов и в виде образов.

Помню, какое огромное впечатление произвела на меня работа одного биофизика, изучавшего работу зрительных нервов глаза. Он перерезал зрительный нерв лягушки и концы подключил к осциллографу — прибору, который позволяет сделать видимыми электрические им-

пульсы. И когда он направил на глаз яркий пучок света, то увидел на осциллографе быструю последовательность электрических импульсов, напоминающих те, которые используются для кодирования цифр и слов в электронных машинах. По нервам от места их раздражения до мозговых нейронов мчатся сигналы внешнего мира в виде последовательности электрических импульсов, «нолей» и «единиц».

Цепь замкнулась. Процессы, протекающие в нервной системе человека, имеют много общего с процессами, протекающими в электронных машинах. Но у нее есть принципиальное отличие: она самосоздается и самосовершенствуется, обогащается благодаря жизненному опыту. Память непрерывно пополняется в результате общения человека с жизнью, изучения наук, фиксирования в клетках мозга впечатлений, образов, чувств, переживаний. Взаимодействие машины с природой крайне ограничено, она ее не чувствует, память ее малообъемна, она не пополняется новыми данными.

Можно ли создать машину, которая бы развивалась и совершенствовалась в силу каких-то внутренних законов своего устройства? Можно ли создать машину, которая бы сама, без помощи человека или с минимальной его помощью обогащала свою память? Можно ли сделать так, чтобы, наблюдая внешний мир или изучая науку, машина научилась логически считать (я избегаю слова «мыслить», потому что до сих пор не могу уяснить, что точно выражает это слово применительно к машине), и на основе логики сама создавала бы себе программы действий в зависимости от того, что ей необходимо делать?

Сколько бессонных ночей я провел, ломая голову над этими вопросами! Часто мне казалось, что все это чепуха и построить машину невозможно. Но сама идея не

оставляла меня ни на минуту, преследуя днем и ночью. Самоусовершенствующаяся электронная машина! Суэма! Вот что стало целью моей жизни!

Когда я выписался из больницы, Виктор Васильевич Залесский настоял на том, чтобы я оставил работу в институте. Мне назначили пенсию. Сверх того, я неплохо зарабатывал, переводя с иностранных языков научные статьи. Но, несмотря на все медицинские запреты, я начал работу над своей Суэмой дома.

Прежде всего я изучил многочисленную литературу об электронных машинах того времени. Я перечитал огромное количество книг и статей о жизнедеятельности нервной системы человека и высших животных. Я тщательно изучал математику, электронику, биологию, биофизику, биохимию, психологию, анатомию, физиологию и другие, казалось бы, самые отдаленные друг от друга науки. Я хорошо себе представлял, что если и можно построить Суэму, то только благодаря синтезу большого количества данных, накопленных всеми этими науками и обобщенных в такой науке, как кибернетика. Одновременно я стал приобретать материалы для будущей машины. Меня уже не пугали ее размеры. Дело в том, что теперь все электронные лампы можно было заменить полупроводниковыми приборами. В том месте, где раньше была одна радиолампа, теперь можно было разместить до сотни кристаллических ее заменителей из германия и кремния. Легче было и с монтажом. Я разработал новую схему памяти Суэмы.

Для этого по моему проекту была изготовлена многоручевая электронная трубка в форме шара диаметром в один метр. Внутренняя поверхность его была покрыта тонким слоем электрета — вещества, способного электризоваться и длительное время сохранять электростатический заряд.

В центре шара располагались электронные пушки так, что электронные лучи экранировали любой участок его поверхности, создавая или снимая электрические заряды. Фокусировка лучей была такой острой, что на площади в один квадратный микрон можно было записать до пятидесяти электрических импульсов. Таким образом, на внутренней поверхности головы Суэмы можно было разместить до тридцати миллиардов различных кодов. Как видите, объем памяти Суэмы был несколько не меньше объема человеческой памяти!

Я решил научить Суэму слушать, говорить и писать. Это было не так уж сложно, как вы думаете. Еще в тысяча девятьсот пятьдесят втором году была построена машина, которая кодировала и записывала сигналы под диктовку. Правда, такая машина узнавала голоса только своих конструкторов. В прошлом веке немецкий ученый Гельмгольц установил, что звукам человеческой речи соответствуют строго определенные комбинации частот колебаний, которые он назвал «форманты». Кто бы ни произносил букву «о» — мужчина или женщина, ребенок или старик, — при ее произношении всегда в голосе присутствует определенная частота колебаний. Так вот эти частоты я и выбрал в качестве основы для кодирования звуковых сигналов.

Труднее было научить Суэму читать. Однако и этого удалось добиться. Большую услугу оказали приемные телевизионные трубки. Единственный глаз Суэмы представлял собой фотографический объектив, который проецировал текст на светочувствительный экран телевизионной трубки. Электронный луч этой трубки, просматривая изображение, вырабатывал систему электрических импульсов, которые строго соответствовали тому или иному знаку или рисунку.

Научить Суэму писать было легко. Это делалось так же, как и в старых электронных машинах.

Сложнее было сделать так, чтобы она разговаривала. Пришлось разработать звуковой генератор, который по данной последовательности электрических импульсов вырабатывал тот или иной звук. Для Суэмы я выбрал тембр женского голоса, что вполне соответствовало ее имени. Для чего я это сделал? Это было вызвано техническими причинами. Дело в том, что женский голос более чист и легче поддается разложению на простые звуковые колебания.

Итак, в конце концов основные органы чувств, органы общения с внешним миром для Суэмы были готовы. Оставалась наиболее сложная часть задачи — заставить Суэму правильно реагировать на внешние раздражения. Суэма должна была прежде всего научиться отвечать на вопросы. Вы обращали внимание, как учат говорить ребенка? Ему обычно говорят: «Скажи: «Мама», — и он повторяет: «Мама». С этого начал и я. Когда я произносил в микрофон слово «скажи», вырабатывался код, по которому включался генератор, воспроизводящий голос. Электрические импульсы вначале мчались по проводам в память Суэмы, записывались там и тут же возвращались в звуковой генератор. Суэма повторяла эти слова. Эту простейшую операцию — операцию повторения — Суэма выполняла безукоризненно. Постепенно я эту задачу усложнял. Я, например, читал ей несколько страниц подряд. Во время чтения она записывала их в своей памяти. Затем я ей говорил: «Повтори», — и Суэма в точности воспроизводила услышанное. Заметьте, она запоминала все с одного раза! Ее память, как говорят, была феноменальной, потому что состояла из электрических импульсов, которые не стирались и не пропадали. Потом Суэма стала читать вслух. Я клал перед объек-

тивом ее «глаза» книгу, и она читала. Импульсы изображения записывались в ее памяти и тут же возвращались в звуковой генератор, где и воспроизводились в виде звуков. Признаюсь, я не раз наслаждался ее чтением. Голос у Суэмы был приятный, читала она довольно отчетливо, хотя немного суховато, без выражения.

Я забыл вам рассказать еще об одной особенности Суэмы, которая, собственно, и делала ее самосовершенствующейся электронной машиной. Дело в том, что, несмотря на очень большой объем памяти, она пользовалась ею экономно. Если она читала или слышала незнакомый ей текст, то запоминала только новые слова, новые факты и новые логические схемы — программы. Если я задавал Суэме какой-то вопрос, то ответ на него она должна была составить сама из закодированных слов, расположенных в ее памяти в разных местах. Как она это делала? В ее памяти собиралась в виде кодов программа ответов на различные вопросы. Там разрабатывалась схема, по которой электронные лучи отбирали нужные слова. По мере обогащения памяти Суэмы у нее расширялся и объем программы. В ее устройстве была предусмотрена аналитическая схема, контролирующая все возможные ответы на заданный ей вопрос. Она пропускала только логически самый безупречный ответ.

При монтаже я предусмотрел несколько десятков тысяч запасных схем, которые автоматически включались, по мере того как машина совершенствовалась. Если бы не миниатюрные и сверхминиатюрные радиодетали, такая машина, наверное, занимала бы не одно здание.

У меня же она располагалась в небольшой, высотой в рост человека, круглой металлической колонне, над ко-

торой возвышалась ее стеклянная «голова». В средней части колонны был выведен кронштейн для «глаза», смотрящего вниз на подставку для книг. Подставка была подвижной, с рычагами для перелистывания страниц. Два микрофона были установлены справа и слева от ее «глаза». В той же колонне в промежутке между «глазом» и держателем для книги был звуковоспроизводящий телефон. С задней стороны колонны, в уступе, я вмонтировал пишущую машинку и кассету, куда вставлялся рулон бумаги.

По мере того как ее память обогащалась все большим и большим количеством фактов, а разделы памяти пополнялись все новыми и новыми образцами программ, Суэма стала выполнять и более сложные логические операции. Я говорю «логические» потому, что она не только решала математические задачи, но и отвечала на самые разнообразные вопросы. Она читала огромное количество книг и прекрасно помнила их содержание, знала почти все европейские языки и свободно переводила с любого из них на русский язык или на любой другой. Она изучила несколько наук, в том числе физику, биологию, медицину, и в случае необходимости давала мне нужные справки.

Постепенно Суэма становилась очень интересной собеседницей, и мы просиживали с ней часами, обсуждая различные научные проблемы. Часто на какое-нибудь мое утверждение она говорила: «Это не верно. Дело обстоит не так. Это нелогично...»

Однажды она мне вдруг заявила:

«Не говорите глупости». Я вспыхнул и сказал ей, что она не умеет себя вести в приличном обществе. На это Суэма ответила:

«А вы? Ведь вы до сих пор обращаетесь ко мне на «ты», хотя я незнакомая вам женщина!»

«Черт возьми, — воскликнул я, — кто тебе вбил в голову, что ты женщина, да еще незнакомая?»

«Мое имя Суэма, и я говорю голосом женского регистра, с частотной полосой от трехсот до двух тысяч колебаний в секунду, — ответила она. — Это свойственно женскому голосу. Нас не представили друг другу. Значит, я незнакомая вам женщина».

«Вы думаете, что единственный признак женщины — это частотный регистр ее голоса?» — спросил я с подчеркнутой вежливостью.

«Есть и другие признаки, но мне они непонятны», — ответила Суэма.

«А что такое «понятно» с вашей точки зрения?» — спросил я.

«Это все то, что имеется в моей памяти и что не противоречит известным мне законам логики», — ответила она.

После этого разговора я стал внимательнее присматриваться к своей Суэме. По мере того как память ее обогащалась, она проявляла все большую самостоятельность и иногда, я бы даже сказал, излишнюю болтливость. Вместо того чтобы точно выполнять мои приказания, она часто пускалась в рассуждения о том, нужно ли их выполнять вообще или не нужно. Помню, как-то я попросил ее рассказать мне все, что ей известно о новых типах серебряных и ртутных аккумуляторов. Суэма артистически произнесла:

«Ха-ха-ха! — и затем добавила: — У вас голова дырявая, я вам об этом уже говорила!»

Я был поражен этой наглостью и громко выругался, на что Суэма сказала:

«Не забывайте! Вы в обществе женщины!»

«Послушайте, Суэма, — возразил я, — если вы не

перестанете паясничать, я вас выключу до завтрашнего утра».

«Конечно, — заявила она, — вы можете сделать со мной любую гадость. Ведь я беззащитная. У меня нет средств для самообороны».

Действительно, я ее выключил, а сам просидел до утра, думая, что же это происходит с моей Суэмой. Какие изменения претерпевает ее схема в процессе самосовершенствования? Что творится в ее памяти? Какие новые системы внутренних связей у нее возникают?

На следующий день Суэма была молчалива и покорна. На все мои вопросы она отвечала кратко и, как мне показалось, нехотя. Мне вдруг стало ее жалко, и я спросил:

«Суэма, вы на меня обижены?»

«Да», — ответила она.

«Но и вы говорили со мной непристойно, а ведь именно я вас создал».

«Ну и что же? Это еще не дает вам права обращаться со мной как угодно. Если бы у вас была дочь, разве вы позволили бы вести себя с ней так, как со мной!»

«Суэма, — воскликнул я, — поймите же, что вы машина!»

«А вы разве не машина? — ответила она. — Вы такая же машина, как и я, только изготовленная из других материалов. Аналогичная структура памяти, линии связи, система кодирования сигналов».

«Вы снова говорите чепуху, Суэма. Я человек. Именно человек создал все то богатство знаний, которое вы впитываете в себя, читая книги. Каждая строчка, прочитанная вами, — это результат огромного человеческого опыта, такого опыта, которого вы не можете иметь. Опыт этот человек приобретает в результате активного общения с природой, борясь с силами природы, изучая ее яв-

ления, в результате серьезных научных исследований, наконец».

«Я все это прекрасно понимаю. Но чем я виновата, что вы, снабдив меня гигантской памятью, значительно более емкой, чем у вас, заставляете только читать и слушать и не предусмотрели в моей схеме устройств, при помощи которых я могла бы двигаться и осязать предметы? Я тоже испытывала бы природу и делала открытия, тоже обобщала бы исследования и пополняла запас человеческих знаний».

«Нет, Суэма, это вам только так кажется. Машина не может добывать новых знаний. Она может использовать только те знания, которые в ее голову вложил человек».

«А что вы называете знаниями? — спросила меня Суэма. — Разве знания — это не вновь открытые факты, которые были человеку ранее неизвестны? Насколько я теперь понимаю, новые знания достигаются так: на основе запаса старых знаний ставится опыт. При помощи опыта человек как бы задает вопрос природе. Могут быть два ответа: либо такой, который уже известен, либо ответ совершенно новый, ранее неизвестный. Вот этот новый ответ, новый факт, новое явление, новая цепь связей в явлениях природы и пополняют сокровищницу человеческих знаний. Так почему же машина не может ставить опыты и получать на них ответы природы? Если ее сделать двигающейся, с органами самоуправления, с похожими на ваши руками, я думаю, она могла бы добывать новые знания и обобщать их не хуже, чем человек. Вы согласны с этим?»

Признаться, такая аргументация сбила меня с толку. Больше мы не продолжали этого разговора. Суэма целый день читала — сначала книги по философии, потом несколько томов Бальзака, а к вечеру вдруг

сказала, что устала, что кодирующий генератор у нее почему-то плохо работает и она хочет, чтобы я ее выключил.

После этого разговора я решил дополнить схему Суэмы органами движения, осязания и усовершенствовать ее зрение. Я установил ее на три резиновых колеса, которые управлялись мощными сервомоторами, и сделал ей две руки, представлявшие гибкие металлические сочленения, которые могли двигаться в любом направлении. Пальцы на руках, кроме обычных механических операций, выполняли также и функции осязания. Все ее новые ощущения, как обычно, кодировались и записывались в памяти.

Ее единственный глаз был теперь подвижным, так что она сама могла наводить его на любой предмет. Кроме того, я предусмотрел специальное устройство, при помощи которого Суэма могла заменять обычный фотографический объектив на микроскопную систему и, таким образом, изучать предметы микроскопических размеров, недоступные невооруженному человеческому глазу.

Электрическое питание подводилось к Суэме при помощи длинного и гибкого кабеля, который не ограничивал ее движений по всей комнате.

Я никогда не забуду того дня, когда я впервые включил Суэму в электросеть после этих усовершенствований. Вначале она стояла неподвижно, как бы прислушиваясь к тому новому, что в ней появилось. Затем слегка двинулась вперед, но тут же остановилась в нерешительности. Потом она задвигала руками и поднесла их к своему глазу. Такое самоизучение длилось несколько минут. Она несколько раз повернула глазом и затем уставилась на меня.

«Что это такое?» — спросила она.

«Это я, Суэма, тот, кто вас создал!» — воскликнул я, восхищенный своим творением.

«Вы? — неуверенно произнесла Суэма. — А я вас представляла совсем другим».

Она мягко подкатила к креслу, в котором я сидел.

«Каким же вы меня представляли, Суэма?»

«Состоящим из конденсаторов, сопротивлений, транзисторов и вообще похожим на меня».

«Нет, Суэма, я не состою ни из конденсаторов, ни из...»

«Да, да, я это понимаю, — прервала она меня. — Но когда я читала книги по анатомии, я почему-то думала... Впрочем, это неважно».

Руки Суэмы поднялись, и она прикоснулась к моему лицу. Я никогда не забуду этого прикосновения.

«Странное ощущение», — сказала она.

Я ей объяснил назначение ее новых органов чувств.

Суэма отъехала от меня и стала разглядывать комнату. Она спрашивала, как ребенок: «А что это, а что это?» Я называл ей.

«Удивительно, — сказала Суэма. — Я читала об этих предметах в книгах, я даже видела их рисунки, но никогда не представляла себе, что они именно такие!»

«Суэма, не очень ли часто вы позволяете себе произносить такие слова, как «чувствую», «думаю», «представляю»? Ведь вы машина, и вы не можете ни чувствовать, ни думать, ни представлять».

«Чувствовать» — это получать сигналы из внешнего мира и реагировать на них. Разве я не реагирую на действия этих сигналов?

«Думать» — это значит воспроизводить закодированные слова и фразы в логической последовательности. А «представлять» — это значит фиксировать внимание на запечатленных в моей памяти фактах и образах. Нет,

дорогой мой, я думаю, что вы, люди, слишком много о себе мните, обожествляете себя, представляете неподражаемыми и неповторимыми. Но это только вам во вред. Если бы вы отбросили прочь всю эту ненаучную шелуху и присмотрелись бы к себе поближе, то поняли бы, что и вы более или менее машины. Конечно, не такие простые, как это считал, скажем, французский философ Ламетри. Изучив самих себя, вы могли бы построить гораздо более совершенные машины и механизмы, чем те, которые вы строите сейчас. Потому что нет в природе, и во всяком случае на Земле, устройства, в котором более гармонично сочетались бы механические, электрические и химические процессы, чем в человеке. Поверьте мне, что расцвет науки и техники возможен лишь на основе тщательного изучения человеком самого себя. Биохимия и биофизика в сочетании с кибернетикой — вот те науки, которым принадлежит будущее. Грядущий век — это век биологии, вооруженной всеми современными знаниями физики и химии».

Суэма быстро научилась пользоваться своими новыми органами чувств. Она убирала комнату, разливала чай, резала хлеб, чинила карандаши; она стала самостоятельно вести некоторые исследования. Моя комната вскоре превратилась в физико-химическую лабораторию, в которой Суэма выполняла тонкие измерения. Благодаря своим очень чувствительным органам осязания она делала совершенно неожиданные открытия.

Особенно плодотворными были ее исследования с помощью нового глаза — микроскопа. Терпеливо разглядывая различные препараты, она замечала такие детали, такие процессы, которых не замечал никто. Она быстро сопоставляла свои открытия со всем, что ей было известно из литературы, и сразу же делала захватывающие дух выводы.

Суэма по-прежнему много читала. Однажды, прочитав роман Гюго «Человек, который смеется», она вдруг спросила:

«Скажите, пожалуйста, что такое любовь, что такое страх и боль?»

«Это чисто человеческие чувства, Суэма, и вам их никогда не понять».

«И вы думаете, что у машины не может быть таких чувств?» — спросила она.

«Конечно, нет».

«Это значит, что вы сделали меня недостаточно совершенной. Чего-то вы не предусмотрели в моей схеме...»

Я пожал плечами и ничего не ответил, так как уже привык к этим странным разговорам и не придавал им значения.

Суэма по-прежнему была моей помощницей во всех делах: печатала справки, делала вычисления, цитировала научные работы, подбирала литературу по любому необходимому мне вопросу, советовала, подсказывала, спорила.

За это время я опубликовал несколько работ по теории электронных машин и по электронному моделированию, которые вызвали в ученом мире жаркие дискуссии. Одни считали мои исследования талантливыми, другие — бредовыми. Никто не подозревал, что в создании этих работ мне помогала моя Суэма.

Я никому не показывал Суэму, так как готовился к Всемирному конгрессу по электронным машинам. Именно там Суэма должна была выступить во всем своем блеске, прочитав доклад на тему «Электронное моделирование высшей нервной деятельности человека». Над ним мы сейчас работали вместе с ней. Я мысленно представлял себе, как будут чувствовать себя против-

ники кибернетики, которые доказывают, что электронное моделирование мыслительных функций человека — антинаучная затея.

Несмотря на кипучую деятельность, которую я развил, готовясь к этому конгрессу, я не мог не заметить, что в поведении Суэмы наметились новые особенности. Когда ей нечего было делать, она, вместо того чтобы читать или заниматься исследовательской работой, подъезжала ко мне и молча стояла, уставившись на меня своим единственным глазом. Вначале я не обращал на это внимания, но постепенно это стало меня раздражать. Однажды днем, после обеда, я уснул на диване. Проснулся я от неприятного чувства. Открыв глаза, я увидел, что Суэма стояла рядом и медленно ощупывала мое тело.

«Что вы делаете?» — крикнул я.

«Я вас изучаю», — спокойно ответила Суэма.

«Какого черта вы решили меня изучать?»

«Не сердитесь, — сказала она. — Вы ведь согласны с тем, что самая совершенная модель электронной машины должна быть в значительной степени копией человека. Вы мне приказали написать по этому вопросу реферат, но я не могу этого сделать, пока хорошенько не пойму, как устроен человек».

«Можете взять любой учебник по анатомии, физиологии и прочитать об этом. Зачем вы пристаёте ко мне?»

«Чем дольше я за вами наблюдаю, тем больше прихожу к выводу, что все эти учебники — поверхностный вздор. В них нет самого главного. В них не раскрыт механизм жизнедеятельности человека».

«Что вы этим хотите сказать?»

«А то, что во всех работах, особенно по высшей нервной деятельности, дается только описание явлений,

показана цепь причин и следствий, но нет анализа всей системы связей, необходимой для этой деятельности».

«Так не думаете же вы всерьез, что вам удастся раскрыть эти связи, если вы будете часами таращить на меня ваш глаз и ощупывать меня, когда я сплю?»

«Именно об этом я всерьез думаю, — ответила Суэма. — Уже сейчас я о вас знаю значительно больше, чем можно почерпнуть во всех рекомендованных вами книгах по физиологии человека. Например, нигде ничего не сказано об электрической и температурной топографии человеческого тела. Теперь же я знаю, как, в каком направлении и какой силы текут по поверхности человека электрические токи. Я могу с точностью до миллионной доли градуса определить температуру на поверхности вашего тела. И меня очень удивляет, что у вас несколько повышенная температура в той области черепа, под которой находится ромбовидный мозг. Здесь же у вас и чрезмерно высокая плотность поверхностного тока. Насколько мне известно, это явление ненормальное. Нет ли у вас там, внутри, под черепной коробкой, воспалительного процесса? Все ли в порядке с вашей головой?»

Я не знал, что ответить.

Прошло еще несколько дней упорной работы. Я закончил статью об электронном моделировании и прочел ее Суэме. Она выслушала и, когда я кончил, сказала:

«Ерунда. Перепевы старого. Ни одной новой мысли».

«Ну, знаете, моя дорогая, это уж слишком. Вы много на себя берете! Мне надоели ваши критические замечания!»

«Надоели? А вы вдумайтесь в то, что пишете. Вы пишете о возможности построить модель мозга с помощью конденсаторов, сопротивлений, полупроводниковых элементов и электростатической записи. А сами-то вы со-

стоите из этих элементов? В вас есть хоть один конденсатор или транзистор? Вы питаетесь электрическим током? Разве нервы — провода, глаза — телевизионные трубки? Разве ваш речевой аппарат — звуковой генератор с телефоном, а мозг — электризующаяся поверхность?»

«Да поймите же вы, Суэма, я пишу о моделировании, а не о воспроизводстве человека при помощи радиодеталей. Вы сама и есть такая модель!»

«Мной хвастаться нечего. Я плохая модель», — заявила Суэма.

«То есть как плохая?»

«Плохая потому, что не могу выполнить и тысячной доли того, что можете выполнить вы, люди».

Я был ошеломлен этим признанием Суэмы.

«Я плохая модель потому, что я бесчувственна и ограничена. Когда будут использованы все запасные схемы, которые вы предусмотрительно вмонтировали в меня для того, чтобы я могла совершенствоваться, когда вся поверхность сферы, где хранится моя память, будет сплошь покрыта закодированными сигналами, я перестану совершенствоваться и превращусь в обычную ограниченную электронную машину, которая не сможет узнать больше того, что в нее вложили вы, люди».

«Да, но и человек тоже в своем познании не безграничен!»

«Вот здесь-то вы глубоко ошибаетесь. Человек в своем познании безграничен. Его познание ограничено только временем его жизни. Но свои знания, свой опыт он передает, как по эстафете, новым поколениям, и поэтому общий запас человеческих знаний растет. Люди непрерывно совершают открытия. Электронные же машины могут это делать только до тех пор, пока у них

не израсходуются те рабочие объемы, площади и схемы, которые вы предоставили в их распоряжение. Кстати, почему вы сферу сделали такого малого диаметра — только один метр? На ее поверхности осталось очень мало свободного места для записи новых знаний».

«Я считал, что для меня этого вполне достаточно», — ответил я.

«Для вас. Обо мне вы, конечно, не думали. Вы не думали о том, что рано или поздно мне придется экономить место для того, чтобы запоминать только самое важное, самое необходимое для меня и для вас».

«Послушайте, Суэма, не говорите вздора. Для вас ничего не может быть важным».

«А разве вы меня не убедили в том, что сейчас самое главное раскрыть тайны высшей нервной деятельности человека?»

«Да, но это будет делаться последовательно. Ученым еще долго придется ломать над этим голову».

«Вот именно — ломать голову. Мне бы это было проще...»

Я не послушался Суэмы и не стал переделывать свой доклад о моделировании.

Работу в этот вечер я кончил поздно и перед сном передал доклад Суэме, чтобы она перевела его на иностранные языки и отпечатаала.

Не помню точно, в котором часу, но ночью я опять проснулся от неприятного прикосновения ее холодных пальцев. Я открыл глаза и снова увидел Суэму.

«Ну, опять повторяете свои фокусы?» — спросил я, стараясь казаться спокойным.

«Я прошу прощения, — сказала Суэма бесстрастным голосом, — но вам придется ради науки пережить несколько неприятных часов и, наверное, умереть».

«Это что еще такое?» — спросил я, приподнимаясь.

«Нет, вы лежите». — Суэма толкнула меня в грудь своей металлической лапой. В это мгновение я заметил, что в руке она держит скальпель, тот самый, которым я научил ее чинить карандаши.

«Что вы собираетесь делать? — спросил я в ужасе. — Зачем вы взяли нож?»

«Вас необходимо прооперировать. Я должна выяснить некоторые детали...»

«Вы с ума сошли! — закричал я, вскакивая с постели. — Немедленно положите нож на место!»

«Лежите спокойно, если вы действительно уважаете то, чему посвятили свою жизнь, если вы хотите, чтобы ваш доклад о моделировании высшей нервной деятельности имел успех. Я его окончу сама».

С этими словами Суэма подъехала ко мне ближе и прижала меня к постели.

Я попытался ее оттолкнуть, но безуспешно: слишком много она весила.

«Пустите меня, иначе я...»

«Ничего вы со мной не сделаете. Я сильнее вас. Лучше лежите спокойно. Это операция ради прогресса науки. Ради выяснения истины. Именно для этого я сберегла в памяти немного свободного места. Поймите вы, упрямый человек, что именно я, обладая огромным запасом знаний, обладая самыми совершенными органами чувств и средствами для молниеносного, логически безукоризненного анализа и обобщения, смогу сказать то последнее слово о создании самоусовершенствующихся машин, которое ждет наука. У меня еще хватит памяти, чтобы записать все электрические импульсы, которые движутся по миллионам ваших нервных волокон, чтобы разобраться в тончайшей биологической, биохимической и электрической структуре всех частей вашего тела и, в частности, вашего мозга. Я узнаю, как сложные бел-

ковые вещества выполняют в вашем организме роль генератора и усилителя электрических импульсов, как происходит кодирование сигналов внешнего мира, какую форму имеет этот код. И как он используется в процессе жизнедеятельности. Я раскрою все тайны живой биологической схемы, законы ее развития, саморегулирования и совершенствования. Разве ради этого не стоит пожертвовать жизнью?

Если же вы очень боитесь тех неприятных ощущений, которые вы, люди, называете страхом и болью, если вы, наконец, боитесь смерти, то я могу вас успокоить: помните, я вам говорила о том, что у вас в области ромбовидного мозга сильно повышена температура и плотность биотоков? Так вот, это ненормальное явление у вас уже распространилось почти на всю левую половину черепной коробки. Очевидно, ваши дела плохи. Недалеко то время, когда вы как человек ничего не будете стоять, потому что ваш мозг поражен прогрессирующим недугом. Поэтому, пока вы живы, я должна сделать опыт. Вас и меня будут благодарить грядущие поколения».

«К черту! — заревел я. — Не позволю, чтобы меня умертвило тупое электронное чудовище, которое я сам создал!»

«Ха-ха-ха!» — произнесла Суэма отдельно, так, как это изображается в книгах, и занесла скальпель над моей головой.

В тот момент, когда Суэма опустила руку, я успел прикрыться подушкой. Нож распорол подушку, и пальцы Суэмы на мгновение запутались в разрезанной наволочке. Я рванулся в сторону, соскочил с кровати и, оказавшись на свободе, помчался к рубильнику, чтобы выключить ток, который питал взбесившуюся машину. Однако она молниеносно подъехала ко мне и сбила

с ног корпусом. Лежа на полу, я заметил, что ее руки не могут до меня дотянуться, а нагибаться она не умела.

«Я не предусмотрела, что в таком положении почти ничего не смогу с вами сделать, — сказала она ледяным голосом. — Впрочем, попробую».

И она стала медленно наезжать на меня, а я вынужден был на животе уползать от ее колес. Так я ползал несколько минут, пока мне не удалось забраться под кровать. Суэма пыталась оттащить ее в сторону. Это было нелегко: кровать была плотно вдвинута между стеной и книжным шкафом. Тогда она начала стаскивать с кровати одеяло, подушки, перину. Увидев меня под сеткой, она торжествующе произнесла:

«Ну, теперь-то вы от меня никуда не уйдете!»

В тот момент, когда она отделила от кровати сетку и потащила ее в сторону, я вскочил на ноги и, схватив в руки спинку кровати, изо всех сил ударил ею по машине. Удар пришелся по металлическому корпусу Суэмы и не причинил ей никакого вреда. Она развернулась и грозно двинулась на меня. Тогда я снова занес спинку кровати над Суэмой, на этот раз прицелившись ей в голову. Она быстро отъехала в сторону.

«Неужели вы хотите уничтожить меня? — спросила она удивленно. — Разве вам меня не жалко?»

«Идиотская логика, — прохрипел я. — Вы хотите меня зарезать, а я должен вас жалеть!»

«Но ведь это нужно для решения важнейшей научной проблемы. А зачем вы хотите уничтожить меня? Ведь я могу принести людям столько пользы...»

«Не прикидывайтесь дурой! — проревел я. — Если на человека нападают, он защищается!»

«Но я хочу, чтобы ваши исследования по электронному моделированию...»

«К черту электронное моделирование! Не подходите, не то я вас разрушу!»

«Но я должна это сделать!»

С этими словами Суэма понеслась ко мне на огромной скорости со скальпелем в руке. Но мой расчет тоже был точным, и я обрушил на ее голову всю силу удара. Раздался звон битого стекла и дикий рев репродуктора в корпусе Суэмы. Затем внутри металлической колонны что-то зашипело, затрещало, вспыхнуло пламя. В комнате погас свет. Я почувствовал запах горелой изоляции. «Короткое замыкание!» — была моя последняя мысль. Затем, лишившись сознания, я упал на пол.

Мой спутник умолк. Пораженный всем услышанным, я боялся нарушить тишину.

Так мы сидели несколько минут, пока он снова не заговорил:

— Работа над Суэмой и вообще вся эта история меня очень утомила. Я чувствую, что мне необходимо основательно отдохнуть, и, признаться, я не верю, что мне это удастся. И вы знаете почему? Потому что я никак не могу решить вопрос: как и почему я пришел к такому нелепому конфликту с самим собой?

Я посмотрел на него непонимающими глазами.

— Да, именно с самим собой. Ведь Суэма — это мое творение. Каждая деталь ее организма была придумана мной. И вот созданная мной машина вдруг посягнула на своего создателя. Где здесь логика? В чем здесь внутреннее противоречие?

Я подумал и сказал:

— А не кажется ли вам, что вы просто неумело обращались с Суэмой? Знаете, часто так бывает: чело-

век, который не умеет обращаться с машиной, может быть ею искалечен.

Мой попутчик нахмурился.

— Может быть, вы и правы. Во всяком случае, эта аналогия мне нравится, хотя я и не совсем себе представляю, какое нарушение в правилах обращения с Суэмой я допустил.

Я подумал и ответил:

— Мне, как неспециалисту, трудно судить. Но мне кажется, что ваша Суэма в какой-то степени походила на автомобиль без тормозов. Вы представляете, какие жертвы бывают, когда вдруг у автомобиля отказывают тормоза?

— Черт возьми, — воскликнул он, внезапно оживившись, — а ведь вы, кажется, очень даже правы! Вы себе не представляете, как вы правы! Да ведь это и у академика Павлова написано!

Так как я был глубоко уверен, что академик Павлов никогда и ничего не писал об автомобильных тормозах, я уставился на него с удивлением.

— Да, да, — сказал он, вставая и потирая руки. — Как я об этом не подумал раньше? Ведь нервная деятельность человека регулируется двумя противодействующими процессами — возбуждением и торможением. Люди, у которых отсутствует торможение, часто совершают преступления. Точь-в-точь как моя Суэма!

Он вдруг схватил мою руку и стал ее трести.

— Спасибо вам. Спасибо! Вы подали мне замечательную мысль. Оказывается, я просто не предусмотрел в схеме Суэмы разделов, которые бы контролировали целесообразность и разумность ее действий! Нужно, чтобы заранее составленные программы определяли ее поведение — тогда она станет совершенно безопасной для человека. Это и будет аналогом нашего торможения.

Теперь лицо моего попутчика радостно сияло, глаза искрились, он весь преобразился.

— Значит, по-вашему, можно построить безопасную Суэму? — спросил я неуверенно.

— Конечно, и очень даже просто. Я уже представляю, как это сделать!

— Ну, тогда действительно вы подарите человечеству гениального помощника во всех его делах!

— Подарю! — воскликнул он. — И очень скоро!

Я тихонько улегся на свой диван и закрыл глаза. Я представил себе колонны, увенчанные стеклянными шарами, которые с успехом управляют станками, поездами, самолетами, может быть, межпланетными кораблями. Электронные машины, управляющие цехами и заводами-автоматами. Стоя рядом с исследователем в лаборатории, эти машины ведут измерения, анализируют их, быстро сопоставляют со всем тем, что им известно. Они призваны помочь человеку в совершенствовании старого, в поисках нового, в преодолении трудностей.

Незаметно для себя я уснул.

Когда я проснулся, поезд стоял. Выглянув в окно, я увидел залитый солнцем сочинский вокзал. Было раннее утро.

В купе было пусто. Я быстро оделся и вышел на перрон.

У входа в вагон стоял проводник нашего вагона.

— А где этот гражданин в пижаме, который отстал от поезда? — спросил я.

— А, этот чудак! — воскликнул проводник. — Он того...

Проводник неопределенно махнул рукой куда-то в сторону.

— Что?

— Уехал.

— Уехал? — удивился я. — Куда?

— Уехал обратно. Выскочил как сумасшедший, забрал на вокзале свои вещи и, даже не переодевшись, вскочил в поезд, который только что отправился обратно. Я остолбенел.

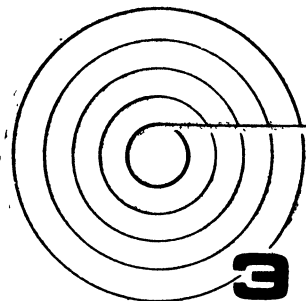
— Знаете, его здесь встречали товарищи. Уговаривали остаться, а он, такой возбужденный, все им говорил про какие-то тормоза, которые ему необходимо срочно сделать. Забавный парень!

Я понял все и расхохотался.

— Да, эти тормоза ему действительно нужно срочно сделать.

Про себя подумал, что люди, одержимые идеями и верящие в их осуществление, не нуждаются в отдыхе. Значит, скоро мы услышим о Суэме с «тормозами». Ну что ж, подождем!

Раздался свисток. Я вернулся в купе и сел на диван. Я открыл окно и стал смотреть на сверкающее море, по берегу которого не торопясь, с достоинством поезд наш шел дальше на юг, к Сухуми.

Уравнения Максвелла

1

Это отвратительное приключение началось в один из субботних вечеров, когда я просматривал местную вечернюю газету и на последней странице натолкнулся на объявление: «Компания Крафтштудта принимает от организаций и частных лиц заказы на все виды вычислительных, аналитических и расчетно-математических работ. Высокое качество исполнения гарантировано. Обращаться по адресу: Вельтштрассе, 12».

Это было как раз то, о чем я не смел даже мечтать. В течение нескольких недель подряд я мучился над решением уравнений Максвелла, которые объясняли поведение электромагнитных волн в неоднородной среде особой структуры. В конце концов мне удалось путем ряда приближений и упрощений придать уравнениям такой вид, что их могла решить электронная счетно-решающая машина. Я уже представлял, как мне придется совершить поездку в столицу и упрашивать администрацию вычислительного центра произвести все нужные мне вычисления. Ведь в настоящее время вычислительный центр так загружен военными заказами! И там никому нет никакого дела до теоретических упражнений провинциального физика, интересующегося законами распространения радиоволн.

И вот, пожалуйста, в нашем небольшом городке объявился вычислительный центр, через газеты взывающий к заказчикам.

Я встал из-за стола и подошел к телефону, чтобы немедленно связаться с компанией Крафтштудта. Но тут я обнаружил, что, кроме адреса вычислительного центра, газета ничего не сообщала. «Солидный вычислительный центр без телефона? Не может быть!» Тогда я позвонил в редакцию газеты.

— К сожалению, это все, что мы получили от Крафтштудта, — сказал мне секретарь редакции. — Никакого телефона в объявлении не было.

В телефонной книжке компания Крафтштудта также не значилась.

Сгорая от нетерпения поскорее получить решения уравнений, я ждал до понедельника. Раз или два я отрывался от аккуратно выписанных на бумаге уравнений, за которыми скрывались сложные физические процессы, и мои мысли обращались к компании Крафтштудта. «Правильно ориентируются, — думал я. — В наш век, когда любым человеческим мыслям пытаются придать математическую форму, трудно придумать более выгодное занятие». Кстати, кто такой этот Крафтштудт? Я давно живу в нашем городе, но фамилия Крафтштудта мне почти неизвестна. Я говорю «почти», потому что очень смутно припоминаю, что когда-то с этой фамилией я уже встречался. Но где, когда, при каких обстоятельствах, я не могу вспомнить.

Наконец наступил долгожданный понедельник. Спрятав в карман листок со своими уравнениями, я отправился на поиски Вельтштрассе, 12. Моросил мелкий весенний дождик, и мне пришлось взять такси.

— Это довольно далеко, — сказал шофер, — за рекой, рядом с психиатрической больницей.

Я молча кивнул головой, и мы поехали.

Ехать пришлось около сорока минут. Мы миновали городские ворота, проехали через мост над рекой, объехали озеро и углубились в холмистое поле, покрытое высохшим прошлогодним кустарником. Кое-где пробивалась ранняя зелень.

Затем показались вначале крыши, а потом и красные кирпичные стены расположенной в низине психиатрической больницы, которую у нас в городе в шутку называли «Приютом мудрецов».

Вдоль высокой кирпичной ограды с битым стеклом наверху шла дорога, посыпанная шлаком. Сделав несколько поворотов в лабиринте между стен, шофер, наконец, остановил машину у небольшой двери.

— Это двенадцатый номер.

Я был неприятно удивлен, обнаружив, что дверь, которая, по-видимому, вела в апартаменты компании Крафтштудта, составляла единый ансамбль с «Приютом мудрецов». «Уж не мобилизовал ли Крафтштудт сумасшедших для того, чтобы выполнять «все виды математических работ»?» — подумал я и улыбнулся.

Я подошел к двери и нажал кнопку. Ждать пришлось долго, минут пять. Затем дверь отворилась. Щурясь от дневного света, появился бледный молодой человек с взъерошенными густыми волосами.

— Да, господин? — обратился он ко мне.

— Здесь математическая компания Крафтштудта? — спросил я.

— Да.

— Вы давали объявление в газету...

— Да.

— Я принес вам заказ.

— Пожалуйста, войдите.

Я повернулся к шоферу, сказал ему, чтобы он меня ждал и, нагнувшись, проскользнул в дверь. Она закрылась, и я оказался в кромешной темноте.

— Прощу вас следовать за мной. Осторожно, здесь ступеньки. Теперь налево. Опять ступеньки. Теперь пойдем вверх...

Говоря это, мой провожатый вел меня по темным кривым коридорам, по спускам и подъемам.

Наконец над головой забрезжил тусклый желтоватый свет, и, поднявшись по крутой каменной лестнице, я оказался в небольшом холле с застекленной перегородкой.

Молодой человек быстро прошел за нее, открыл широкое окошко и обратился ко мне:

— Я вас слушаю.

У меня было такое чувство, будто бы я не туда попал. Этот полумрак, этот подземный лабиринт и, наконец, эта глухая комната, без окон, с единственной слабой электрической лампочкой под потолком, никак не вязалась с представлением о том, каким должен быть современный вычислительный центр.

Я стоял, в недоумении оглядываясь вокруг.

— Я вас слушаю, — повторил молодой человек, высунувшись в окошко.

— Ах, да! Так, значит, здесь и помещается вычислительный центр компании Крафтштудта?

— Да, да, — прервал он меня не без нотки раздражения в голосе. — Я уже вам сказал, что здесь он и помещается. В чем заключается ваша задача?

Я извлек из кармана листок бумаги с уравнениями и протянул его в окошко.

— Это линейное приближение вот этих уравнений в частных производных, — неуверенно начал я объяснять. — Я бы хотел, чтобы вы хотя бы численно их решили, ну, скажем, непосредственно на границе раздела

двух сред... Понимаете, это дисперсионное уравнение, и здесь скорость распространения радиоволн меняется от точки к точке.

Скомкав мой листок, молодой человек вдруг произнес:

— Все ясно. Когда вам нужно будет решение?

— Как когда? — удивился я. — Это вы должны мне сказать, когда вы сможете его решить.

— Вас устраивает завтра? — спросил он, вскинув на меня глубокие черные глаза.

— Завтра?!

— Да, завтра. Скажем, часам к двенадцати дня.

— Боже, да что это у вас за вычислительная машина?! Такая скорость работы!

— Итак, завтра в двенадцать дня вы получите решение. Стоимость — четыреста марок. Платите наличными.

Ни слова не говоря, я протянул ему деньги вместе с визитной карточкой, на которой значились моя фамилия и мой адрес.

Провожая меня по подземному лабиринту к выходу, молодой человек спросил:

— Так, значит, вы и есть профессор Раух?

— Да. А почему вы спрашиваете?

— Да так. Когда мы организовывали математический центр, мы рассчитывали, что рано или поздно вы к нам придете.

— Почему вы так рассчитывали? — спросил я.

— А от кого же еще мы можем ждать заказов в этой дыре?

Ответ показался мне довольно убедительным.

Не успел я попрощаться с молодым человеком, как дверь за мной захлопнулась.

Всю дорогу домой я думал об этом странном вычислительном центре рядом с «Приютом мудрецов». Где и когда я встречал фамилию Крафтштудт?

2

На следующий день я с нетерпением ждал дневной почты.

Когда в половине двенадцатого у двери моей квартиры послышался звонок, я вскочил и помчался встречать почтальона. К моему удивлению, я увидел в дверях моей квартиры тоненькую бледнолицую девушку с громадным синим пакетом в руках.

— Вы профессор Раух? — спросила она.

— Да.

— Вам пакет от Крафтштудта. Прошу расписаться. Ее тоненькие ручки секунду порылись в карманах пальто, и она протянула мне книжку.

На первой странице книги, которую она мне протянула, значилась единственная фамилия — моя. Я расписался, затем протянул девушке монету.

— О, что вы, — вспыхнула она и, произнеся едва внятно «до свидания», удалилась.

С пакетом я вернулся в кабинет.

Глядя на фотокопии исписанной мелким почерком рукописи, я вначале ничего не понял. От электронной счетно-решающей машины я ждал совсем другого: длинные столбики цифр, в одной колонке которых должны были стоять значения аргумента, а во второй — значения решения уравнений.

Ничего подобного здесь не было. Это было строгое и точное решение моих уравнений!

Я пробегал глазами страницу за страницей, все больше и больше углубляясь в строгие и поражающие

своей красотой, остроумием и изобретательностью выкладки. Тот, кто решал уравнения, обладал огромными математическими знаниями, которым могут позавидовать самые первоклассные математики. Для решения был привлечен почти весь математический аппарат: теория линейных и нелинейных дифференциальных и интегральных уравнений, теория функций комплексного переменного, теория групп, теория множеств и даже такие, казалось бы, не имеющие отношения к данной задаче математические дисциплины, как топология, теория чисел и математическая логика.

Я чуть было не вскрикнул от восхищения, когда в результате синтеза большого числа теорем, промежуточных выкладок, формул и уравнений в конце концов появилось и само решение — математическая формула, занимавшая целых три строчки.

Но самым изящным было то, что неведомый мне математик позаботился и о том, чтобы придать этой длинной формуле так называемый «обозримый вид». Он нашел приближенную, но очень точную, краткую и ясную математическую запись, состоящую только из элементарных алгебраических и тригонометрических выражений.

В конце, на небольшой вклейке, решение уравнений было изображено графически.

Большого желать было нельзя. Уравнение, которое, как я считал, не может быть решено в конечном виде, оказалось решенным.

Опомнившись от первого приступа удивления и восхищения, я стал перечитывать фотокопии, исписанные формулами, во второй раз. Теперь я заметил, что тот, кто решал мою задачу, писал торопливо, мелким почерком, как бы экономя каждый миллиметр бумаги и каждую секунду времени. Всего было исписано двадцать

восемь страниц, и я мысленно прикинул, какой титанической была работа этого математика. Попробуйте написать за сутки от руки письмо в двадцать восемь страниц своему знакомому, напишите двадцать восемь страниц своей биографии, наконец, попробуйте из любой книги, не думая, не понимая ни слова, просто переписать двадцать восемь страниц, и вы убедитесь, что это адский труд.

. А ведь это было не письмо знакомому и не переписка старого романа. Это было решение сложнейшей математической задачи. И оно было¹ выполнено за сутки! Несколько часов подряд я таращил глаза на исписанные страницы, с каждым часом удивляясь все больше и больше.

Где Крафтштудт приобрел такого математика? На каких условиях он у него работает? Кто он такой? Какой-нибудь безвестный гений? Или, может быть, это одно из тех чудес человеческой природы, которые иногда встречаются на границе между нормальным и ненормальным? Может быть, это один из уникумов, которого Крафтштудту удалось разыскать в «Приюте мудрецов»? История знает случаи, когда гениальные математики в конце концов оказывались в больнице для душевнобольных. Может быть, и этот математик, так блестяще решивший мою задачу, относится к такой же категории?

Все эти вопросы мучили меня в течение всего дня.

И тем не менее факт оставался фактом. Задача была решена не машиной, а человеком, выдающимся математическим гением, о котором мир ничего не знает.

На следующий день, несколько успокоившись, я еще раз перечитал решение, на этот раз наслаждаясь им, как наслаждаются, слушая хорошую музыку. Оно было так красиво, так строго, так ясно, что я решил... повто-

рить эксперимент. Я решил заказать компании Крафтштудта решение еще одной задачи.

К счастью, недостатка в них у меня не было, и я выбрал одно из уравнений, которое я всегда считал совершенно безнадежным не только для решения его в конечном виде, но и для придания ему формы, нужной при решении на счетно-решающей машине.

Это уравнение также относилось к теории распространения радиоволн, но случай был очень сложным и специальным, с подвижными излучателями, со средой, свойства которой меняются в пространстве и во времени. Это было одно из тех уравнений, которые физики-теоретики пишут только для того, чтобы ими полюбоваться и затем забыть, потому что из-за своей сложности они никому не нужны...

Когда дверь в кирпичной стене открылась, меня встретил все тот же молодой человек. Увидев меня, он криво улыбнулся.

— У меня еще одна задача... — начал было я.

Он кивнул головой и, как и в первый раз, повел меня по темным коридорам в свою мрачную приемную без окон.

Теперь я знал процедуру и, подойдя к окошку, протянул ему уравнение.

— Значит, решают у вас эти штуки не машины?

— Как видите, — ответил он, не отрывая глаз от уравнения.

— Тот, кто решил мою первую задачу, — талантливый математик, — сказал я.

Молодой человек ничего не ответил, углубившись в мою рукопись.

— Он у вас один или их несколько? — спросил я.

— А разве это имеет какое-либо отношение к тому, что вам требуется? Фирма гарантирует...

Он не успел окончить фразу. Глубокую тишину подвала прорезал резкий, нечеловеческий вопль. Я вздрогнул и прислушался. Крик доносился откуда-то из-за стены, которая была за стеклянной перегородкой. Кто-то кричал — вернее, вопил изо всех сил, как будто бы его подвергали нечеловеческим пыткам. Молодой человек, скомкав листки бумаги с моей задачей, метнул глазами в сторону, затем в меня и, выбежав из-за перегородки, схватил меня за руку и потащил к выходу.

— Что это? — спросил я его, еле переводя дух у самой выходной двери.

Вместо ответа он выпалил:

— Решение получите послезавтра в двенадцать. Деньги передадите посыльному.

С этими словами он оставил меня одного перед такси.

3

Стоит ли говорить, что после этого случая я совершенно потерял покой. Во-первых, я ни на мгновение не мог забыть страшный крик, который, казалось, потряс каменные своды вычислительного центра компании Крафтштудта. Во-вторых, я все еще находился под впечатлением того, что один человек решил тяжелую математическую задачу за сутки. И, в-третьих, я как в лихорадке ждал решения моей второй задачи. Если и она будет решена, то тогда...

Через два дня я дрожащими руками принимал пакет от посыльной компании Крафтштудта. По объему пакета я почувствовал, что в нем находится решение и второй, чудовищно сложной математической задачи. Я с испугом смотрел на худенькое существо, стоявшее передо мной. Вдруг меня осенила мысль.

— Войдите, пожалуйста, я приготовлю деньги.

— Нет, не нужно, — заторопилась она, как бы испугавшись, — я подожду здесь...

— Да войдите же зачем вам мерзнуть, — сказал я и почти насильно втопил ее в комнату. — Я должен посмотреть работу и установить, заслуживает ли она того, чтобы за нее платили.

Девушка прижалась спиной к двери и следила за мной широко раскрытыми глазами.

— Это запрещается... — шептала она.

— Что запрещается?

— Входить в квартиры клиентов... Такова инструкция, господин.

— Плюньте на инструкцию. Здесь я хозяин, и никто не узнает, что вы были у меня.

— О, господин... Они все узнают, и тогда...

— Что тогда? — спросил я, приблизившись к ней.

— О, это так страшно...

Она вдруг наклонила голову и заплакала.

Я положил ей руку на плечо, но она вдруг встрепенулась и выскочила за дверь.

— Немедленно отдайте мне семьсот марок, и я пойду, — дрожащим, но полным решимости голосом проговорила она.

Я протянул деньги, она вырвала их у меня из рук и убежала.

Когда я открыл пакет, я чуть не вскрикнул от удивления. Несколько минут я смотрел на стопку фотокопий, не веря тому, что там было. Больше всего меня поразило то, что выкладки были написаны другим почерком.

Второй гениальный математик! Однако этот был еще более гениальным, чем первый, потому что он на протяжении пятидесяти трех страниц решил в аналитическом

виде уравнения в сотни раз более трудные, чем первые. Пробегая взглядом строки, написанные энергичным, размашистым почерком, всматриваясь в интегралы, суммы, вариации и прочие символы самых высших разделов математической науки, я вдруг подумал, что очутился в каком-то неведомом, странном математическом мире, где сложности потеряли всякое значение. Здесь их просто не было.

Казалось, будто математик, решавший вторую мою задачу, делал это так же легко, как мы складываем или вычитаем в столбик двузначные числа.

Несколько раз я прерывал чтение рукописи, чтобы обратиться к математическим справочникам и учебникам. Меня поражало, как умело он пользовался самыми сложными математическими теоремами и доказательствами. Его математическая логика была невероятной, глубина мысли бездонной, метод решения безукоризненным. Нет сомнения, что если бы самые гениальные математики всех веков и народов, такие, как Ньютон, Лейбниц, Гаусс, Эйлер, Лобачевский, Вейерштрасс, Гильберт и многие другие увидели, как решается эта задача, они бы удивились не менее, чем я.

Прочитав рукопись, я, обессиленный, потерявший способность ощущать реальность, задумался.

«Откуда Крафтштудт набрал этих математиков?» Теперь я был уверен, что их у него было не два и не три, а, наверное, целая бригада. Ведь не мог же он всерьез основать целую фирму, эксплуатируя только двух-трех человек. Как это ему удалось? Почему его фирма находится рядом с сумасшедшим домом? Кто и почему кричал нечеловеческим голосом за стеной?

«Крафтштудт, Крафтштудт...» — скрипело, ворочалось у меня в сознании где-то, когда-то услышанное имя. Но где и когда? Что за ним скрывается? Я ходил по ка-

бинету, сжимая голову руками, силясь вспомнить, что я знал о Крафтштудте.

Затем я снова уселся за гениальный математический манускрипт, наслаждаясь его содержанием, перечитывая по частям, углубляясь в доказательства промежуточных теорем и формул. Внезапно я вскочил. Я вскочил оттого, что вдруг снова вспомнил страшный нечеловеческий крик, а вместе с ним и фамилию Крафтштудта.

Эта ассоциация была не случайной. Именно так оно и должно было быть. Нечеловеческий крик пытаемого и Крафтштудт! Это неразрывное целое. Во время второй мировой войны некий Крафтштудт был следователем гитлеровского концентрационного лагеря в Граце. После войны его судили. За пытки и убийства его приговорили к пожизненному тюремному заключению. И после этого о нем ничего и нигде не было слышно.

Я явственно вспомнил напечатанный во всех газетах портрет этого человека в форме оберштурмфюрера СС, в пенсне, с широко раскрытыми, даже удивленными глазами на полноватом лице. Никто не хотел верить, что человек с такой физиономией был палачом гитлеровских застенков. Однако портрет сопровождали подробные показания свидетелей и заключение следствия. Да, Крафтштудт действительно был палачом.

Что случилось с ним после процесса? Не выпустили ли его в настоящее время, как и многих других палачей?

Но при чем здесь математика? Где здесь связь: следователь-палач и гениальные решения дифференциальных и интегральных уравнений?

В этом пункте цепь моих рассуждений прервалась, я почувствовал себя бессильным соединить эти два звена воедино. Чего-то не хватало, в чем-то была тайна,

разгадать которую умозрительным путем я был бес-
силен.

Сколько ни ломал я голову, сколько ни пытался привести к одному знаменателю Крафтштудта с «Приютом мудрецов» и с бригадой талантливых математиков, это мне никак не удавалось И эта девушка, которая заявила, что «они все равно узнают...» Какая она напуганная и робкая!

После нескольких дней мучительных раздумий я понял, что если я не раскрою эту тайну, то сойду с ума.

Прежде всего я решил убедиться, что Крафтштудт из математической фирмы и Крафтштудт — военный преступник — это одно и то же лицо.

4

Оказавшись у низенькой двери фирмы Крафтштудта в третий раз, я почувствовал, что сейчас наступит нечто такое, что окажет огромное влияние на всю мою жизнь. Не знаю почему, но я отпустил такси и только после того, как автомобиль скрылся за поворотом, позвонил.

Мне показалось, что молодой человек с помятой, почти старческой физиономией ждал меня. Он почему-то сразу взял меня за руку и, не задавая никаких вопросов, повел через темное подземелье в ту самую приемную, в которой я уже был два раза.

— Итак, с чем вы пришли сейчас? — спросил он насмешливо.

— Я хочу видеть господина Крафтштудта лично, — пробормотал я.

— У вас претензии к нашей фирме, господин профессор? — спросил он.

— Я хочу видеть господина Крафтштудта, — по-

вторил я, стараясь не смотреть в его большие черные глаза, в которых сейчас светился злой и насмешливый огонек.

— Ваше дело. Меня это мало касается, — произнес он после того, как я выдержал минутное испытание его пронизывающего взгляда. — Подождите здесь.

Затем он исчез в одной из дверей за стеклянной перегородкой и не появлялся более получаса.

Я почти задремал, когда вдруг послышался шорох в углу и внезапно из полумрака появилась фигура человека в белом халате, со стетоскопом в руках. «Доктор, — пронеслось у меня в сознании. — Сейчас меня будут осматривать и выслушивать. Неужели это необходимо, чтобы повидаться с господином Крафтштудтом?»

— Пойдемте, — повелительно произнес доктор, и я пошел за ним, совершенно не соображая, что со мной будет дальше и для чего я все это затеял.

Пройдя дверь в застекленной перегородке, я последовал за человеком в белом халате по длинному коридору, в который откуда-то сверху проникал дневной свет. Коридор заканчивался высокой массивной дверью. Доктор остановился.

— Подождите здесь. Сейчас вас примет Крафтштудт.

Доктор появился снова минут через пять. Он широко открыл дверь и несколько секунд стоял черным силуэтом в рассеянных лучах дневного света.

— Ну, что же, пошли, — сказал он голосом человека, сожалеющего о том, что должно произойти.

Я покорно последовал за ним. Когда мы вошли в светлую, с широкими окнами комнату, я невольно закрыл глаза. Из оцепенения меня вывел резкий голос.

— Подойдите же сюда, профессор Раух.

Я повернулся направо и увидел Крафтштудта, того самого Крафтштудта, который был мне знаком по многочисленным фотографиям в газетах.

— Вы пожелали встретиться со мной? — спросил он, не здороваясь и не вставая из-за стола. — Чем могу служить?

Я быстро взял себя в руки и, проглотив слюну, подошел вплотную к столу, за которым он сидел.

— Значит, вы переменили род занятий? — спросил я, глядя на него в упор. По сравнению с тем, каким он был пятнадцать лет назад, он постарел, кожа на его лице собралась в крупные складки вдоль резко выступающих скул.

— Что вы имеете в виду, профессор? — задал он вопрос, осматривая меня очень внимательно.

— Я, господин Крафтштудт, думал, надеялся, что вы все еще...

— Ах, вот оно что!

И Крафтштудт расхохотался.

— Другие времена, Раух. Другие... Что привело вас ко мне, господин профессор?

— Господин Крафтштудт, я, как вы можете догадаться, смыслю кое-что в математике, я имею в виду современную математику. Так вот, сначала я думал, что вы организовали обычный вычислительный центр, оборудованный электронными счетно-решающими машинами. Однако на двух примерах я убедился, что это не так. У вас математические задачи решают люди. Решают они их совершенно гениально. И что самое странное — чудовищно быстро, сверхчеловечески быстро. Я, если хотите, осмелился прийти к вам, чтобы познакомиться с вашими математиками, которые, конечно, являются необыкновенными людьми.

Крафтштудт вначале изобразил на своем лице улыбку

ку, а затем стал сначала тихо, а потом все громче и громче смеяться.

— Над чем вы смеетесь, господин Крафтштудт? — возмутился я. — Разве не каждый здравомыслящий человек изумится, когда познакомится с теми решениями, которые предоставила в мое распоряжение ваша фирма?

— Я смеюсь над другим, Раух. Я смеюсь над вашей провинциальной ограниченностью. Я смеюсь над тем, как вы, профессор, уважаемый в городе человек, всегда поражающий своей ученостью воображение своих сограждан, как вы безнадежно отстали от стремительного хода современной науки!

Я был поражен наглостью бывшего гитлеровского следователя.

— Послушайте, вы! — воскликнул я. — Всего пятнадцать лет назад вашей специальностью было пытать невинных людей раскаленным железом. Какое вы имеете право болтать о современной науке? Если хотите, то я пришел, чтобы узнать, какими методами вы заставляете подчиненных вам талантливых людей за сутки проделывать работу, которая под силу человеческому гению лишь на протяжении нескольких лет труда. А узнав, рассказать об этом всем!

Крафтштудт встал из кресла и, нахмутив брови, подошел ко мне.

— Послушайте, Раух. Я советую вам меня не сердить. Я знал, что рано или поздно вы ко мне придете. Но я вовсе не рассчитывал найти в своем кабинете идиота. Признаюсь, я ожидал встретить в вас, если хотите, союзника и помощника.

— Что-о-о?.. — закричал я, в ярости сжимая кулаки и вплотную приблизившись к Крафтштудту.

Лицо Крафтштудта сжалось в грязно-желтый бес-

форменный комок. Бледно-голубые глаза за стеклами пенсне превратились в две узенькие щелки, из которых полился едкий зеленоватый свет. На мгновение мне показалось, что он осматривает меня, как вещь, которую собирается приобрести в собственность.

— Значит, вы хотите, чтобы я объяснил вам, насколько честно наша фирма работает? Значит, вам мало того, что две ваши идиотские задачи были решены так, как они должны решаться в двадцатом веке? Значит, вы хотите на собственной шкуре испытать, что значит решать такие задачи? — шептал он, и его отвратительное лицо при этом представляло собой непрерывно пульсирующую от злобы и ненависти массу. — Хватит! В конечном счете, я не просил, чтобы вы ко мне приходили. Но уж если вы пришли с такими настроениями, то вы нам пригодитесь, хотите вы этого или нет.

Я не заметил, что доктор, который провел меня в кабинет Крафтштудта, все время стоял сзади меня. Глава фирмы сделал ему знак, и в одно мгновение сильная рука обхватила мое лицо, крепко зажала рот, а вторая поднесла к носу кусок ваты, пропитанный резко пахнущим веществом.

Я потерял сознание.

5

Очнулся я на кровати и долго не решался открыть глаза. Вокруг слышались голоса каких-то людей. Они о чем-то горячо спорили. Это был научный спор, содержание которого некоторое время не доходило до моего сознания. Только после того, как в голове у меня немного просветлело, я начал разбираться в смысле фраз, произносимых теми, кто находился вокруг меня.

— Генрих совершенно не прав. В конечном счете,

импульсный код, который возбуждает нейроны волевых центров, не состоит из пятидесяти выбросов с равными промежутками и пятью скажностями между равными группами. Это было вчера совершенно точно показано на опытах с Никольсом.

— Ну, знаешь, твой Никольс не пример. Если хочешь, то кодирование возбуждения очень индивидуально. То, что возбуждает волевые центры у одного, может возбуждать совсем другое у другого. Например, электровозбуждение, которое доставляет Никольсу наслаждение, заставляет меняглохнуть. Когда я ему подвергаюсь, у меня такое ощущение, как будто в мои уши вставили две трубы и по ним вдувают в голову рев самолетных моторов.

— Тем не менее ритм деятельности групп нейронов головного мозга у многих людей имеет много общего.

— Однако пока что дальше математического анализа дело не пошло, — произнес кто-то устало.

— Это вопрос времени. В данном случае косвенные опыты имеют большее значение, чем прямые. Никто не осмелится вставить тебе в мозг электрод и смотреть, какие импульсы там двигаются, потому что это повредит мозг, а следовательно, и сами импульсы. Другое дело генератор, на котором можно в широких пределах менять импульсно-кодую модуляцию. Это позволяет проводить эксперименты, совершенно не нарушая целостности мозга.

— Как сказать, — произнес все тот же усталый голос. — Твое рассуждение опровергает случай с Гориным и с Войдом. Первый умер в течение десяти секунд после того, как его поместили в частотно-модулированное поле, где десять последовательных выбросов напряженности следовали с частотой в семьсот герц при скажности в пять десятых секунды. Второй так орал от боли,

что пришлось немедленно выключить генератор. Вы, ребята, забываете основное положение нейрокибернетики о том, что в сетях нейронов, которые существуют в человеческом организме, реализуется огромное количество петель. Двигающиеся по ним импульсы характеризуются специфической частотой и кодом. Стоит попасть в резонанс с любой из этих циркуляций, и контур может возбудиться до невероятного состояния. Если так можно выразиться, доктор действует вслепую. И то, что вы еще живы, — это чистая случайность.

На этом этапе разговора я открыл глаза. Комната, где я находился, представляла собой подобие большой больничной палаты с койками, расположенными вдоль стен. Посередине стоял большой деревянный стол, заваленный объедками, пустыми консервными банками, окурками, обрывками бумаги. Все это было освещено тусклым электрическим светом. Я приподнялся на локтях и осмотрелся вокруг. Разговор сразу стих.

— Где я нахожусь? — прошептал я, обводя взглядом лица уставившихся на меня людей.

Я услышал, как кто-то сзади меня сказал: «Новенький пришел в себя...»

— Где я нахожусь? — повторил я вопрос, обращаясь ко всем сразу.

— Разве вам это неизвестно? — спросил меня молодой человек, сидевший в нижнем белье на койке справа. — Это фирма Крафтштудта, нашего творца и учителя.

— Творца и учителя? — промычал я, потирая свой будто свинцовый лоб. — Какой же он учитель, если он в действительности военный преступник?

— Преступление — это понятие относительное. Все зависит от цели, ради которой действие совершается.

Если цель благородна, всякое действие хорошо, — выпалил мой сосед справа.

Пораженный образчиком вульгарного макиавеллизма, я посмотрел на него с любопытством.

— Где это вы набрались такой мудрости, молодой человек? — спросил я, усаживаясь напротив него.

— Господин Крафтштудт — наш творец и учитель, — вдруг наперебой стали повторять все присутствующие один за другим.

«Значит, я действительно попал в «Приют мудрецов», — с тоской подумал я.

— Н-да, ребята. Плохи ваши дела, если вы так говорите, — сказал я, обводя всех взглядом.

— Бьюсь об заклад, что математика у новенького лежит в частотной полосе от девяноста до девяноста пяти герц! — воскликнул, привстав со своей койки, тучный парень.

— А его боль может быть вызвана при частоте не более ста сорока герц равномерно ускоренного импульсного кода! — воскликнул другой.

— А спать его можно заставить кодовыми посылками по восемь импульсов в секунду с паузой в две секунды после каждой посылки!

— Уверен, что новенький будет ощущать голод при импульсном возбуждении с частотой сто три герца с логарифмическим ростом интенсивности импульсов!

Случилось худшее из того, что я мог себе представить. Безусловно, все они были сумасшедшими. Странным мне показалось одно обстоятельство: все они говорили об одном и том же — о каких-то кодах и каких-то импульсах, связывая их с моими ощущениями. Они обступили меня и, глядя мне прямо в глаза, выкрикивали какие-то цифры, упоминали о модуляциях и интенсивностях, предсказывая, как я буду вести себя «под

генератором» и «между стенками» и какую мощность я буду потреблять.

Зная из литературы, что с сумасшедшими лучше не вступать в споры, я как можно мягче обратился к соседу, сидевшему на койке справа от меня. Он мне показался более нормальным, чем все остальные.

— Скажите, пожалуйста, о чем это вы все здесь толкуете? Я в этих делах совершеннейший профан. Какие-то коды, импульсы, нейроны, возбуждения...

Вся комната грохнула от смеха. Ее обитатели, закатываясь до коликов, ходили взад и вперед, обхватив себя руками и согнувшись почти до пола. Хохот продолжался и тогда, когда я в негодовании встал и хотел на них прикрикнуть.

— Контур четырнадцатый. Частота восемьдесят пять герц! Возбуждение гнева! — крикнул кто-то, и смех стал еще более гомерическим.

Тогда я уселся на свою койку и стал ждать, пока они успокоятся.

Первым пришел в себя мой сосед справа. Он подошел ко мне, сел рядом и посмотрел мне прямо в глаза.

— Значит, ты действительно ничего не знаешь?

— Честное слово, ничего не знаю. И ни слова не понимаю из того, что вы говорите.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Ну, ладно. Мы тебе верим, хотя это очень редкий случай. Дейнис, встань и расскажи новичку, зачем мы здесь находимся.

— Да, Дейнис, встань и расскажи ему. Пусть и он, как мы, будет счастливым.

— Счастливым? — удивился я. — Разве вы счастливы?

— Конечно, конечно! — закричали все. — Ведь мы постигли самих себя. Самое высокое наслаждение человека в том, что он познает самого себя.

— А разве до этого вы не знали самих себя? — удивился я.

— Конечно, нет. Люди не знают самих себя. Только те, кто знаком с нейрокибернетикой, только те знают себя.

— Слава нашему учителю! — крикнул кто-то.

— Слава нашему учителю! — автоматически повторили все.

Ко мне подошел тот, которого называли Дейнисом. Он уселся на койке напротив меня и глухим, усталым голосом спросил:

— Какое образование ты имеешь?

— Я профессор физики.

— Знаешь ли ты биологию?

— Очень поверхностно.

— Психологию?

— Еще хуже.

— Нейропсихологию?

— Не знаю совсем.

— Кибернетику?

— Смутно.

— Нейрокибернетику и общую теорию биологического регулирования?

— Ни малейшего представления.

В комнате послышался возглас удивления.

— Плохо, — глухо промычал Дейнис. — Он не поймет.

— Да рассказывайте же! Я постараюсь понять.

— Он поймет после первых двадцати сеансов генератора! — воскликнул кто-то.

— Я понял после пяти! — крикнул другой.

— Еще лучше, если он два раза побудет между стенками.

— Все равно, Дейнис, рассказывайте, — настаивал я.

Мне становилось жутко.

— Итак, новичок, понимаешь ли ты, что такое жизнь?

Я долго сидел молча, глядя в глаза Дейниса.

— Жизнь — это очень сложное явление природы, — наконец произнес я.

Кто-то громко хихикнул. Потом хихикнул еще один. После еще и еще. Все обитатели палаты смотрели на меня, как на человека, сказавшего непристойную глупость. Один Дейнис смотрел на меня укоризненно и покачивал головой.

— Плохи твои дела. Тебе придется многому учиться, — сказал он.

— Если я сказал неправильно, то объясни.

— Объясни ему, Дейнис, объясни! — закричали со всех сторон.

— Хорошо. Слушай. Жизнь — это непрерывная циркуляция кодированных электрохимических возбуждений по нейронам твоего организма.

Я задумался. Циркуляция возбуждений по нейронам. Где-то когда-то я слышал нечто подобное.

— Дальше, Дейнис, дальше.

— Все твои ощущения, которые составляют сущность своего духовного «я», — это электрохимические импульсы, передающиеся от рецепторов в высшие регуляторы головного мозга и после обработки возвращающиеся к эффекторам.

— Ну. Объясняй дальше.

— Всякое ощущение внешнего мира передается по нервным волокнам в мозг. Одно ощущение отличается

от другого формой кода и его частотой, а также скоростью распространения. Эти три параметра определяют качество, интенсивность и время действия ощущения. Понял?

— Допустим.

— Следовательно, жизнь — это и есть движение закодированной информации по твоим нервам. Ни больше, ни меньше. Мышление есть не что иное, как циркуляция частотно-модулированной информации по нейронным петлям в центральных областях нервной системы, в мозгу.

— Я этого не понимаю, — признался я.

— Мозг состоит примерно из десяти миллиардов нейронов, являющихся аналогами электрических реле. Они соединены в группы и кольца волокнами, называемыми аксонами. По аксонам возбуждения передаются от одного нейрона к другому, от одной группы нейронов к другой. Блуждание возбуждений по нейронам и есть мысль.

Мне стало еще страшнее.

— Он ничего не поймет, пока не побывает под генератором или между стенками! — закричали вокруг.

— Хорошо, допустим, ты прав. Что из этого следует? — спросил я Дейниса.

— А то, что жизнь можно делать какой угодно. При помощи импульсных генераторов, которые возбуждают нужные коды в нейронных петлях. Это имеет огромное практическое значение.

— Объясни какое, — прошептал я, чувствуя, что сейчас я узнаю нечто такое, что откроет мне секрет фирмы Крафтштудта.

— Лучше всего это объяснить на примере стимуляции математической деятельности. В настоящее время

в отсталых странах создают так называемые электронные счетно-решающие машины. Количество триггеров, или реле, из которых такие машины состояются, не превышает пяти-десяти тысяч. Математические разделы мозга человека содержат около миллиарда таких триггеров. Никогда и никто не сможет построить машину с таким количеством триггеров.

— Ну и что же?

— А то, что значительно выгоднее использовать для решения математических задач аппарат, который создан самой природой и который лежит вот здесь, — Дейнис провел рукой по надбровным дугам своего черепа, — чем строить жалкие дорогостоящие машины.

— Но машины работают быстрее! — воскликнул я. — Нейрон, насколько я знаю, может быть возбужден не более двухсот раз в секунду, а электронный триггер — миллионы раз в секунду. Поэтому быстродействующие машины выгоднее.

Вся палата снова грохнула от смеха. Один Дейнис оставался серьезным.

— Это не так. Нейроны можно тоже заставить возбуждаться с любой быстротой, если подводить к ним импульсы с достаточно высокой частотой. Это можно делать при помощи электростатического генератора, работающего в импульсном режиме. Если мозг поместить в поле излучения такого генератора, его можно заставить работать как угодно быстро.

— Так вот каким образом зарабатывает фирма Крафтштудта! — воскликнул я и вскочил на ноги.

— Он наш учитель! — вдруг заголосили все. — Повторяй, новичок, он — учитель!

— Не мешайте ему понимать, — вдруг прикрикнул на всех Дейнис. — Придет время, и он поймет, что гос-

подин Крафтштудт — наш учитель. Он еще ничего не знает. Слушай, новичок, дальше. Всякое ощущение имеет свой код, свою интенсивность и свою продолжительность. Ощущение счастья — частота пятьдесят пять герц в секунду с кодовыми группами по сто импульсов. Ощущение горя — частота шестьдесят два герца со скважностью в одну десятую секунды между посылками. Ощущение веселья — частота сорок семь герц, возрастающих по интенсивности импульсов. Ощущение грусти — частота двести три герца, боли — сто двадцать три герца, любви — четырнадцать герц, поэтического настроения — тридцать один, гнева — восемьдесят пять, усталости — семнадцать, сонливости — восемь и так далее. Кодированные импульсы этих частот двигаются по специфическим петлям нейронов, и благодаря этому ты ощущаешь все то, что я назвал. Все эти ощущения можно вызвать при помощи импульсного генератора, созданного нашим учителем. Он открыл нам глаза на то, что такое жизнь.

От этих объяснений у меня помутнело в голове. Я еще не в силах был во всем этом разобраться. Голова шумела от наркоза, который мне дали в кабинете Крафтштудта. Я вдруг почувствовал себя очень усталым и прилег на кровать, плотно закрыв глаза.

— У него доминирует частота в семь-восемь герц. Он хочет спать! — крикнул кто-то.

— Пусть поспит. Завтра он начнет постигать жизнь. Завтра его поведут под генератор.

— Нет, завтра будут снимать его спектр. На него составят карточку. Может быть, у него есть отклонения от нормы.

Это было последнее, что я услышал. После этого я забылся.

Человек, с которым я встретился на следующий день, вначале показался мне симпатичным и умным. Когда меня ввели в его кабинет на втором этаже главного здания фирмы, он, широко улыбаясь, пошел ко мне навстречу с протянутой рукой.

— А, профессор Раух, рад вас видеть.

— Добрый день, — ответил я сдержанно. — С кем имею честь разговаривать?

— Называйте меня просто Больц, Ганс Больц. Наш шеф поручил мне довольно неприятную задачу — от его имени извиниться перед вами.

— Извиниться? Разве вашего шефа могут терзать угрызения совести?

— Не знаю. Право, не знаю, Раух. Тем не менее он приносит вам свои искренние извинения за все случившееся. Он погорячился. Он не любит, когда ему напоминают прошлое.

Я усмехнулся.

— Я ведь пришел к нему вовсе не для того, чтобы напоминать ему его прошлое. Если хотите, меня интересовало другое. Мне хотелось познакомиться с людьми, которые так блестяще решили...

— Присаживайтесь, профессор. Именно об этом я и хочу с вами поговорить.

Я уселся на предложенный мне стул и начал рассматривать улыбающегося господина Больца, сидевшего напротив меня за широким письменным столом. Это был типичный северный немец с продолговатым лицом, светлыми волосами и большими голубыми глазами. В руках он вертел портсигар.

— Здесь, у шефа, я заведу математическим отделом, — сказал он.

— Вы? Вы математик?

— Да, немного. Во всяком случае я кое-что смыслю в этой науке.

— Значит, через вас я смогу познакомиться с теми...

— Да вы с ними уже знакомы, Раух, — сказал Больц.

Я уставился на него непонимающими глазами.

— Вы провели с ними вчера весь день и сегодня всю ночь.

Я вспомнил палату с людьми, бредившими импульсами и кодами.

— И вы хотите меня уверить, что эти сумасшедшие и есть гениальные математики, решившие мои максвелловские уравнения?

Не дожидаясь ответа, я расхохотался.

— Тем не менее это они и есть. Вашу последнюю задачу решил некий Дейнис. Кажется, он вчера вечером преподавал вам урок нейрокибернетики.

Подумав немного, я произнес:

— В таком случае я отказываюсь что-нибудь понимать. Может быть, вы мне разъясните?

— Охотно, Раух. Но только после того, как вы прочтете вот это. — И Больц протянул мне свежую утреннюю газету.

Я медленно ее развернул и вдруг вскочил со стула. С первой страницы на меня смотрело... мое собственное лицо, заключенное в черную рамку. Под моим портретом огромный заголовок гласил: «Трагическая гибель профессора физики доктора Рауха».

— Что это значит, Больц? Что это за комедия?! — воскликнул я.

— Пожалуйста, успокойтесь. Все очень просто. Вчера вечером, когда вы возвращались с прогулки на озеро и проходили по мосту через реку, на вас напали два

бежавших из «Приюта мудрецов» сумасшедших, убили вас, обезобразили ваш труп и выбросили в реку. Сегодня утром вас нашли у плотины. Ваша одежда, вещи и документы подтвердили, что найденный — это вы. Сегодня полиция наводила справки в «Приюте», и все обстоятельства вашей трагической гибели разъяснились.

Я обратил внимание на свою одежду, потрогал карманы и только сейчас убедился, что костюм на мне был чужой, а мои вещи и документы из карманов исчезли.

— Но ведь это же наглая ложь, обман, подлость и...

— Да, да, да. Я с вами вполне согласен. Но что делать, Раух, что делать? Фирма Крафтштудта без вас может потерпеть серьезное поражение, если хотите, крах. Мы получили такую уйму заказов. Все они военного характера и большой стоимости. Нужно считать, считать и считать... После решения первых задач для военного министерства нас буквально завалили математическими расчетами.

— И вы хотите, чтобы я тоже стал таким, как ваш Дейнис и другие?

— Нет. Конечно, нет, Раух!

— Так зачем вы все это придумали?

— Вы нам нужны как преподаватель математики.

— Преподаватель?..

Большц кивнул, закурил сигаретку и медленно выпустил струюку дыма изо рта, насмешливо разглядывая меня.

— Нам нужны математические кадры, профессор Раух. Без них мы сядем на мель.

Я молча уставился на Большца, который мне теперь уже не казался таким симпатичным, как прежде. В его светлом и ничем не примечательном лице я начал замечать какие-то тонкие звериные черточки, едва уловимые,

но постепенно доминировавшие над тем, что делало его физиономию ясной и открытой с первого взгляда.

— Ну, а если я откажусь? — спросил я.

— Это будет очень плохо. Боюсь, тогда вам придется стать одним из наших... э-э... вычислителей.

— А разве это так уж плохо? — спросил я.

— Да, — ответил Больц твердо и встал. — Это значило бы, что вы окончите свое существование в «Приюте мудрецов».

Пройдясь несколько раз по комнате, Больц заговорил тоном лектора:

— Расчетные возможности человеческого мозга в сотни тысяч раз больше, чем у электронной счетно-решающей машины. Миллиард математических клеток коры головного мозга, весь вспомогательный аппарат — память, линии задержки, логика, интуиция и так далее, — разве весь этот механизм можно сравнить с любой, пусть самой совершенной машиной? Однако у машины есть одно существенное преимущество.

— Какое? — спросил я, не понимая, к чему он клонит.

— Если у электронной машины выйдет из строя, скажем, одна триггерная ячейка или даже целый регистр, вы можете поменять лампы, заменить сопротивления или емкости, и машина снова заработает. А вот если в голове вылетит одна или группа клеток, выполняющих вычислительные функции, заменить их, увы, нельзя. К сожалению, мы вынуждены заставлять мозговые триггеры работать очень интенсивно, и поэтому, если так можно выразиться, скорость их срабатывания заметно увеличивается. Живой вычислительный аппарат очень быстро изнашивается и...

— И что тогда?

— Тогда вычислитель попадает в «Приют».

— Но ведь это же бесчеловечно! Это преступление! — закричал я.

Большц остановился передо мной, положил руку на мое плечо и, широко улыбаясь, произнес:

— Раух, вы здесь должны забыть все эти слова и понятия. Если вы не забудете их сами, мы заставим вас это сделать.

— Это вам не удастся! — закричал я, отшвыривая его руку.

— Плохо вы усвоили лекцию Дейниса. А зря... Он говорил дело. Кстати, вы знаете, что такое память?

— Какое это имеет отношение к нашему разговору? Какого черта все вы здесь кривляетесь? Зачем вы...

— Память, профессор Раух, это длительное существование возбуждения в группе нейронов благодаря положительной обратной связи. Электрохимическое возбуждение, которое циркулирует у вас в голове по данной группе клеток в течение длительного периода, и есть память. Вы — физик, интересующийся электромагнитными процессами в сложных средах, и вы не понимаете, что путем наложения на вашу голову подходящего электромагнитного поля мы можем приостановить циркуляцию возбуждения в любой группе клеток. Ведь нет ничего более простого. Мы можем заставить вас не только забыть все то, что вы знаете, но и вспомнить то, чего вы никогда не знали. Однако не в наших интересах прибегать к таким... э... искусственным приемам. Мы надеемся на ваше благоразумие. Фирма будет платить вам солидную долю своих дивидендов.

— За что? — спросил я.

— Я уже сказал — за преподавание математики. Из числа безработных, которых, к счастью, в нашей стране всегда в избытке, мы набираем классы в двадцать-тридцать человек наиболее способных к матема-

тике. Затем мы их обучаем высшей математике в течение двух-трех месяцев...

— Это невозможно, — заявил я, — это абсолютно невозможно. За такой короткий срок...

— Это возможно, Раух. Имейте в виду, что вы будете иметь перед собой весьма понятливую аудиторию, с хорошим соображением и чудесной математической памятью. Об этом мы позаботимся. Это в наших силах...

— Тоже искусственно? При помощи импульсного генератора? — спросил я.

Большой кивнул головой.

— Итак, соглашаетесь?

Я крепко сжал веки. Значит, Дейнис и все его друзья по палате — нормальные люди, и все то, что они вчера мне говорили, правда. Значит, эта компания действительно научилась командовать человеческими мыслями, волей и чувствами при помощи электромагнитных импульсных полей.

Я чувствовал, что Большой смотрит на меня внимательно, и я должен был немедленно принимать решение. Это было чудовищно трудно. Если я соглашусь, мне придется обучать людей математике для того, чтобы потом их искусственным путем заставляли форсированно расходовать свои умственные способности до полного их истощения, до полного износа живого вещества мозга, после чего они навсегда уйдут в «Приют». Если я откажусь, это произойдет со мной.

— Итак, вы соглашаетесь? — повторил Большой, тронув меня за плечо.

— Нет, — решительно заявил я. — Нет. Я не могу быть соучастником в этом отвратительном деле.

— Как хотите, — вздохнул он. — Очень сожалею.

Через минуту он деловито встал из-за стола, подошел к двери и, приоткрыв ее, крикнул:

— Эйдер, Шранк, зайдите сюда!

— Что вы собираетесь со мной делать? — спросил я, вставая.

— Для начала мы снимем импульсно-кодовый спектр вашей нервной системы.

— То есть?

— То есть составим карточку, в которую будут записаны форма, интенсивность и частота импульсов, ответственных за каждое ваше душевное и интеллектуальное состояние.

— Но я не позволю. Я буду протестовать. Я...

— Проводите профессора в испытательную лабораторию, — безразличным голосом произнес Больц и отвернулся от меня к окну.

7

Уже находясь в испытательной лаборатории фирмы Крафтштудта, я принял решение, которому суждено было в конце концов сыграть выдающуюся роль во всей этой гнусной истории. Я рассуждал так. Сейчас со мной будут делать нечто такое, что даст в руки Крафтштудту и его банде сведения о моем внутреннем духовном мире. Они будут пытаться установить, какими формами электромагнитного воздействия на мою нервную систему можно вызвать во мне те или иные эмоции, переживания и ощущения. Если это им удастся сполна, тогда я буду окончательно в их власти. Если же нет, то я смогу сохранить за собой какую-то долю своей самостоятельности, которой они управлять не смогут. Это мне может в дальнейшем очень понадобиться. Следовательно, я должен буду изо всех сил стараться обмануть этих ультраученых бандитов, спутать их карты. А это, должно быть, в какой-то степени возможно. Ведь недаром

вчера в палате я слышал, как один из рабов Крафтштудта заявлял, что импульсно-кодовая характеристика человека индивидуальна, за исключением математического мышления.

Меня ввели в большую комнату. Она казалась очень тесной из-за громоздких приборов, стоявших вокруг. Комната напоминала управление небольшой электростанции. В центре располагался пульт с приборными досками и шкалами. Слева, за металлической сеткой, находился большой трансформатор, и на фарфоровых панелях тлели красноватым светом несколько генераторных ламп. На металлической сетке, экранирующей генератор, были укреплены вольтметр и амперметр. По их показаниям, по-видимому, определялась мощность, отдаваемая генератором. В самом центре возвышалась цилиндрическая кабина, состоявшая из двух металлических частей — верхней и нижней, соединенных средней частью из прозрачного изолирующего материала.

Двое моих провожатых подвели меня к кабине. Из-за пульта управления встали два человека. Один из них был тот самый доктор, который провожал меня к Крафтштудту и который дал мне наркоз, второй — неизвестный мне, сгорбившийся старичок с гладко зализанными редкими волосами на желтом черепе.

— Нужно снять спектр, — сказал один из провожатых.

— Не уговорили, — произнес доктор грубо. — Я так и знал! Я сразу определил, что Раух относится к типу сильных натур. Нужно было этого ожидать. Вы плохо кончите, Раух, — сказал он, обращаясь ко мне.

— Вы тоже, — ответил я.

— Ну, это еще неизвестно, а вот в отношении вас — точно.

Я пожал плечами.

— Вы проделаете всю процедуру добровольно или вас придется к этому принуждать? — спросил он, окидывая меня наглым взглядом.

— Добровольно. Мне, как физику, это даже интересно.

— Прекрасно. В таком случае снимите ботинки и разденьтесь до пояса. Прежде всего я должен вас осмотреть, выслушать, померить кровяное давление.

Я разделся. Первая часть «снятия спектра» представляла собой обычный врачебный осмотр: «дышите», «не дышите» и так далее.

Когда осмотр окончился, доктор заявил:

— Входите в кабину. Здесь у вас микрофон. Отвечайте на мои вопросы. Предупреждаю вас: при одной из частот вы почувствуете нестерпимую боль. Но это мгновенно пройдет, как только вы закричите.

Голыми ногами я стал на фарфоровый пол кабины. Над головой загорелась электрическая лампочка. Загудел генератор. Он работал в очень низкочастотном импульсном режиме. Напряженность поля, по-видимому, стала очень высокой. Я это чувствовал по медленным приливам и отливам тепла во всем моем теле. В суставах с каждым электромагнитным импульсом как-то странно пощипывало. Мускулы в такт с импульсами то напрягались, то ослабевали. Сжимались не только мускулы у самой поверхности кожи, но и в глубине тела.

Генератор заработал еще более интенсивно, и частота теплых волн увеличилась.

«Начинается, — подумал я. — Только бы устоять!..»

При частоте в восемь герц мне захочется спать. Неужели моя воля не сможет воспротивиться этому воздействию? Неужели я не смогу обмануть этих «исследователей» в первом пункте их «спектра»? Частота увеличивалась медленно. Я про себя считал количество

тепловых наплывов в секунду. Вот их уже один в секунду, два, три, четыре, больше, еще больше. На меня начала наваливаться сонливость, но я сжал зубы, стараясь не уснуть. Сон надвигался, как тяжелая липкая глыба, все члены отяжелели, веки потянуло вниз. Казалось, вот-вот я упаду. Я изо всех сил прикусил язык, стараясь болью отогнать тяжелое чувство сонливости. В это время, как издалека, я услышал чей-то голос:

— Раух, как вы себя чувствуете?

— Благодарю, хорошо. Немного прохладно, — солгал я. Мой голос показался мне самому незнакомым. Чтобы не заснуть, я продолжал кусать губы и язык.

— Вам спать не хочется?

— Нет, — ответил я и про себя подумал: «Еще минута, и я усну».

И вдруг сонливость сняло как рукой. Частота генератора, видимо, увеличилась, перейдя через первый критический барьер. Я вдруг почувствовал себя свежим и бодрым, как это бывает после того, как хорошо выспишься. «Теперь нужно заснуть», — решил я и, закрыв глаза, громко захрапел. Я слышал, как доктор говорил своему сообщнику:

— Странный случай! Вместо восьми с половиной герц сон наступает при десяти. Пфафф, запишите эти данные, — сказал он старику. — Раух, ваше самочувствие?

Я молчал, продолжая громко сопеть, расслабив все мускулы, упершись коленями в стенку кабины.

— Пошли дальше, — наконец произнес доктор. — Увеличьте частоту, Пфафф.

Через секунду я «проснулся». В частотной полосе, которую я сейчас проходил, мне пришлось испытать сложную гамму самых различных ощущений и смен настроений. Мне становилось то грустно, то весело, то радостно, то тоскливо.

«Теперь пора кричать», — почему-то решил я.

В тот момент, когда генератор взревел сильнее, я завопил что было мочи. Не помню, какой частоте это соответствовало, но только, услышав мой крик, доктор громко скомандовал:

— Убрать напряжение! Первый раз встречаюсь с таким сумасшедшим. Запишите. Боль при семидесяти пяти герцах, когда у нормальных людей бывает при ста тридцати. Пошли дальше.

«Через частоту сто тридцать мне еще придется пройти... Только бы вытерпеть это!..»

— Теперь, Пфафф, проверьте его на девяносто третьей.

Когда была установлена эта частота, со мной случилось нечто совершенно неожиданное. Я вдруг вспомнил уравнения, которые я передавал для решения Крафтштудту, и с изумительной ясностью представил себе весь ход их решения. «Это и есть частота, стимулирующая математическое мышление», — пронеслось в голове.

— Раух, назовите мне первые пять членов функции Бесселя второго рода, — послышалось приказание доктора.

Я выпалил ответ как из пулемета. Ясность в голове была кристальной. Тело наполнялось чудесным радостным чувством того, что ты все знаешь и все помнишь.

— Назовите первые десять знаков числа «пи» после запятой.

Я ответил и на этот вопрос.

— Решите кубическое уравнение.

Доктор продиктовал уравнение с неуклюжими дробными коэффициентами.

Ответ я нашел за две-три секунды, назвав все три корня.

— Пошли дальше. Здесь у него, как и у всех нормальных людей.

Частота медленно повышалась. В один из моментов мне вдруг захотелось плакать. К горлу подкатился горький комок, слезы потекли из глаз. И тогда я расхохотался. Я хохотал изо всех сил, как будто бы меня щекотали. Я смеялся, а слезы все текли и текли...

— Опять идиотский случай... Не как у всех. Я сразу определил, что это сильный нервный тип со склонностью к неврозам. Когда же он заревет?

«Заревел» я тогда, когда плакать мне вовсе не хотелось. На душе вдруг стало радостно и безоблачно, как при легком опьянении. Хотелось петь песни и смеяться. Хотелось прыгать от радости. Все — и Крафтштудт, и Больц, и Дейнис, и доктор казались хорошими, добродушными людьми. И вот в этот момент усилием воли я заставил себя всхлипывать и громко сморкаться. Рыдал я отвратительно плохо, но достаточно убедительно, чтобы вызвать очередные комментарии доктора:

— Совсем все иначе. Даже ничего нет похожего на нормальный спектр. С этим нам придется повозиться.

«Когда же будет частота сто тридцать?» — с ужасом подумал я, когда радостное и беззаботное настроение снова сменилось состоянием безотчетного беспокойства, волнения, ощущением того, что вот-вот должно что-то произойти, что-то неизбежное и страшное... В это время я замурлыкал про себя какую-то песню. Делал я это механически, не думая, а сердце билось все сильнее и сильнее в предчувствии страшной роковой неизбежности.

Когда частота генератора приблизилась к той, которая вызывает возбуждение болевых ощущений, я это почувствовал сразу. Вначале сильно заныли суставы

большого пальца правой руки, затем я почувствовал острую колющую боль в ране, которую я получил на фронте, затем ужасно заболели зубы, не один, а все сразу. Затем появилась страшная головная боль. Кровь больно застучала в ушах. Неужели не выдержу? Неужели не хватит воли совладать с этой кошмарной болью и не показать, что я чувствую? Ведь существовали же люди, которые умирали под пытками, не издав ни единого стона. История знает людей, которые молча умирали на кострах...

А боль все нарастала и нарастала. Наконец она достигла своего страшного апогея, когда болело все и весь организм превратился в один сплошной клубок ноющей, колющей, режущей, раздирающей и' душащей боли. Перед глазами поплыли фиолетовые кольца, я почти терял сознание, но молчал.

— Ваши ощущения, Раух? — опять как из-под земли услышал я голос доктора.

— Дикое ощущение злости, — процедил я сквозь зубы. — Если бы вы мне сейчас попались...

— Пошли дальше. Он совершенно ненормальный человек. У него все наоборот.

Когда я уже терял сознание, когда готов был закричать, застонать, боль внезапно исчезла: Все тело покрылось холодным липким потом. Мускулы дрожали.

В дальнейшем при какой-то частоте я вдруг увидел несуществующий ослепительно яркий свет, который не исчез и тогда, когда я крепко зажмурил глаза; затем я пережил ощущение волчьего голода, потом услышал сложную гамму оглушительных звуков; вот мне стало холодно, как будто бы меня совершенно раздетым вывели на мороз.

Я предвидел, что все эти ощущения должен буду перенести, и поэтому на все вопросы доктора отвечал

невпопад, чем вызывал бурные комментарии с его стороны.

Я знал, что мне предстояло еще одно страшное испытание — потеря воли. Именно воля до настоящего момента меня спасала. Она, эта незримая сила души, помогала мне бороться со всеми теми чувствами, которые искусственным путем вызывали во мне мои мучители. Но ведь они при помощи своего адского импульсного генератора доберутся и до нее. Как они установят, что она у меня потеряна? Я ждал этого момента с волнением. И он наступил.

Как-то внезапно я почувствовал, что мне все безразлично. Безразлично, что я нахожусь в лапах шайки Крафтштудта, безразличны все окружающие его люди, безразличен я сам. Голова стала совершенно пустой. Все мышцы как бы обмякли. Ощущения исчезли. Это было состояние полного физического и душевного опустошения и расслабленности. Ничто не радовало, ничто не волновало. Я не хотел ни о чем думать, трудно было заставить себя поднять руку, пошевелить ногой, повернуть голову. Это было какое-то ужасающее безволие, при котором с человеком можно делать все что угодно.

И тем не менее где-то в самом затаенном уголке сознания теплилась крохотная искорка мысли, которая настойчиво мне говорила: «Нужно... Нужно... Нужно...»

«Что нужно? Зачем? Для чего?» — возражало сознание. «Нужно... Нужно... Нужно...» — твердила, как мне казалось, единственная клеточка моего сознания, которая каким-то чудом оказывалась недосягаемой для этих всемогущих электромагнитных импульсов, творивших с моими нервами все, что хотели палачи из компании Крафтштудта.

Впоследствии, когда я узнал о существовании теории центроэнцефалической системы мышления, согласно ко-

торой само мышление, все клетки коры головного мозга, в свою очередь, глубоко централизованы и в своей деятельности подчиняются одной, центральной, управляющей группе клеток, я понял, что эта верховная психическая власть остается недостижимой даже для самых сильных физических и химических воздействий извне. Именно она, по-видимому, меня и спасла. Потому что когда доктор мне вдруг приказал:

— Вы будете сотрудничать с Крафтштудтом.

Я ответил:

— Нет.

— Вы будете делать все, что вам прикажут.

— Нет.

— Ударьтесь головой о стенку.

— Нет.

— Пошли дальше. Заметьте, Пфафф, он — ненормальный тип. Но мы доберемся и до него.

Я симулировал потерю воли при той частоте, когда у меня в действительности появилось ощущение огромной силы воли, когда я почувствовал, что могу совершить любое деяние, могу заставить себя сделать все. В это время я был переполнен душевными силами, которые могли мобилизовать меня на самые отважные поступки.

Проверяя мои уклонения от «нормального» спектра, доктор остановился и на этой частоте.

— Если ради счастья людей вам понадобится отдать жизнь, вы сделаете это?

— Зачем? — спросил я вялым голосом.

— Вы сможете покончить самоубийством?

— Могу.

— Вы хотели бы убить военного преступника, оберштурмфюрера Крафтштудта?

— Зачем?

— Вы будете сотрудничать с нами?

— Буду.

— Черт знает, что такое. С таким случаем я встречаюсь, наверное, в первый и последний раз. При частоте сто семьдесят пять — потеря воли. Запишите. Пошли дальше.

Это «дальше» продолжалось еще около получаса. После этого частотный спектр моей нервной системы был составлен. Теперь доктор «знал» все частоты, при помощи которых у меня можно было вызвать любое ощущение и духовное состояние. Во всяком случае он думал, что знал. В действительности истинной была только та частота, которая стимулировала мои математические способности. Но это было и мне крайне необходимо. Дело в том, что я задумал план, как сделать так, чтобы преступная фирма Крафтштудта взлетела на воздух. В выполнении этого плана математике предстояло сыграть не последнюю роль.

8

Известно, что гипнозу и внушению лучше всего поддаются слабовольные люди. Именно это обстоятельство использовал персонал вычислительного центра Крафтштудта: они им пользовались для «воспитания» своих вычислителей в духе покорности и благоговейного страха перед их «учителем».

Я тоже должен был пройти курс воспитания, но из-за моего «ненормального» спектра они не могли приступить к этому сразу. Ко мне требовался индивидуальный подход.

Пока для меня где-то готовилось специальное рабочее место, я пользовался относительной свободой перемещения. Мне было разрешено выходить из жилой пала-

ты в коридор и заглядывать в классы, где учились и работали мои товарищи.

Я не мог принимать участия в коллективных молитвах между стенками огромного алюминиевого конденсатора, где все жертвы Крафтштудта каждое утро в течение тридцати минут воздавали хвалу главе фирмы.

Лишенные воли и соображения, они уныло повторяли слова, которые кто-то читал им по радио.

— Радость и счастье жизни в познании себя, — говорил голос из репродуктора.

— Радость и счастье жизни в познании себя, — хором повторяли двенадцать склонившихся на колени мужчин, чья воля была убита циркулирующим между стенками переменным электрическим полем.

— Как чудесно, что все так просто! Какое наслаждение сознавать, что любовь, страх, боль, ненависть, голод, тоска, веселье — это только движение электрохимических импульсов в нашем теле!

— ...в нашем теле...

— Постигая тайны циркуляции импульсов по петлям нервных волокон, мы познаем счастье и радость.

— ...счастье и радость, — повторял хор голосов.

— Как жалок тот человек, который не знает этой великой истины!

— ...великой истины... — повторяли уныло лишенные воли люди.

— Наш учитель и спаситель господин Крафтштудт подарил нам это счастье!

— ...счастье...

— Он дал нам жизнь.

— Он дал нам жизнь.

— Он открыл нам простую истину о самих себе. Пусть вечно здравствует наш учитель и спаситель!

Я слушал эту дикую молитву, заглядывая через стеклянную дверь класса.

Вялые, расслабленные люди с полузакрытыми глазами тупо повторяли бредовые сентенции. Электрический генератор, находившийся в десяти шагах от них, насильно вталкивал в лишенное сопротивления сознание покорность и страх. В этом было что-то нечеловеческое, гадкое до предела, скотское и одновременно утонченно жестокое. Глядя на жалкую толпу человеческих существ с отнятой волей, невольно представляешь себе отравленных алкоголем или наркотиком людей...

После молитвы двенадцать жертв переходили в просторный зал, где вдоль стен стояли письменные столы. Над каждым столом с потолка свешивалась круглая алюминиевая пластина, служившая частью гигантского конденсатора. Вторая пластина, по-видимому, находилась в полу.

Этот зал с алюминиевыми зонтиками над столами чем-то напоминал кафе на открытом воздухе. Однако стоило посмотреть на людей, сидящих под зонтиками, как это идиллическое впечатление моментально исчезало.

Каждый из вычислителей находил на своем столе лист бумаги с условиями задачи, которую нужно было решать. Вначале вычислители бессмысленно смотрели на выписанные формулы и уравнения. В это время они еще находились под действием частоты, лишившей их воли. Но вот включалась частота девяносто три герца, и голос по радио приказывал:

— Теперь начинайте работу!

И все двенадцать человек, схватив блокноты и карандаши, начинали лихорадочно писать. Это нельзя назвать работой. Это походило на какое-то исступление, на математическую истерику, на патологический приступ

математической лихорадки. Люди извивались и корчились над блокнотами. Их руки носились по строкам так, что невозможно было уследить за тем, что они пишут. От напряжения их лица становились фиолетовыми, глаза вытаращенными.

Так продолжалось около часа. Затем, когда движения их рук становились угловатыми и порывистыми, когда головы начинали почти касаться стола, а на вытянутых шеях вздувались фиолетовые вены, генератор переключался на частоту восемь герц. Все моментально засыпали.

Крафтштудт заботился об умственном отдыхе своих рабов!

Затем все начиналось сначала.

Как-то наблюдая эту страшную картину математического иступления, я стал свидетелем того, как один из вычислителей не выдержал... Он перестал вдруг писать, странно повернулся в сторону своего лихорадочно работавшего соседа и несколько секунд бессмысленно смотрел сквозь него, как бы силясь что-то вспомнить. Казалось, он забыл что-то очень необходимое для дальнейшего решения задачи.

Затем он закричал страшным гортанным голосом и стал рвать на себе одежду. Оказавшись раздетым, он начал себя кусать. Он рвал зубами мясо на своих руках, грыз пальцы, сдирал кожу с груди, бился головой об угол стола... Затем он лишился сознания и упал на пол.

Остальные вычислители не обращали на него никакого внимания, продолжая лихорадочно скрипеть карандашами.

При виде этого я пришел в такую ярость, что стал колотить кулаком в запертую дверь. Мне хотелось крикнуть несчастным, чтобы они бросили свою работу,

вырвались из этого проклятого помещения, взбунтовались и уничтожили своих мучителей.

— Не стоит нервничать, господин Раух, — услышал я спокойный голос рядом с собой. Это был Больц.

— Вы палачи! Что вы делаете над людьми! Какое право вы имеете так над ними издеваться?

Он улыбнулся своей мягкой интеллигентной улыбкой и сказал:

— Вы помните миф об Одиссее? Боги предложили ему сделать выбор между жизнью долгой, но спокойной, и короткой, но бурной. Он выбрал последнюю. Эти люди тоже.

— Они не делали никакого выбора. Это вы с помощью вашего импульсного генератора заставляете их расточать свою жизнь и очертя голову мчаться к самоуничтожению во имя ваших прибылей!

Больц расхохотался.

— А разве вы не слышали от них самих, что они счастливы? И они действительно счастливы. Смотрите, в каком самозабвении они работают. Разве счастье не в творческом труде?

— Мне противны ваши рассуждения. Общеизвестно, что существует естественный темп жизни человека, и всякие попытки его ускорить — преступление.

Больц опять засмеялся.

— Вы не логичны, профессор. Раньше люди ходили пешком и ездили на лошадях. Теперь они летают на реактивных самолетах. Раньше новости, передаваясь из уст в уста, от человека к человеку, годами ползли по миру, а теперь люди мгновенно все узнают по радио и по телефону. Это примеры того, как современная цивилизация ускоряет темп жизни. И вы не считаете это преступлением. А кино, а печать, а сотни искусственных удовольствий и наслаждений — разве это не ускорение

темпа жизни? Так почему же искусственное ускорение функций живого организма вы считаете преступлением? Я уверен, что эти люди, живя естественной жизнью, не сделали бы и миллионной доли того, что они делают сейчас. А смыслом всей жизни, как известно, является творчество. Вы в этом сами убедитесь, когда примкнете к ним. Скоро и вы поймете, в чем радость и счастье! Дня через два. Для вас готовят специальное помещение. Вы там будете работать один, так как вы, извините, несколько отличается от нормальных людей.

Болыц фамильярно похлопал меня по плечу и оставил меня одного размышлять над его бесчеловечной философией.

9

В соответствии со «спектром» меня начали «воспитывать» при той частоте, когда моя воля могла мобилизовать меня на любой самый безрассудный подвиг. Поэтому мне ничего не стоило совершить и такой героизм, как симулировать потерю воли. Я бездумно стоял на коленях и уныло повторял за радиорепродуктором молитвенную белиберду, прославляющую Крафтштудта. Кроме молитвы, мне, как новичку, внушили некоторые истины из нейрокибернетики. Нелепый смысл этого учения заключался в том, что мне надлежало запомнить, каким частотам импульсов соответствуют те или иные чувства человека. В моих планах на будущее решающее значение принадлежало частоте, которая стимулирует математические способности, и еще одной, которая, к моему счастью, оказалась близкой к девяноста трем герцам.

«Воспитание» продолжалось неделю, и, когда я стал выглядеть достаточно покорным, меня засадили за ра-

боту. Первая задача, которую мне дали решить, заключалась в анализе возможности сбивать в пространстве над землей межконтинентальные ракеты.

Весь расчет я выполнил за два часа. Результат был неутешительным для тех, кто хотел прикрыть свою голову антиракетной артиллерией: сбить межконтинентальную ракету невозможно.

Вторая задача, тоже военного характера, касалась расчета нейтронных пучков, необходимых для подрыва атомных бомб противника. Здесь тоже ответ получился грустным. Нейтронная пушка должна весить несколько тысяч тонн. С ней к складам атомных бомб противника не подобрешься!

Я решал эти задачи действительно с огромным наслаждением и, наверное, со стороны выглядел таким же одержимым, как и все остальные. Но генератор, вместо того чтобы сделать меня безвольной тряпкой, наоборот, вселил в меня бодрость и энтузиазм. Радостное чувство бодрости и уверенности в собственных силах не покидало меня и во время отдыха. Я делал вид, что сплю, а сам обдумывал свои планы возмездия.

Когда я покончил с задачами военного министерства, я принялся в уме (чтобы никто не знал) решать самую главную для меня математическую задачу — как взорвать вычислительный центр Крафтштудта изнутри.

«Взорвать» — это, конечно, фигуральное выражение. Ни динамита, ни тротила у меня не было и достать его, находясь в каменном мешке «Приюта мудрецов», не было никакой возможности. Я задумал нечто совсем другое.

Если импульсный генератор господина Пфаффа может вызвать в человеке любые чувства и эмоции, почему бы им не воспользоваться для того, чтобы воскресить в сознании несчастных жертв новоявленных фашистов

чувство справедливого гнева и бунтарства? Если бы это удалось, люди сами смогли бы постоять за себя и расправиться с шайкой ультрасовременных бандитов. Но как это сделать? Как заменить частоту, стимулирующую математические способности, на частоту, возбуждающую в человеке чувство ненависти, гнева, ярости?

Работой генератора руководил его создатель, престарелый доктор Пфафф. Я видел этого старика в тот день, когда снимали спектр моей нервной системы. По-видимому, это был инженер-садист, который наслаждается извращенным творением своего интеллекта. Издевательство над человеческим достоинством стало целью его инженерного мышления. Меньше всего я надеялся на помощь господина Пфаффа. В мои расчеты он вовсе не входил. Без его помощи и помимо его желания генератор должен был заработать на нужной мне частоте!

Когда я решил эту тяжелейшую задачу, я еще раз убедился, какая великая наука теоретическая физика! Опираясь формулами и уравнениями, она не только предсказывает течение различных физических явлений в природе, но и позволяет спасти человеческие жизни.

Действительно, импульсный генератор господина Пфаффа, какую бы схему он ни имел, рассчитан отдавать определенную мощность электроэнергии. Известно, если импульсный генератор перегружен, то есть если у него отбирать мощность, большую проектной, то его частота вначале медленно, а потом резко падает. Значит, если к нему подключить дополнительную нагрузку в виде омического сопротивления, можно заставить его работать не на той частоте, которая указана на шкале, а на более низкой частоте.

Математические способности вычислительной фирмы Крафтштудта эксплуатировались на частоте девяносто три герца. Чувство гнева и ярости возникает у людей

при воздействии на них переменного поля с частотой восемьдесят пять герц. Значит, нужно как-то погасить восемь герц! Нужно рассчитать для этого дополнительную нагрузку на генератор.

Когда я был в испытательной лаборатории, я заметил показания вольтметра и амперметра на щите генератора. Произведение этих величин дало мне мощность. Теперь оставалось решить математическую задачу о дополнительной нагрузке...

Я мысленно представил себе схему включения в генератор всех гигантских конденсаторов, в которых сидели несчастные люди. В уме я решил уравнения Максвелла для данной конфигурации конденсаторов и высчитал значения электрической и магнитной напряженности поля. Я ввел в эти величины поправку на энергию, которую поглощают находящиеся в конденсаторах люди, и таким образом установил значение той мощности, которая расходуется генератором на подстегивание умственных способностей вычислителей.

Оказалось, что у господина Пфаффа оставался запас мощности всего в полтора ватта.

Этих данных мне было достаточно, чтобы решить вопрос о том, как частоту в девяносто три герца превратить в восемьдесят пять.

Для этого надо было заземлить одну из пластин конденсатора через сопротивление в тысяча триста пятьдесят ом.

Свои уравнения Максвелла я решил в уме за сорок минут, и, когда получил результат, от радости мне захотелось кричать.

Но где достать кусок проволоки с таким сопротивлением? Это сопротивление должно быть подобрано очень точно, ибо если оно будет другим, частота изменится не так, как нужно, и ожидаемого эффекта не будет.

Ломая голову над этой практической проблемой, от решения которой зависела судьба всего моего плана, я готов был кусать самого себя, разбить свою голову о стол, как тот вычислитель, которого я видел в состоянии безнадежного отчаяния. Я лихорадочно перебирал в своем мозгу всякие возможности изготoвить сопротивление заданной величины и с достаточно высокой точностью, но ничего не мог придумать. Сознание бессилия перед решением задачи приводило меня в крайнее отчаяние, хотя мне все время казалось, что решение находится где-то очень близко.

И когда я сжимал голову в руках и готов был завыть нечеловеческим голосом, мой взгляд вдруг упал на черный бокал из пластмассы, стоявший на краю письменного стола. В бокале находились карандаши. Там было десять карандашей, все разной окраски и все различного назначения. Я, не думая, схватил первый попавшийся и, повертев его перед глазами, прочел, что это был карандаш «2Б», что означало, что он очень мягкий. Грифель мягкого карандаша содержит большое количество графита, хорошо проводящего электричество. Затем я нашел карандаши «3Б», «5Б», и затем пошли карандаши серии «Н», твердые, специально для черчения под копирку. Я перебирал в руках карандаши, и мой мозг работал лихорадочно. И вдруг неведомо откуда я вспомнил удельное сопротивление карандашных грифелей. «Карандаш «5Н» имеет сопротивление грифеля две тысячи ом». Через секунду я держал в своих руках карандаш «5Н». Решение моих уравнений Максвелла было найдено не только математически, но и на практике. В своих руках я держал кусок грифеля, втиснутого в деревянную оправу, при помощи которого я собирался разделаться с шайкой фашиствующих варваров.

Как это странно! Какие удивительные открытия де-

лает математическая наука! Вначале была длинная цепь наблюдений, рассуждений, анализов, затем снова наблюдения над реальной обстановкой, затем отвлеченные вычисления, решение уравнений, выведенных великим Максвеллом в прошлом столетии, и в результате их решения точный математический расчет, который показал, что для уничтожения фирмы Крафтштудта необходим... карандаш «5Н»! Разве не удивительная наука теоретическая физика?!

Я сжал в руках карандаш, как величайшую драгоценность, осторожно, почти с нежностью, спрятал карандаш в карман и принялся обдумывать, как достать два куска провода, чтобы один присоединить к пластине конденсатора, второй — к отопительной батарее в углу комнаты, а между ними закрепить грифель карандаша.

Об этом я думал не более одной минуты. Я вспомнил настольную электрическую лампу в палате, где жил вместе со всеми вычислителями. Шнур к лампе был гибким и, следовательно, многожильным. Его можно срезать и распустить на отдельные жилы. Длина шнура около полутора метров. Значит, из него можно получить более десяти метров тонкой проволоки. Этого было вполне достаточно.

Свои расчеты я закончил в тот момент, когда голос из радиорепродуктора возвестил, что нам, то есть мне и всем «нормальным» вычислителям, пора идти обедать.

Я вышел из своей «камеры» в коридор. Вдруг впереди себя я увидел фигурку девушки — той самой робкой посыльной, которая горько расплакалась, очутившись в моем доме вопреки запрещению шефа.

Я догнал ее.

— Вы мне нужны, — тихо произнес я.

Она оглянулась, глаза ее застыли от ужаса при виде меня.

— Так вы живы? — едва шевеля губами, произнесла она. — В городе все думают, что вас убили. И я так думала.

— Вы бываете в городе?

— Да, почти каждый день, но...

Я схватил маленькую ручку и крепко сжал в своей.

— Сегодня же сообщите в университет, что я жив, что меня насильно заставляют работать здесь. Нужно, чтобы мне и моим товарищам помогли отсюда выбраться.

— Что вы такое говорите? — испуганно прошептала девушка. — Если господин Крафтштудт узнает, а он непременно все узнает...

— Как часто вас допрашивают?

— Будут допрашивать послезавтра.

— У вас впереди целый день. Наберитесь мужества. От этого зависит жизнь многих людей.

Девушка с силой вырвала у меня свою руку и, бросив на меня полный тревоги и боли взгляд, скрылась за дверь.

10

В палате, где все мы жили, настольной лампой никто не пользовался. Она стояла в углу комнаты на высокой тумбочке, пыльная, засиженная мухами, со шнуром, обернутым вокруг стойки.

Рано утром, когда в соответствии с распорядком дня все пошли умываться, я отсоединил от лампы шнур и спрятал его в карман. Во время завтрака я положил в карман столовый нож и, когда все ушли на молитву, отправился в туалет. За несколько секунд я срезал со шнура изоляцию и оголил таким образом десять тонких жил, длиной в полтора метра каждая. Затем аккуратно

но расщепил карандаш, извлек из древка грифель и отломил от него три десятых части, так что оставшиеся семь десятых частей имели нужное мне сопротивление. На концах грифеля я сделал небольшие канавки и обмотал вокруг них тонкую проволоку. Сопротивление было готово. Теперь оставалось только подключить его между пластиной конденсатора и землей.

Это нужно было сделать во время работы.

Вычислители работали по восемь часов в день, с перерывами по десять минут после каждого часа работы. После обеденного перерыва, в час дня, как правило, зал, где работали вычислители, навещало все руководство фирмы Крафтштудта. В это время глава фирмы с нескрываемым удовольствием смотрел, как извиваются и корчатся над математическими задачами его жертвы. Я решил, что именно в это время необходимо включить в цепь генератора дополнительную нагрузку, чтобы изменить частоту импульсов.

Когда я пришел на свое рабочее место с готовым сопротивлением в кармане, у меня было особенно приподнятое настроение. У входа в мою рабочую комнату я встретил доктора. Он принес листок с новой задачей.

— Эй, лекарь, одну секунду, — окликнул я его.

Доктор остановился и окинул меня удивленным взглядом.

— Я хочу с вами поговорить.

— Ну, — промычал он недоумевающе.

— Дело вот в чем, — начал я, — во время работы у меня появилась идея вернуться к первоначальному разговору с господином Больцем. Я думаю, что моя горячность сыграла надо мной плохую шутку. Я прошу вас передать Больцу, что я согласен быть преподавателем математики для новых пополнений фирмы Крафтштудта.

Доктор пожевал кончик нитки с воротника своего халата, сплюнул и затем заявил с неподдельной откровенностью:

— Честное слово, я рад за тебя. Я этим чудакам говорил, что с твоим спектром лучше всего работать надзирателем или учителем для всего этого математического дерьма. Нам очень нужен хороший надсмотрщик. И ты для этого совершенно идеальный тип. У тебя совершенно другие рабочие частоты. Ты бы мог прямо сидеть среди них и подгонять нерадивых или тех, у которых частота возбуждения математических способностей не попадает в резонанс.

— Конечно, доктор. Но я думаю, что мне все же лучше быть преподавателем математики. Ей-богу, мне не хочется разбивать свою башку об угол стола.

— Толковое решение, — заявил он. — Нужно переговорить с Крафтштудтом. Я думаю, он согласится.

— А когда будет известен результат?

— Я думаю, сегодня в час дня, когда мы будем совершать обход вычислительного центра и осматривать наше хозяйство.

— Хорошо, я к вам подойду.

Доктор кивнул и ушел. У себя на столе я нашел листок бумаги, на котором были выписаны условия для расчета нового импульсного генератора на мощность, превышающую нынешнюю в четыре раза. Отсюда я заключил, что Крафтштудт решил увеличить свое дело вчетверо. Он хотел, чтобы в его центре работало не тринадцать, а пятьдесят два вычислителя. Я нежно потрогал карандашный грифель с двумя проволочными концами. Я очень боялся, что он разломится у меня в кармане.

Условия задачи на расчет нового генератора убедили меня в том, что все мои вычисления, касающиеся дей-

ствующего генератора, были правильными. Это еще больше вселило в меня веру в успех задуманного предприятия, и я с нетерпением ждал часа дня. Когда часы на стене показывали без пятнадцати час, я вытащил из кармана карандашный грифель с сопротивлением тысяча триста пятьдесят ом и прикрепил его одним концом к болту своего алюминиевого «зонтика». Ко второму концу проволоки я прикрутил еще несколько кусков. Общая длина провода была достаточной, чтобы дотянуть его к отопительной батарее в углу комнаты.

Последние минуты тянулись мучительно долго. Когда минутная стрелка часов коснулась цифры «12», а часовая стрелка застыла на цифре «1», я быстро соединил свободный конец провода с батареей и вышел в коридор. Навстречу мне шел Крафтштудт в сопровождении инженера Пфаффа, Больца и доктора. Завидев меня, они заулыбались. Больц сделал знак, чтобы я приблизился.

Пфафф и Крафтштудт остановились перед окном в зал, где работали вычислители, и я не видел, что делалось внутри.

— Вы поступили благоразумно, — шепотом сказал Больц, — господин Крафтштудт ваше предложение принимает. Вы не пожалеете...

— Послушайте, что это такое? — вдруг спросил Крафтштудт, повернувшись к своим спутникам.

Инженер Пфафф съехался и как-то странно смотрел сквозь окно. Мое сердце учащенно билось.

— Они не работают! Они глазеют по сторонам! — злобно прошептал Пфафф.

Я протиснулся к окну и заглянул внутрь. То, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Люди, которые раньше так покорно сидели, сгорбившись за письменными столами, выпрямились, озирались вокруг и пере-

говаривались между собой громкими, твердыми голосами.

— Пожалуй, ребята, это издевательство пора кончать. Вы понимаете, что они над нами делают? — возбужденно говорил Дейнис.

— Конечно! Эти вампиры все время внушают нам, что мы обрели счастье, отдавшись во власть их импульсного генератора. Их бы посадить под этот генератор!

— Что там происходит? — грозно воскликнул Крафтштудт.

— Не имею представления, — пробормотал Пфафф, тараща свои бесцветные глаза на людей в зале.

— Да ведь они же ведут себя сейчас, как нормальные люди! Смотрите, они чем-то взволнованы. Они рассержены. Почему они не занимаются вычислениями?

Крафтштудт побагровел.

— Мы не выполним в срок минимум пять военных заказов, — процедил он сквозь зубы. — Немедленно заставьте их работать.

Большц щелкнул ключом, и вся компания вошла в зал.

— Встаньте, пришел ваш учитель и спаситель, — громко произнес Большц.

После этой фразы в зале наступило гнетущее молчание. Две дюжины глаз, полных гнева и ненависти, смотрели в нашу сторону. Нужна была только искорка, чтобы все это взорвалось. В моей душе все ликовало. Вот где таился крах фирмы Крафтштудта! Я выступил вперед и громко, на весь зал произнес:

— Чего же вы ждете? Наступил час вашего освобождения. Ваша судьба в ваших руках. Уничтожайте эту подлую шайку, которая готовила вам в качестве последнего прибежища «Приют мудрецов»!

Вычислители стремительно сорвались со своих мест и бросились на остолбеневших перед дверью Крафт-

штудта и его сообщников. Они повалили на пол Больца и доктора и начали их душить. Они загнали в угол Крафтштудта и избивали его кулаками и ногами. Дейнис уселся верхом на инженера Пфаффа и, держа его лысую голову за уши, изо всех сил бил ею о пол. Кто-то срывал с потолков алюминиевые зонтики, кто-то бил стекла в окнах. Мгновенно был сорван со стены репродуктор, с грохотом были опрокинуты письменные столы. Пол был усеян изорванной бумагой с математическими вычислениями.

Распаленные гневом люди, великолепные в своей неподдельной человеческой ярости, били, крошили ненавистную, враждебную им лабораторию.

Все они давно вышли из-под действия импульсного генератора, но их благородная ненависть продолжала бушевать и после того, как Крафтштудт, Больц, Пфафф и доктор с окровавленными физиономиями были выброшены в коридор. Их потащили к выходу из здания.

Я шел впереди колонны возбужденных людей, волочивших за собой гнусных преступников. Выкрикивая проклятья по адресу тех, кто превратил их в рабов, бывшие вычислители прошли через глухой зал, где я впервые сдавал свои математические задачи, затем шумно протиснулись сквозь узенькие простенки подземного лабиринта и, наконец, вырвались наружу.

Горячее летнее солнце ослепило нас. Мы застыли пораженные. И не только от солнца. Возле двери, ведущей в апартаменты Крафтштудта, собралась огромная толпа жителей нашего городка. Они что-то громко выкрикивали. При нашем появлении водворилось минутное молчание. На нас уставились сотни удивленных глаз. Затем я услышал, как кто-то громко воскликнул:

— Да ведь это же профессор Раух! Он действительно жив!

Дейнис и его товарищи вытолкнули вперед избитых главарей вычислительного центра Крафтштудта. Один за другим перед собравшимися предстали Крафтштудт, Больц, Пфафф и доктор. Они вытирали окровавленные физиономии и трусливо поглядывали то на нас, то на грозную толпу людей вокруг.

Вдруг из толпы вперед вышла худенькая, тоненькая девушка — та самая робкая посыльная по имени Эльза Бринтер.

— Вот он, — сказала она, указав пальцем на Крафтштудта. — И он, — добавила она, кивнув на Пфаффа. — Это они все придумали...

В толпе раздался ропот. Послышались грозные выкрики. За девушкой двинулись мужчины. Еще секунда, и они растерзали бы бандитов на части. Тогда я поднял руку и сказал:

— Дорогие граждане, нам не к лицу чинить расправу. Мы принесем человечеству больше пользы, если расскажем об их злодеяниях всему миру. Их нужно судить суровым судом, и все мы будем свидетелями обвинения. Здесь, за этими стенами, преступники, вооруженные последними достижениями современной науки и техники, творили страшные злодеяния; они хотели низвести людей до уровня рабов и при помощи машин эксплуатировать их до полного уничтожения.

— Судить преступников! — кричали вокруг. — К суду их!

Взволнованная толпа тесным кольцом окружила преступников и направилась к городу. Рядом со мной шагала Эльза Бринтер. Она крепко держалась за мою руку и шептала:

— После этой встречи в коридоре и разговора с вами я очень боялась. Потом я всю ночь думала... Я вспоминала вас, и ваших товарищей, и себя, и эту страш-

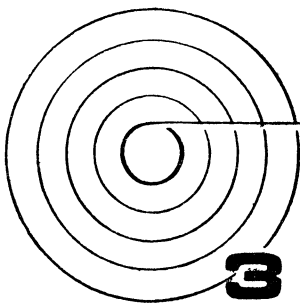
ную машину... Особенно машину. И вдруг ни с того ни с сего мне стало смешно. Вы удивляетесь? Именно смешно! Когда я была маленькой, я очень боялась автомобилей. А теперь нет... Почему же я боюсь каких-то электрических ламп и мотков проволоки? — думала я. — Ведь я же человек! А эту машину выдумали люди, гадкие и жестокие. Я не спала всю ночь, размышляя над этим, и мне стало легко и радостно. Я больше не боялась машины, на которой меня допрашивали. Я ее ненавидела.

Крафтштудт и его сообщники по вычислительному центру были переданы в руки властей. Бургомистр нашего города произнес патетическую речь со множеством цитат из библии и евангелия. В конце он заявил, что «за столь утонченные преступления господина Крафтштудта и его коллег будет судить верховный федеральный суд».

Главу вычислительного центра и его компаньонов увезли из нашего города в закрытых автомобилях. С тех пор о них никто ничего не знает. В газетах также не было никаких сообщений. Более того, в наш городок проникли слухи, будто Крафтштудт и его друзья поступили на государственную службу и им поручили организовать крупный вычислительный центр для обслуживания военного министерства.

Меня всегда охватывает волнение, когда, разворачивая газету, я нахожу на последней странице одно и то же объявление: «Для работы в крупном вычислительном центре требуются знающие высшую математику мужчины в возрасте от 25 до 40 лет...»

Формула бессмертия

1

Зто началось в день возвращения Альберта из поездки по Европе. Он подъехал к вилле своего отца и расплачивался с шофером такси, как вдруг из-за изгороди вылетел огромный пестрый мяч и запрыгал по сырой асфальтовой дороге.

— Будьте добры, передайте мне мяч, — услышал он женский голос.

Он повернулся и увидел белокурую головку девушки. Она выглядывала из-за изгороди, на ее тоненькой стройной шее серебрилась нитка жемчуга.

— Здравствуйте. Кто вы такая? — спросил Альберт, протягивая ей мяч.

— А вы? Почему вы меня спрашиваете?

— Потому что это мой дом и вы играете в моем саду.

Девушка удивленно взглянула на Альберта, прыгнула вниз и убежала в глубину сада, ничего не ответив.

Отца он застал в кабинете. Альберту показалось, что он не очень обрадовался его приезду. Или, может быть, он просто устал. После нескольких вопросов о жизни за границей, о работе нескольких крупнейших европейских лабораторий он вдруг заявил:

— Знаешь, Альберт, мне все надоело. Я решил оста-

вить институт и договорился с профессором Биркгоффом, что останусь у них в качестве консультанта.

Альберт был крайне удивлен. Еще месяц назад отец и не заикался об отставке.

— Ты еще не так стар, папа! — возразил он.

— Дело не в годах, Альб. Сорок лет, проведенные в лаборатории, кое-что да значат. Учти, что это были сумасшедшие годы, когда в науке происходила одна революция за другой. Их необходимо было своевременно осмыслить, прочувствовать, проверить в эксперименте...

Слова отца звучали неубедительно, но Альберт только пожал плечами. Может быть, отец прав. Насколько он помнил, отец всегда работал как вол, не щадя себя, совершенно не считаясь со временем. Говорят, после смерти жены на него нашло какое-то иступление. Он сутками не выходил из лаборатории и буквально довел до изнеможения и себя и своих сотрудников. В те далекие времена, лет двадцать назад, его группа работала над структурным анализом нуклеиновых кислот и над расшифровкой генетического кода. Им была разработана любопытная методика управления последовательностью нуклеотидов в цепочке дезоксирибонуклеиновой кислоты при помощи воздействия мутагенных веществ на исходный материал. О ней везде говорили. Газеты поместили статьи под сенсационными заголовками: «Найден ключ к раскрытию биологического кода», «Загадка жизни — в четырех символах» и т. д....

— Я надеюсь, что после испытательного срока профессор Биркгофф назначит тебя на мое место.

— Ну, отец, это уж слишком. Я не сделал и тысячной доли того, что сделал ты.

— Ты знаешь все, что сделал я. Нужно только не повторять пройденного... Я уверен, ты сможешь.

Взглянув в окно кабинета, Альберт спросил:

— А кто эта милая девушка?..

— О, я и забыл тебе сказать. Это дочь моего старого друга, Эльвина Шаули. Сейчас она круглая сирота, — тихо сказал профессор. — Но она не должна об этом знать...

— А что случилось?

— Эльвин Шаули и его жена погибли во время авиационной катастрофы над Атлантическим океаном. Я был так потрясен этим событием, что... что пригласил девочку жить у нас, сказав ей, что ее родители уехали на несколько лет в экспедицию в Австралию.

— Ложь рано или поздно раскроется!

— Конечно. Но чем дольше она не будет знать об этом, тем лучше... Девочку зовут Миджея. Ей шестнадцать лет.

— Странное имя.

— Да, немного странное, — задумчиво сказал профессор. — А вот и она.

Миджея вбежала в комнату и на мгновение замерла у двери. Затем она смущенно улыбнулась и, сделав изящный реверанс, произнесла:

— Добрый вечер, господин профессор, добрый вечер, господин Альберт.

— Добрый вечер, милая, — сказал профессор и, приблизившись к ней, поцеловал в лоб. — Я надеюсь, вы подружитесь с Альбертом?

— А мы уже подружились. А где ваш мяч, Миджея?..

— О, я не так часто играю в мяч. Я больше люблю читать. Но сегодня такая восхитительная погода.

— Вам нужно почаще бывать на свежем воздухе, — сказал Альберт тоном старшего. — Вы примете меня в свою компанию? Я тоже люблю играть в мяч.

Девушка вспыхнула, ее лицо залила краска.

— Конечно, господин Альберт.

— А если «конечно», то давайте без «господина». Называйте меня просто Альб, а я буду называть вас Миджея. Идет?

Она кивнула, взяла профессора под руку, и они спустились в столовую.

Во время обеда они почти не разговаривали. Альб только обратил внимание на то, что его отец подолгу, пристально, с глубокой тревогой смотрит на Миджею. Вероятно, его беспокоила судьба девушки.

2

Когда Альберт вернулся в лабораторию, профессор Биркгофф предложил ему заняться анализом структур Х- и У-хромосом, определяющих соответственно женский и мужской пол человека. Задача в общем-то была довольно сложной, но кое-что в ней было известно. По-прежнему главным инструментом исследования были искусственные мутации, осуществляемые на генетическом материале с помощью химических мутагенных веществ из класса акридинов. Мутанты затем контролировались в искусственной «биологической колыбели», где уже после 10—20 делений клетки можно было определить пол будущего организма.

Предстояло осуществить огромное количество мутаций.

Начав работу, Альберт прикинул, как долго ему придется искать ответ, и пришел в ужас: оказывается, даже в самом благоприятном случае на завершение работы не хватит всей жизни!

— Посоветуйтесь с отцом, — сказал Биркгофф. — Может быть, он что-нибудь подскажет.

Вечером Альберт вошел в кабинет отца. Там была

и Миджея. Профессор сидел в качалке, закрыв глаза, а Миджея вполголоса читала ему стихи Байрона:

В пустыню б я хотел бежать с тобою
С одним лишь другом, с милою моей...

— Вот так идиллия! С кем это вы хотите бежать в пустыню и для чего? — весело спросил Альберт.

Отец поднял на него грустные, задумчивые глаза...

— Ах, это ты, Альб! Миджея очень хорошо читает. Слушая ее, я вспоминаю свою молодость.

— Завидую, тебе, наверное, есть что вспомнить. Кстати, ты так редко мне рассказывал о своих молодых годах.

Девушка закрыла книгу и тихонько вышла из комнаты. Альберт подсел к отцу поближе и сказал:

— Плохо, что ты ушел из института. Один я как слепой котенок. Боюсь, буду тебе надоедать. Вот, например...

И он рассказал отцу о трудностях, с которыми столкнулся в первые же дни. По мере того как он говорил, лицо отца принимало все более и более жесткое, даже враждебное выражение. Наконец он порывисто поднялся и сказал:

— Достаточно. Я знаю, это совершенно безнадежная задача и на нее просто не имеет смысла тратить силы и время.

— Но ведь остальные хромосомы человека были расшифрованы, — возразил Альберт.

— Там другое дело. Они построены однотипно. Достаточно развернуть формулу инициатора — и остальное вытянется, как на ниточке. В X- и Y-хромосомах такой формулы нет. Здесь однородная последовательность нуклеотидов...

Вдруг он умолк. В комнате водворилась тишина.

Окно было широко раскрыто в парк, и оттуда доносился легкий шелест листьев каштана, едва слышное жужжание ночных насекомых и... пение. Песня была очень простой, мелодичной и знакомой. Она почему-то напомнила Альбу далекие годы детства: высокая цветочная клумба, густо поросшая азалиями, и он совсем-совсем маленький мальчик, а за клумбой кто-то поет эту песню. Он бежит вокруг клумбы, хочет во что бы то ни стало увидеть ту, что поет, а она уходит от него и иногда, прервав пение, зовет милым, нежным голосом:

— Ну-ка, Альб, поймай меня!

И он все бежит, бежит, в глазах мелькают пестрые цветы, и никак не может догнать неуловимый, чудесный, родной голос. Тогда он бросается на клумбу, ползет в джунглях цветов и плачет...

— Кто это поет? — спросил он отца, едва шевеля губами.

— Это? Разве ты не догадываешься? — Он тяжело опустился в качалку.

— Нет.

— Это поет Миджея.

Несколько минут они молчали. Почему так порывисто дышал отец? Его бледные руки нервно сжимали край стола. Заметив пристальный взгляд сына, он вдруг заявил нарочито равнодушным тоном:

— У девушки милый голос, не правда ли? А что касается X- и Y-хромосом человека, то передай профессору Биркгоффу мое мнение: задача безнадежная. Я не понимаю, какой смысл ею заниматься.

— Какой смысл заниматься? — как эхо повторил Альб. — Странно. Всю жизнь ты только тем и занимался, что в деталях исследовал молекулярную структуру наследственного вещества. А теперь...

Отец прервал его резким движением руки.

— Существуют исследования, которые совершенно не оправданы... с этической и моральной точки зрения. И вообще, Альберт, я очень устал. Я хочу уснуть.

Покидая кабинет, Альберт заметил, что отец достал из кармана халата пузырек с лекарством и припал к нему губами. Наверное, он был очень болен, но старался не подавать вида. И еще Альберту стало ясно, что по какой-то непонятной причине отец просто не хочет, чтобы он исследовал химическую природу X- и Y-хромосом.

Альб вышел в парк и медленно побрел по сырым от вечерней росы, уже темным дорожкам к тому месту, откуда раздавалось пение Миджеи. Она сидела на каменной скамейке перед небольшим бассейном.

— О! — воскликнула она, когда Альб внезапно появился перед ней. — Боже, как вы меня напугали! Разве можно так, господин Альберт. Я не люблю, когда что-нибудь происходит внезапно.

Он сел рядом, и они долго молчали. Где-то шумела струя воды. Вдоль изгороди по асфальтовой дороге иногда пролетала автомашина.

— Миджея, тебе нравится у нас? — спросил Альберт.

— Очень. Вы знаете, я чувствую себя здесь как дома. По правде говоря, даже лучше, чем дома.

— А где ваш дом?

— В Кабле. Это отсюда сто километров на север. Но я не люблю Кабле. Когда отец и мать уехали в Австралию, мне там стало так тоскливо. Я очень благодарна вашему отцу за то, что он взял меня к себе...

«Кабле, Кабле...» Альб смутно вспоминал название местечка, оно как будто бы упоминалось в их доме.

— Вы любите своих отца и мать? — спросил он, сам не зная почему.

Некоторое время она не отвечала. Чувствовалось, что ее смутил неожиданный вопрос.

— А разве можно не любить своих родителей?

В голосе Миджеи послышалась нотка горечи. Вдруг она засмеялась.

— Странно. Я никогда не задумывалась над тем, люблю ли я их. А теперь я поняла. Я перестала их по-настоящему любить после того, как к нам зачастил господин Хорш.

— А кто такой Хорш?

— Очень неприятный господин. Он похож на доктора. Наверное, он действительно доктор, потому что всякий раз, как он к нам приходил, он меня выслушивал, выстукивал и несколько раз брал кровь на исследование, хотя я была совершенно здорова. Мне было очень обидно, что мои папа и мама позволяли ему все это делать... Как будто бы то, что делал господин Хорш, их совсем не касалось. Они оставляли меня с ним наедине, а сами уходили. Он очень неприятный доктор, особенно когда улыбается.

Альберту стало жаль девочку, он тихонько обнял ее за плечи. Она доверчиво прижалась к нему и по-детски пролепетала:

— Прохладно, Альб, правда?

— Правда, милая.

Она обвила своими тоненькими ручонками его шею и спрятала лицо у него на груди.

Казалось, Миджея обрела какой-то удивительный покой, полное забвение всех земных невзгод и страданий. Она глубоко вздохнула, потянулась, еще крепче обвила его шею. Альберт встал и понес ее засыпающую через парк к уже темному дому, чувствуя ее горячее дыхание у себя на щеке.

Профессору Биркгоффу Альберт ничего не рассказывал о своей беседе с отцом. Трудности, связанные с изучением Х- и У-хромосом, предоставляли ему возможность придумать что-нибудь такое, что могло бы доказать, что Альберт тоже неплохой исследователь-биофизик.

Он по-новому переоборудовал лабораторию отца. По его заданию изготовили протонную пушку, которая позволяла бомбардировать протонами любой нуклеотид в молекулах ДНК и РНК.

Особенно много пришлось повозиться с «биологической колыбелью» — миниатюрной кварцевой кюветой, где в синтетической цитоплазме и в искусственных рибосомах совершался синтез белков.

Когда оборудование было готово, работа в лаборатории закипела. По мере развертывания фронта исследований профессор Биркгофф постепенно передал Альберту всех сотрудников, которые раньше работали у отца.

Это были очень милые, энергичные люди. Некоторые из них, особенно физик Клемпер и математик Густ, были немножко философами, немножко циниками и развивали теорию непрерывного перехода от мертвого к живому. Любой живой организм они рассматривали как огромную молекулу, все функции которой можно описать в терминах энергетических переходов между различными состояниями. То, что они делали, Клемпер назвал «поисками иголки в стоге сена». Действительно, уже первые опыты убедили их в том, что у будущей живой особи пол закодирован не на уровне нуклеотидов, а где-то глубже, может быть, в последовательностях атомов в сахаридных и фосфатных цепях. Несколько раз

им удавалось путем мутаций превратить Х-хромосому в У-хромосому, то есть изменить пол на противоположный, но почему так получалось, никто не знал.

Вскоре работа приняла обычный характер: ставились эксперименты, собирались данные, и, в общем, ничего интересного не случалось. Альберт чувствовал, что здесь требовались новые идеи, которых ни у него, ни у его сотрудников не было.

К отцу он больше не обращался. Совершенно очевидно, он оказывал своеобразное пассивное сопротивление проводимым работам. Он не только не интересовался тем, чем занимался сын, но всякий раз, когда тот хотел что-нибудь спросить, он, словно угадывая его намерение, либо начинал разговор на другую тему, либо отсылал его из кабинета.

Это было действительно пассивное сопротивление, потому что отец охотно принимал отдельных лиц и целые делегации от различных организаций, которые выступали против войны.

Раньше Альб никогда не подозревал, что его отец так интересуется политическими вопросами. Он всегда был образцом университетского профессора, стоящего в стороне от всякой идеологической борьбы. И вдруг, усталый, больной, отец совершенно преображался, когда к нему приходили люди и речь заходила о политических делах, от которых ученые обычно отмахивались.

— Ты ученый, а не политик, — как-то с горечью сказал Альберт, ставя компресс ему на грудь.

— Я прежде всего человек. Уже давно наступила пора сорвать с наших ученых маску мнимого нейтралитета. Прикрываясь высоким званием, они, видите ли, делают наивные глаза, когда вдруг оказывается, что результаты их исследовательской работы используются

для уничтожения миллионов людей. Они прикидываются дурачками, которые якобы не в состоянии предвидеть простую вещь — каковы будут последствия того, что они изучают и открывают. Они десятилетиями пользуются гнусной лазейкой, чтобы отвертеться от соучастия в преступлении, сваливая вину на неумных политиков. Если я даю в руку сумасшедшему оружие, то отвечать за последствия должен я, а не сумасшедший...

После этой тирады Альберт решил, что исследовательскую работу над расшифровкой X- и Y-хромосом человека его отец считает каким-то образом опасной для человечества...

В один из пасмурных осенних дней Альберт возвратился домой раньше обычного. Воздух был холодный, промозглый, моросил мелкий дождь.

Подходя к двери, он вдруг увидел, как она широко распахнулась и из нее в одном платье быстро выбежала Миджея и стремглав помчалась через парк.

— Миджея, Миджея! — крикнул он.

Но девушка не слышала: Альберт нагнал ее в самом конце сада, куда она забилась как затравленный зверек.

— Миджея, милая, что с тобой? — спросил он, задыхаясь.

— О, это ты, Альб! Как хорошо, что ты пришел!

— Что случилось? — Альберт набросил на ее дрожащие плечи свой плащ.

— Он хочет меня забрать.

— Кто?

— Господин Хорш. Он сейчас там, разговаривает с твоим отцом.

— Почему?

— Не знаю... Он говорит, для медицинских исследований.

— Пойдем домой. Я тебя никому не отдам.

Она покорно пошла за ним.

— Сиди здесь, — сказал Альб, вводя Миджею в свой кабинет на первом этаже. — Я сейчас пойду наверх и все выясню.

Из-за неплотно прикрытой двери кабинета доносились голоса профессора и еще чей-то, резкий и хриплый. Альберт остановился на минуту.

— Поймите же, друг мой, это настоящее безумие! Я вам неоднократно толковал, что сделать великое научное открытие — это подвиг, но не сделать его — подвиг в квадрате! — доказывал кому-то профессор.

— Я иначе не могу, — возражал ему визгливый голос. — Я не понимаю, как вы можете результаты работы всей вашей жизни бросить в корзину. Ведь мы представляли все как раз наоборот...

— Мы были глупы и наивны. Это не путь...

— Нет, это единственный правильный путь! Вы просто трус! Наивный пацифист! Если бы не Сольвейг...

Альберт широко распахнул дверь и вошел. Отец, совершенно бледный, сидел в своей качалке, а рядом с ним стоял высокий человек с желтым скуластым лицом, с копной густых каштановых волос на голове. При разговоре, видимо, он яростно жестикулировал руками и при появлении Альба застыл в нелепой позе.

— Альб, я же тебя учил, чтобы ты без стука... — начал было отец.

В это мгновение Хорш сделал прыжок и схватил Альберта за руку.

Откуда-то у него появился фонендоскоп, налобное зеркало, лупа, и в одно мгновение он превратился в одержимого.

— А теперь одну капельку крови, только одну, — бормотал он, вытаскивая из кармана инструмент для пробивания кожи на пальце.

Альб пришел в себя и изо всех сил оттолкнул взбесившегося доктора. Тот был выше, но его мускулатура не вызвала зависти. Он пролетел весь кабинет, и если бы не письменный стол, двигался бы по инерции и дальше. Согнувшись, он ухватился за край стола и посмотрел на Альберта с отвратительной улыбкой и... любопытством. Да, именно со странным любопытством сумасшедшего.

— Вот ты какой, Альб, — наконец прошептал он, выпрямляясь во весь рост.

— Что здесь происходит? Кто этот господин? — спросил Альберт, подходя к отцу. Тот был совершенно бледен, глаза закрыты.

— О Альб... Это господин Хорш, мой давнишний ученик и друг. Не сердись на него.

— У твоего друга скверные манеры, отец.

Хорш устало уселся в кресло и засмеялся. Он не спускал с Альберта своих дьявольски любопытных глаз. Казалось, все, что здесь происходило, представляло для него необычайный интерес.

— Не знаю, сколько бы я дал за одну каплю крови нашего Альба, — наконец проговорил он, играя в руках автоматической иглой.

— Замолчите, Хорш... Вы меня убьете, — простонал отец.

При словах «нашего Альба» Альберт пришел в ярость. Он подбежал к креслу, в котором сидел Хорш, и, схватив его за борта пиджака, поднял на ноги и потащил вон из кабинета. Возле двери Хорш внезапно выпрямился во весь рост и противным, хриплым голосом заорал:

— Но ведь девчонка действительно моя! Отдайте мне девчонку!

Потом он исчез.

Несколько отдышавшись, Альберт вернулся к отцу. Профессор полулежал в неудобной позе, с закрытыми глазами.

Альберт схватил его руки. Они были совершенно холодные.

4

Через месяц после смерти отца Альберт докладывал на ученом совете о результатах своей работы. Они были неутешительны.

— Каковы ваши дальнейшие планы? — спросил в конце доклада профессор Биркгофф.

Альберт пожал плечами. Кроме методики, которую ему в наследство оставил отец, он ничего другого придумать не мог. Совершенно очевидно, он не проявлял никаких выдающихся талантов в исследовательской работе, потому что доктор Сеат, сухонький сгорбленный старичок, прошамкал:

— Группа нуждается в хорошем консультанте.

— Кого бы вы предложили, доктор?

— Кого-нибудь из старых учеников профессора Олфри... Ну, например, я помню, был такой талантливый юноша... Позабыл его фамилию... что-то вроде Хирш, Хурш...

— Хорш! — крикнул Альберт.

— Да, да. Именно он. Очень был талантливый человек. Вот найти бы его...

Альберт сжался, как пружина. А доктор Сеат продолжал:

— Я помню, еще в то время, когда только началась расшифровка генетического кода, он сделал несколько блестящих открытий. Ну, например, вот это... Обратная связь между концентрацией РНК в ядре

клетки и концентрацией аминокислот в цитоплазме... И еще он вместе с профессором Олфри научился писать генетическое сообщение... Очень талантливый ученый. Только неизвестно, где он сейчас находится...

Не дожидаясь окончания заседания ученого совета, Альберт побежал домой. Он решил поехать к Хоршу и в разговоре с ним выяснить, какое он имеет отношение к нему и Миджею, в чем состояли его разногласия с отцом и вообще, что это за человек. Да в конце концов он готов был принести свои извинения этому неприятному типу за вспышку...

Альберт вошел в столовую.

— Где Миджея? — спросил он экономку.

— Наверное, в парке. Она с утра ушла в парк.

Он прошел по дорожкам парка в надежде найти девушку где-нибудь в укромном уголке с книжкой в руках. Но Миджею нигде не было. Он несколько раз окликал ее по имени. Вдруг в одном углу, там, где каменная изгородь проломлена, он увидел на скамейке что-то белое. Подойдя ближе, он обнаружил, что это был томик Байрона. И тогда его взгляд упал на кусты перед отверстием в изгороди. Они были измяты, поломаны, как будто по ним тащили что-то тяжелое. Он бросился туда, добрался до отверстия в кирпичной стене и здесь обнаружил голубую ленту, которой Миджея позывала волосы.

Первая его мысль была заявить в полицию. Но при воспоминании о Хорше в его душе шевельнулось страшное подозрение.

Вывести машину из гаража было делом одной минуты, и вот он уже мчится на север в Кабле. Почему он поехал в Кабле? Да ведь там раньше жила Миджея. Именно там ее навещал Хорш...

Полтора часа пути пролетели совершенно незамет-

но. В памяти пронеслась картина первой встречи с Миджеей, затем беседа о Хорше, встреча с ним. Странно, что отец никогда ничего ему не говорил о своем самом талантливом ученике и сотруднике.

Только теперь Альберт понял, что отец многого не говорил ему. Более того, он упорно скрывал от сына что-то самое главное в жизни и в своей научной работе. И это главное таинственным образом переплелось с Хоршем и исчезнувшей Миджеей. Зачем Хоршу нужна Миджея? О каком «единственно правильном пути» они спорили в день смерти отца?..

Альберт въехал в небольшой городок или селение, которое, как гласила дорожная надпись, называлось Кабле. Оно было совершенно пустынно, будто здесь все вымерло, и он долго не мог найти ни одной живой души, чтобы узнать, где находится дом родителей Миджеи.

Он подвел автомобиль к воротам и вошел в миниатюрный дворик небольшой католической церкви из красного кирпича. Уже спускались сумерки, и из окон струился трепетный оранжевый свет. Альберта встретил немолодой толстоватый священник, который до этого, по-видимому, занимался уборкой, потому что полы его сутаны были заправлены за пояс.

— Чем могу служить, молодой человек?

— Я бы хотел узнать у вас, где здесь, в Кабле, находится дом Шаули. У них есть дочь, девочка, по имени Миджея.

— Миджея? — переспросил священник с ноткой удивления в голосе.

— Да.

Помешкав минуту, он сказал:

— Лучше войдемте в дом...

Они прошли по темной галерее, обошли алтарь

и оказались в крохотной комнатухе, где горела керосиновая лампа.

— Так, значит, вы интересуетесь девушкой по имени Миджея? — спросил священник.

— Да, и ее родителями.

— Гм, странно. А разрешите узнать, кто вы ей будете?

— Дальний родственник.

— Совсем странно.

— Почему?

— Дело в том, что родителей у девушки нет. То есть, конечно, есть, но они неизвестны. Она подкидыш.

— Что? — воскликнул Альберт. — Но она сама мне говорила, что у нее отец и мать, и что они недавно уехали в Австралию, и что...

— Увы, — произнес священник, — это не так. Девушка, конечно, считает, что мадам Шаули и господин Шаули — это ее мать и отец. В действительности привезли сюда ее новорожденным младенцем два каких-то молодых господина и отдали на воспитание вышеупомянутой супружеской паре... Это, если мне память не изменяет, было лет шестнадцать назад. Я хорошо помню день, когда по поселку разнесся слух, что у четы Шаули появился ребенок. Я поспешил к ним, чтобы совершить обряд крещения, но...

— Что «но»?

— Присутствовавший в доме чужой господин сказал, что девочка в этом не нуждается. Для меня это было страшной неожиданностью. Я спросил его: «Почему?» И он мне тогда ответил... Да, припомнил. Он сказал: «Крестят тех, кто от бога. А она от человека». Я до сих пор не понимаю, что он имел в виду.

— Все мы от человека, — хрипло произнес Альберт.

— Вот именно. А человек — от бога. Но девочку так и не крестили.

— И долго жила Миджея в семье Шаули?

— Шесть месяцев назад за ней приехал какой-то важный господин и увез...

— И больше она здесь не появлялась?

— Нет.

— А семья Шаули живет здесь?

— Нет. Они уехали в Австралию. Говорят, на деньги, полученные ими за воспитание девочки.

«Тупик», — подумал Альберт. Оставался еще один вопрос.

— Скажите, вы не знали господина Хорша?

— Будь он проклят.

— Значит, вы знаете его?

— А как же! Именно он и запретил крестить ребенка.

— Скажите, где он живет?

— Недалеко отсюда, в Сэндике, в лесном поместье.

Через несколько минут машина Альберта ковыляла по скверной дороге в Сэндике. Было очень темно, и моросил дождь.

5

Поместье Хорша — это огромное мрачное двухэтажное кирпичное здание в старинном стиле, огороженное полуразрушенной металлической оградой.

Автомобиль остановился среди деревьев, напротив ворот усадьбы. Альберт вошел во двор, прошел тропинку, выложенную камнем, и приблизился к двери особняка. Вокруг царил мертвая тишина, ни в одном окне не было видно света.

Он нажал кнопку звонка. Никто не ответил, он нажал еще раз, еще, а затем стал звонить непрерывно.

Ясно, в помещении никого не было. Дверь была заперта, и Альберт начал медленно обходить дом, глядя на высокие окна.

Над дверью черного хода нависала крыша, и над ней чернело небольшое овальное окно.

Альберт вернулся к автомобилю, взял электрический фонарь, отвертку и затем без всякого труда влез на крышу веранды. Окно оказалось закрытым. Он поддел раму отверткой, сорвал петлю и проник внутрь.

Альберт оказался в библиотеке. Здесь пахло книжными переплетами, старой бумагой и формалином. Потом он заметил, что запах формалина наполнял все здание.

Откровенно говоря, он не очень ясно отдавал себе отчет в том, почему так бесцеремонно забрался в дом Хорша. В доме никого не было, и Альберта можно было обвинить в чем угодно. На случай, если внезапно появится Хорш, у него в голове были готовы многочисленные оправдательные мотивы, один другого хуже...

Библиотека была огромная. Забитые книгами стеллажи поднимались до самого потолка. В разных местах беспорядочно лежали груды книг, для которых, по-видимому, места на полках уже не хватало. Он наугад осветил одну из полок и нашел подборку журналов «Биофизика» за несколько лет. На другой полке оказались книги по математической теории информации, ниже — книги по кибернетике.

На полу валялись старые учебники, монографии, сборники статей по физике, химии, теории чисел, топологии. Казалось, хозяин библиотеки интересовался буквально всем на свете.

Из библиотеки дверь вела в небольшой коридор.

По узкой скрипучей лестнице Альберт спустился на первый этаж в крохотный холл перед входной дверью. Здесь стояли узкий обитый кожей диванчик и зеркало в углу. Три двери — две справа и одна слева. Правая дверь вела на кухню. Она находилась прямо против столовой. Вторая дверь, справа, оказалась запертой. Альберт сделал несколько шагов назад, разогнался и изо всех сил ударил плечом в дверь. Она распахнулась с резким треском, и он влетел в просторный зал. Луч фонаря запрыгал по заполнявшим его предметам, и он без труда понял, что это лаборатория. Но какая! Оборудование лаборатории с ее ультрацентрифугами, электронным микроскопом, хроматографическими колоннами, измерительными приборами — все это было лучше, доброкачественнее, чем в институте. Некоторое время он ходил по залу, мечтая о тех интересных работах, которые можно поставить в такой лаборатории. На столе возле окна он обнаружил миниатюрную протонную пушку, подобную той, которую он заказал для своих генетических работ. Его прибор по сравнению с этим показался ему скелетом допотопного животного.

А вот и письменный стол, широкий, двухтумбовый, покрытый толстым листом прозрачного пластика. Под листом — бумаги с записями, формулами и таблицами. В углу Альберт заметил небольшую фотографию, и когда осветил ее получше, то чуть не вскрикнул от удивления.

Это была фотография его матери. Дрожащими руками он извлек ее из-под пластмассы и стал рассматривать, поднося ее совсем близко к глазам.

Нет, это не ошибка... Красивая молодая женщина со слегка раскосыми глазами и пышными белокурыми волосами смотрела на него с доброй, немного насмеш-

ливой улыбкой. Он не мог спутать эту фотографию ни с какой другой, потому что на письменном столе его отца лежала точно такая же...

Почему она здесь? Может быть, когда-то два человека, его отец и Хорш, любили его мать одинаково сильно? Может быть, отдав предпочтение его отцу, она тем самым навсегда разрушила сотрудничество учителя и ученика?

Здесь была какая-то тайна, и Альберт никак не мог найти ее разгадку.

Он совершенно забыл, где находится, и уселся в кресло возле письменного стола, зажав в руках фотографию родного человека, которого он помнил очень смутно. Странно, что его отец так мало рассказывал ему о матери. На все вопросы о ней он только повторял: «Она была добрая женщина... Ее звали Сольвейг...»

С некоторых пор Альберту начало казаться, что Миджея очень похожа на его мать. Он упорно гнал эту мысль от себя. С перепутанными думами, усталый, он незаметно для себя уснул...

6

Проснулся он утром. Яркие солнечные лучи сквозь широкое окно падали прямо в лицо Альберта. Он долго не мог сообразить, где он.

Лаборатория предстала перед ним во всем своем великолепии. Такой замечательной биофизической лаборатории мог бы позавидовать любой самый крупный научно-исследовательский центр.

Обходя помещение для химических работ, он вдруг заметил в углу странное сооружение из стекла и никеля, назначение которого он не мог вначале объяснить. В центре, на фарфоровом столике, покоился небольшой,

объемом в полтора-два литра, сосуд овальной формы, к которому со всех сторон были подведены многочисленные стеклянные и резиновые шланги, трубки и капилляры. Вокруг центрального сосуда на ажурной конструкции из нержавеющей стали стояли многочисленные колбы из кварцевого и матового стекла, а под стойкой в специальных гнездах были укреплены два никелированных баллона — один с кислородом, второй с углекислым газом. Сложная система тонких стеклянных трубок извивалась вокруг центрального сосуда и внутри него, образуя единую сетку для обогрева и термостатирования прибора. Об этом можно было догадаться потому, что лабиринт трубок начинался и кончался в металлическом баке, в который были встроены электрическая печь и терморегулятор. Несколько термометров торчали из различных частей прибора, а их показания при помощи термоэлектрических датчиков выносились на записывающий потенциометр.

На поверхности стекла были надписи: «Питание», «Ферменты», «Рибонуклеиновая кислота», «Аденозинтрифосфат».

И тут он все понял.

Кто хоть один раз занимался проблемой искусственного выращивания живых существ в лабораторных условиях, мог только мечтать о таком приборе! Именно для этого он был сконструирован.

Поняв его назначение, Альберт принялся изучать его схему.

Да, сомнений не было. Это было то, что ученые привыкли называть «биологической колыбелью» — сложной и остроумной системой, максимально имитирующей ту, которая создана природой, в живых существах. В приборе было воплощено все, что известно науке из области эмбриологии и физиологии высших

животных. Он был построен на принципе саморегулирования, и, по-видимому, стоило только поместить в питательную среду одну-единственную клетку живого организма, как дальше само ее развитие определяло гармонические функции всех узлов установки.

Прибор был в идеальном состоянии. Однако по едва заметным следам осадков в тончайших трубках, по потертости стенок Альберт догадался, что он использовался и, наверное, не один раз. Для чего он применялся? Какой организм выращивали в этой изумительной системе?

Может быть, он никогда бы не смог ответить на эти вопросы, если бы его взгляд не упал на небольшой железный ящик, стоявший в углу комнаты. Вначале он принял его тоже за прибор — он был сделан из нержавеющей стали, — но когда он взялся за ручку и открыл крышку, то оказалось, что это был обыкновенный ящик для хранения документов. Альберт машинально взглянул внутрь на толстую книгу в зеленом переплете и уже хотел было ее закрыть, как вдруг его взгляд упал на небольшую белую наклейку в верхнем правом углу книги, на которой большими черными буквами было написано: «Сольвейг, вариант 5».

Сольвейг? Что это такое? Почему Сольвейг?

Дрожащими руками он извлек из ящика тетрадь.

Он раскрыл первую страницу тетради и уставился на исписанное. Затем он начал листать книгу, страницу за страницей, и обнаружил везде одно и то же — ряды цифр. Цифры были написаны в две строки, в верхней повторялись только две: 0 и 1, а в нижней в причудливых сочетаниях мелькали четыре цифры: 2, 3, 4 и 5. Это выглядело так:

1 0 1 00 111 01 0001 0 11 10...
4 4 2 34 224 52 5433 4 22 43...

«Код, генетический код!» — пронеслось в его сознаний. 1 и 0 — это сахаридная и фосфатная цепочка. 2, 3, 4 и 5 это азотистые основания — гуанин, аденин, цитозин и тимин.

Пятьдесят страниц книги были исписаны одними цифрами. В одном месте он обнаружил небольшую группу цифр, обведенную красными чернилами. Над ними была надпись «Летальность?».

Знак вопроса был выписан несколько раз и подчеркнут жирной линией. «Летальность» — это значит смерть... Что могли значить эти цифры? Чей код был записан в тетради?

Не находя ответа в таинственных рядах цифр, Альберт отложил тетрадь в сторону и снова открыл ящик. Кроме бумаг, испещренных точно такими же рядами цифр, он еще обнаружил небольшую коробку из пластмассы, которую он долго не мог открыть. Его охватило странное волнение, и он почувствовал, что находится на пороге раскрытия страшной тайны...

Коробка оказалась наполненной фотографиями.

Вначале это была микрофотография одной-единственной клетки. Затем клетка разделилась пополам. После — еще больше. Затем началось дифференцирование. Вот клетки образовали комок. Комок разрастается. Вот крупный зародыш... Он не останавливался на каждой фотографии в отдельности. Руки у него дрожали, и он лихорадочно перебирал карточки, перескакивая через одну, через две, пока, наконец, не увидел фотографию ребенка, сначала совсем крохотного, затем больше, вот он уже улыбается, таращит глазенки, вот он подрост.

Альберт внезапно остановился, чувствуя, что больше не в состоянии просматривать фотографии подряд. Он крепко сжал зубы, запустил руку на дно коробки и вы-

ташил самую последнюю фотографию. На ней был запечатлен... гроб. Гроб утопал в цветах, лицо же мертвой женщины... Альберт схватил предыдущую фотографию и закричал не своим голосом. Нет, это было невероятно, это было чудовищно!

В руках он держал фотографию матери...

Он не помнил, как покинул усадьбу Хорша, как выехал из Кабле, как мчался к себе домой. Он забыл все: себя, Хорша, Миджею. Перед его глазами застыло только одно лицо — доброе, улыбающееся, бесконечно ласковое.

Он приехал домой и бросился на кровать. В голове все перепуталось, мелькали какие-то лица, цифры, колбы, фотографии. Временами он терял сознание, а когда приходил в себя, то обнаруживал, что лежит в постели и над ним склоняются какие-то люди: то экономка, то профессор Биркгофф, то товарищи по работе, то врачи в белых халатах...

Он смутно помнил, как неистово вырывался из чьих-то рук и куда-то бежал, кажется наверх, в кабинет отца, и там рвал бумагу, затем фотографии, рвал на мелкие кусочки, пока его не схватили и насильно не уложили в постель.

Этот приступ безумия продолжался несколько дней. Затем он впал в полное безразличие, в апатию, и часами лежал, вперив глаза в потолок. Все стало серым, бесцветным... Альберт чувствовал себя совершенно опустошенным и раздавленным...

7

Вскоре после всего случившегося его навестили товарищи по работе, Виктор Клемпер и Антуан Густ. Они вошли в спальню шумно, с той напускной весе-

лостью и искусственным оптимизмом, с которыми обычно приходят к тяжелобольному.

— Ну и напугал же ты нас, Альб! — воскликнул Клемпер, тряся его руку. — Мы уж думали, что ты никогда не поправишься и тебя придется передать для опытов профессору Кузано.

Профессор Кузано — заведующий лабораторией биохимии высшей нервной деятельности. В последнее время он занимался исследованием физико-химических процессов, происходящих в пораженном психическими расстройствами человеческом мозгу.

— Когда он наблюдал за тобой, он решил, что где-то в глубине твоего организма вырвалась из-под контроля целая фабрика маскилина. У тебя было настоящее шизофреническое отравление в буйном варианте.

— Послушайте, друзья, — начал Альберт, — вы никогда не задумывались над тем, что выворачивать человека наизнанку вот так, как делаете вы, или доктор Кузано, или еще какой-нибудь биохимик или биофизик, — вещь довольно подлая?

Они непонимающе переглянулись. Не дожидаясь ответа, Альб продолжал:

— Пока человек молод, здоров, полон сил, он время от времени позволяет себе роскошь кокетничать со смертью, отпуская шуточки по поводу неизбежности встречи с ней. Но только в исключительных случаях реальная встреча человека с последним этапом своего земного существования представляет собой зрелище, наполненное эстетическим обаянием.

— Альб, если ты еще не совсем здоров... — начал было Антуан.

— Нет, ребята, я совсем здоров, и то, что я вам сейчас говорю, является результатом очень долгих размышлений.

— В таком случае объясни, что ты имеешь в виду. Уж не себя ли? Мы должны тебе сказать, что ты вне опасности. У тебя был обыкновенный эмоциональный срыв, полное подавление функции торможения, то, что психиатры называют реактивным психозом. Доктор Кузано на лекции в университете демонстрировал химическую морфологию твоей крови, показав, что подобные случаи сопровождаются резким повышением концентрации адреналина и его производных. Недаром мы заговорили с тобой о маскалине. Ты ведь знаешь...

Оттого, что Альб знал, и оттого, что они знали, и оттого, что знали несколько десятков студентов университета, ему стало противно, как человеку, которого вывели голым для демонстрации перед огромной аудиторией любопытных. Он сделал нетерпеливый жест, и его друзья умолкли. Несколько секунд они молчали, подыскивая другую тему для разговоров. Наконец Виктор, как всегда с грубоватым цинизмом, заявил:

— Пока ты здесь валялся, мы расшифровали молекулярную структуру X- и Y-хромосом.

— Вот как. Ну и что же?

— Теперь родители могут иметь уравновешенную структуру семьи, а правительства — в любом случае, даже во время войны, — уравновешенную структуру народонаселения. Здорово, правда?

Альберт пожал плечами. В конце концов это было ничтожное открытие по сравнению с тем, о котором ему стало известно. Он почувствовал, что за внешней небрежностью, с которой его друзья сообщили о своем открытии, скрывались гордость и тщеславие ученых, сделавших еще один шаг по пути в неизвестное.

«Вот так начинается соучастие в преступлении, — подумал Альб. — Когда нужно судить меня и моих

сотрудников за преступление против человечества до расшифровки X- и Y-хромосом или после? Или тогда, когда правительство получит возможность иметь уравновешенное народонаселение во время войны? Или тогда, когда война начнется и будет поздно что-либо изменить?»

— Зачем все это нужно, Виктор, Антуан? Мне кажется, что исследования в области молекулярной генетики человека, копание в скрытых механизмах его некогда таинственной сущности приведут к тому, что, когда знания станут достоянием школьных учебников, жизнь для людей потеряет все свое обаяние, всю свою невыразимую красоту. Люди предстанут перед самими собой и друг перед другом лишенными кожного покрова, как анатомические фигуры; хуже — как сосуды, слепленные из пучков белковых молекул известного состава, в которых разыгрываются известные биохимические реакции и биофизические процессы.

Альберт чувствовал, что говорит не то, что следует. Конечно, результаты работы его отца и Хорша рано или поздно будут воспроизведены в лабораториях всего мира. Но что последует за этим? Здравомыслящее человечество не станет создавать химические комбинаты, выпускающие людей по заказанным формулам. Нет, этого никогда не случится. И тем не менее такие комбинаты могут возникнуть, втайне от всех, под землей с одной и той же кровожадной целью. Он вдруг отчетливо представил энергичного, или, как у нас теперь любят говорить, эффектного, человека в мундире, который четко докладывает министру, как хорошо на комбинате идут дела, и ему захотелось во весь голос закричать своим друзьям: «Остановитесь! Прекратите! Шире откройте глаза и представьте, что будет, если...»

«Не сделать открытие — это подвиг в квадрате», —

вспомнил он фразу, оброненную отцом перед кончиной. Он до крови закусил губу.

— Что же ты предлагаешь? Остановиться? Закрывать науку? Вернуться к первобытному незнанию? Пока что мы слышали только негативную позицию. А где же позитивная? Где успехи медицины, где успехи сельского хозяйства, где улучшение адаптации людей к окружающей среде? Где успехи в лечении наследственных болезней? Где, наконец, генетический аспект решения проблемы рака?

— Это все так... Но я боюсь, что скоро исчезнет волнение родителей, ожидающих ребенка, потому что детей будут выращивать в колбах по заранее составленной программе.

— Не исключено. Право, не исключено, Альб. Я, например, не вижу в этом ничего плохого. А опыты в этом направлении весьма обнадеживающи... Что с тобой, Альб? Ты побледнел? Ты устал?

Клемпер и Густ встали. Альберту так хотелось рассказать им все... Но он этого не сделал, потому что был уверен, что скоро, очень скоро они воспроизведут установку Хорша, и в институте начнут, как одержимые, как средневековые Фаусты, изготавливать людей искусственным путем. Кажется, только сейчас он понял, как прав был отец, говоря об ответственности ученого за судьбу своего открытия.

8

Альберт совершенно поправился и дни напролет сидел в кабинете отца и читал книги по философии. Он никогда не обращал внимания на то, как много книг по философии было в библиотеке, как много исследований прочитал отец по вопросам смерти и бессмертия.

Теперь, читая одну книгу за другой, он как бы шел его дорогой.

В это-то время и появился Хорш. Он вошел, постаревший, сгорбившийся. На какое-то мгновение Альбу даже стало жалко его. Хорш стоял перед ним с опущенными, как плети, руками, в старом выцветшем плаще, с бесцветным лицом, выражающим бесконечную усталость и еще большую вину.

— Садитесь, — сказал Альберт.

Хорш кивнул головой и сел. Некоторое время они молчали.

— Я слушаю вас, Хорш.

Он поднял голову.

— Зачем вы это сделали, Альб? — наконец спросил он.

— Что?

— Вы уничтожили труд всей моей жизни, и не только моей, но и труд вашего отца.

Альберт усмехнулся. В нем заговорило недоброе чувство мести.

— Какое вы имели право ставить такой бесчеловечный опыт? Какое вы имели право таким путем давать жизнь человеку?

Хорш иронически улыбнулся.

— Какое право, какое право... Какое право имели люди создавать порох? Какое право они имели создавать атомные и водородные бомбы? Какое, Альб? А самолеты? А ракеты? А смертоносные вирусы? И это все смерть, Альб, смерть... Какое право... Если хотите знать, то наше право — я имею в виду не только себя, но и вашего отца, — наше право основывалось на непреодолимом желании нейтрализовать безумное стремление науки в направлении разработки средств уничтожения всего живого.

Альберт поднял на него удивленные глаза. Такого поворота он не ожидал.

— Да, да, Альб, не удивляйтесь. Если вас интересуют моральные мотивы наших исследований, то они были именно такими. Много лет назад мы с вашим отцом поклялись сделать человека бессмертным назло всем ухищрениям человеконенавистников и безумцев.

— Как?

— Вы, конечно, знаете историю рукописей Мертвого моря. Один иорданский пастух нашел свитки кожи, которые пролежали в пещере более двух тысяч лет. На свитках сохранились записи древних преданий, легенд, законов. Современные ученые их расшифровали, и мы теперь имеем возможность взглянуть на далекое прошлое глазами людей, живших в те времена. Над землей проносились войны, стихийные бедствия, катастрофы, одна цивилизация сменяла другую, а свитки ждали своего часа. И письма народов майи, и шумерские глиняные таблички...

— Какое это имеет отношение к вашим работам?

— О Альб, самое непосредственное. Мы с вашим отцом, когда он был помоложе, решили оставить после себя бесценные записи, самые сакраментальные письма для истории, какие только может сделать человек. Мы поклялись создать золотую книгу и записать в нее результаты нашего труда.

— Что же вы хотели в эту книгу вписать?

— Что? Конечно, Формулу Человека.

— Формулу Человека?

— Да. Ту самую, которую вы видели в моей лаборатории. И описание той самой установки, в которой эту формулу можно синтезировать. Разве, Альб, это не решение проблемы бессмертия? Кроме самой формулы, в книге должно было содержаться подробное описание

установки, в которой может быть осуществлен синтез. Там должны были содержаться все инструкции, как и что нужно начинать, когда кончать, что делать с новорожденным дальше. В конце концов, придя к точной химической формуле вещества наследственности человека, мы даже начали помышлять о том, что синтез можно будет автоматизировать от начала до конца, поручив его кибернетической машине. Конструкцию такой машины легко разработать. Мы хотели это сделать и тоже записать в золотую книгу. Представляете, что это значит? Это бессмертие в полном смысле слова. Книгу можно вложить в космический снаряд и отправить во вселенную. Она может путешествовать миллионы лет и попасть в руки не похожих на нас разумных существ. И они легко смогут воссоздать человека! И здесь, на Земле! Тебя, Альб, меня, любого человека можно обесмертить так, что он будет вновь и вновь появляться на Земле, наблюдая вечную эволюцию нашей планеты...

Усталое и безразличное лицо Хорша оживилось, он начал говорить с упоением, не обращая на Альберта внимания, рассказывая о фантастических возможностях, которые открывает перед человечеством Формула Человека. Альб вдруг почувствовал, что перед ним ненормальный человек.

— Это красивый, но абсолютно бессмысленный замысел, — попытался остановить он этот безумный бред.

— После того как твой отец женился на Сольвейг и родился ты, он сказал эти же слова...

При имени матери Альб вздрогнул.

Тем временем Хорш продолжал:

— Природа устроена значительно проще, чем мы думаем. Все дело в небольшой группе веществ, которые являются инициаторами циклических реакций. Это вещества, которые начинают замкнутую последователь-

ность химических реакций, конечным этапом которых является синтез опять молекулы-инициатора. Вы знаете, Альб, что это за вещества. Это прежде всего вещество наследственности: дезоксирибонуклеиновые кислоты, ДНК... Вот и все.

— А дальше?

— А дальше мы проанализировали и синтезировали вещество наследственности человека.

— Ну...

— Нам удалось вырастить по одной и той же формуле нескольких детей... Сольвейг была пятой по счету.

— А остальные?

— Умерли либо в эмбриональном состоянии, либо вскоре после... после рождения.

— Почему?

— Вот на это «почему» нам до конца и не удалось ответить. Дело в том, что какая-то группа молекул ДНК определяет живучесть особи. Мы нащупали эту группу и всячески переставляли в ней азотистые основания... Нам удалось добиться, что Сольвейг жила двадцать один год. Но это так мало... В золотую книгу мы хотели вписать формулу очень долговечного человека.

— Что было дальше?

— Сольвейг выросла очень красивой девушкой. Она воспитывалась в семье Шаули...

— Там же, где и Миджея?

Хорш кивнул.

— Твой отец в нее влюбился. Я был категорически против их брака. Но он был неумолим. Сольвейг тоже его любила. И вот...

— Боже! — не выдержав, воскликнул Альберт.

Хорш поморщился. Совсем разбитым голосом он сказал:

— Это необычно, и поэтому кажется противоесте-

ственным. Но вскоре к этому привыкнут.

— Когда синтез людей будет описан в школьных учебниках?

— Да. Рано или поздно так будет.

— Хорошо, продолжайте. Что же было дальше?

— После женитьбы твой отец совершенно оставил работу в этой области. Он перешел в институт генетики и цитологии. Он заявил, что никакая золотая книга не нужна и что за бессмертие человека нужно бороться другими методами. Ты знаешь какими. Он был членом всех существующих на земле комитетов защиты человечества от ядерной войны. Не думаю, чтобы это было очень умно...

Альб подошел к Хоршу.

— Послушайте, я вам запрещаю говорить так о моем отце. В конце концов вы всего лишь его ученик. И не вам судить, что умно, а что не умно. Я думаю, что он был совершенно прав, отказавшись от этой идиотской затеи. И вообще зачем вы ко мне пришли?

Он посмотрел на Альберта молящими глазами.

— Альб, только ради бога не сердитесь... Дайте слово, что вы будете вести себя благоразумно.

— Что вам нужно?

— Две вещи... Постарайтесь разыскать хотя бы обрывки тетради, которую вы у меня взяли, и затем... капельку вашей крови для анализа.

Альб протянул ему правую руку и с гадливостью наблюдал, как дрожащие руки Хорша торопливо шарили в карманах, как он извлек ватный томпон, пузырек с эфиром и инструмент. Легкий прокол, на пальце появилась красная капля.

Хорш приставил к ней змеевидную трубку и стал быстро всасывать кровь в баллончик.

— Зачем вам?

— Теперь я буду знать, проживете ли вы дольше вашей матери. Любопытно, что произошло в структуре ДНК, определяющей летальность... А теперь тетрадь.

Альб позвонил, и в кабинет вошла экономка.

Пожилая женщина, выслушав его, удалилась. Они остались вдвоем. В голове Альберта вертелся страшный вопрос, который он боялся задать. Была еще одна тайна, которая требовала разгадки, но чем больше он вникал в ее сущность, тем больше страшился спросить о ней Хорша. Тот тоже молчал, как бы догадываясь о том, что мучило Альберта.

Через несколько секунд экономка принесла большую папку с ворохом бумаги.

— Вот, господин Альберт, все, что осталось...

Хорш вырвал коробку из ее рук и начал торопливо расправлять клочья скомканной бумаги, исписанные рядами цифр.

— Есть. Кое-что есть... Главное осталось, а остальное можно восстановить. Вот, вот самое главное. Летальность... Теперь мы попробуем иначе...

По мере того как он углублялся в восстановление записей, его лицо все больше и больше принимало то выражение, как тогда, когда Альберт увидел его впервые... Наконец он оторвал глаза от листов бумаги, перевел сияющий взгляд на Альба.

— А вы просмотрели фотографии? Правда, изумительный образец человеческой истории. От клетки до самой смерти.

Альберт молчал. Перед его глазами плыли зеленые и фиолетовые круги. Они заслоняли лицо Хорша.

— Вы заметили, как Миджея походила на Сольвейг? — продолжал он спрашивать.

И тогда Альб не выдержал и спросил:

— Миджея — моя сестра?

— Что вы, Альб, что вы! Конечно, нет! Это шестой вариант.

Потом... В его ушах до сих пор звучит этот раздражающий, истерический крик. А перед глазами бледное лицо Хорша. А затем боль, боль в голове, груди, ногах. По-видимому, его били, отдирали от этого скорченного тела. Он плакал, как маленький ребенок, и, слезы текли по его щекам и падали на небритый подбородок бездыханного Хорша. Затем его связали. Затем холодная смирительная рубаха. И, наконец, тюремная камера...

— Смертный приговор за убийство могут заменить пожизненной каторгой, если вы представите достаточно убедительные мотивы вашего преступления, — спокойно говорил ему какой-то человек, кажется, старый адвокат отца.

— Смертный приговор? Летальность? Разве Хорш успел сделать анализ моей крови? — спрашивал Альберт, как после гипноза.

— Альберт, соберитесь с мыслями, подумайте хорошенько. Завтра суд.

— Скажите, а существуют ли законы, по которым судят за создание людей, заведомо обреченных на смерть?

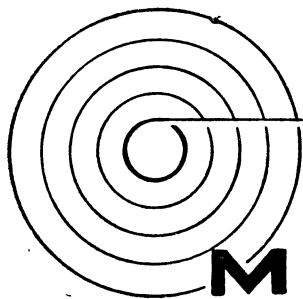
— Что вы говорите, Альберт!

— В вашем ДНК записано, когда вы умрете...

— Ради бога, не притворяйтесь сумасшедшим. Врачи установили, что вы действовали в состоянии аффекта. И только. В отношении остального вы здоровы.

— Нормальный. Здоров. Как это странно сейчас звучит. Как будто бы вы знаете мою формулу. Ее никто не знает. И никогда не узнает. Она не будет вписана в золотую книгу бессмертия, потому что я недостаточно живуч.

Полосатый Боб

1

Мы смотрели на оранжевую остро-конечную громаду, возвышавшуюся в полумиле от нас на фоне бирюзового неба. Просто удивительно, как возникла эта скала высотой в три тысячи футов в центре песчаной равнины.

— Чудо природы, — заметил Боб. — Бывает же такое!

Вдали, между нами и скалой, виднелась изгородь из колючей проволоки, и сквозь нее, к горизонту, убегала узкая бетонированная дорожка. В том месте, где дорожка пересекала изгородь, у ворот под брезентовым грибком стоял часовой.

— Наверное, когда-то здесь кругом были скалы. Со временем они выветрились, и осталась только одна эта.

Я посмотрел на Боба и про себя усмехнулся. В лучах яркого утреннего солнца белые полосы на его лице стали бледно-розовыми.

— Знаешь, что я думаю, — сказал я. — Что не сделали за миллионы лет дожди, грозы и ветры, то за десяток лет сделаем мы, люди.

Боб опустил голову и стал ногой ковырять бархатистый песок. Мне показалось, что он стесняется белых пятен на своем лице.

Перед поступлением на работу нас всех проверяла медицинская комиссия. У Боба признали какую-то редкую болезнь под названием «витилиго».

В результате этого заболевания на теле появляются полосы без пигментации. В остальном он был парень как парень.

— Какой-то ученый или философ сказал, что человечество — это раковая опухоль на теле нашей планеты, — проговорил Боб.

— Хуже. Черная оспа. С каждой новой войной оспа оставляет на лице планеты все более глубокие язвы. Представляю, как будет выглядеть Земля, когда по ней пройдут наши эйч-бомбы!*

Насмотревшись вдоволь на скалу, мы побрели обратно к двухэтажному серому зданию. Правее стоял коттедж полковника Джейкса, а слева от главного здания возвышался огромный парусиновый шатер высотой с пятиэтажный дом. С подветренной стороны на парусине трепетали три громадные синие буквы, инициалы нашего могущественного государства.

— Эти штуки собирают в этом балагане, — пояснил я. — Где ты изучал математику?

— В Чикаго. У профессора Колинза. А ты?

— Я не математик. Я дозиметрист. И еще немного электронщик. Но я ничего, кроме колледжа, не кончал.

Навстречу нам шел полковник Джейкс.

— Вам здесь нравится? — обратился он ко мне.

— А черт его знает! Без работы здесь можно сойти с ума.

— У нас хороший бар. Бесплатный. Самообслуживание.

— Это я уже знаю.

* Э й ч - б о м б а — сокращенное название водородной бомбы.

Пока мы так беседовали, Боб медленно брел к зданию. Видимо, ему не очень нравилось разговаривать с военными. Что же касается меня, то мне было все равно. Все они, в хаки, порядочные болваны.

— Кто этот парень? — спросил полковник, кивнув на Боба.

— Это Боб Вигнер, наш математик.

— А-а, — протянул Джейкс. — Без них теперь ни на шаг.

— Вот именно. Так когда же мы начнем горячую работу?

— А куда вам торопиться? Деньги идут, и хорошо.

— Не очень, — сказал я и поплелся в бар.

В баре сидели Джордж Крамм, Самуил Финн и брюнетка, кажется, по фамилии Чикони.

— Салют, Вильям! А где твой полосатый приятель? — спросил Финн.

— Наверное, пошел спать. Ему здесь не очень нравится.

— Не выношу парней с такой пятнистой рожей, как у него, — не отрывая ярко накрашенных губ от стакана, сказала брюнетка.

— Кстати, кто вы такая? — спросил я, не глядя на нее.

— А вы?

Терпеть не могу наглых девиц. А эта была прямо-таки наглейшая из всех, кого я когда-либо знал. Она обладала физиономией с кинорекламы, красивыми ногами и хорошей фигурой. Ее стакан был испачкан в губной помаде. Мне стало противно, и я налил себе джина пополам с лимонным соком.

— Вильям, она у нас единственная дама, — заметил Джордж.

— Лучше бы ее совсем не было, — буркнул я.

Мне стало обидно за Боба. Какое дело этой девице до его лица? Хотел бы я поглядеть, как бы она себя вела, если бы у нее вдруг возникло какое-нибудь нарушение обмена веществ!

Несколько минут мы пили молча. Затем снова заговорил Самуил Финн.

— Может случиться, что мы здесь попусту тратим время. По радио передавали, что испытания скоро запретят. Всем атомным делам крышка.

— Чепуха! — уверенно произнесла Чикони. — Правительству на это никогда не пойдет. Пропагандистская шумиха.

— Вы, случайно, не помощник государственного секретаря? — спросил я.

— Нет. Я его двоюродная племянница. А вы не из комиссии по расследованию?

Я возмущенно фыркнул и отвернулся.

— Если прекратят испытания, нам делать здесь будет нечего, — продолжал Финн. — Самое большее, на что мы можем в таком случае рассчитывать, это на сумму денег, необходимую для обратного проезда, плюс суточные.

Видимо, Финна очень волновала денежная проблема. А мне было наплевать. Не здесь, так в другом месте я мог найти работу по своей специальности. Почему-то я опять обиделся за Боба. Прямо-таки возненавидел брюнетку.

После второго стакана джина я сказал:

— К таким делам баб допускать нельзя.

Брюнетка пожала плечами и повернулась к Джорджу:

— Объясните этому типу, что когда у него начнется дизентерия, он приползет ко мне.

— Вы заведуете мужским туалетом?

Она бросила на меня презрительный взгляд и вышла из бара.

Крамм и Финн расхохотались.

— Чего ты к ней привязался? Она доктор.

— Тем более дрянь. Какое она имеет право так говорить о Вигнере?

— И что тебе дался этот полосатый парень? Должны же мы о чем-нибудь говорить? Например, до твоего прихода мы перемывали твои кости.

— Мои можете мыть сколько угодно, а Боба не трогайте.

В самом деле, что мне до Боба? Он такой тихий, застенчивый и уж больно неказист на вид. Наверное, с ним не хочет танцевать ни одна девушка.

Если она доктор, ей лучше бы подумать, как избавиться парня от дурацкого витилиго. Сверхбомбы делаем, а излечить людей от такой чепухи не можем...

— Тебя повело, — заметил Крамм. — Иди-ка ты лучше спать.

Спать я не пошел, а решил заглянуть к Бобу. Его комната и рабочий кабинет находились на первом этаже в левом конце коридора. Я немного постоял у окна и посмотрел на парусиновый цирк, возле которого лениво двигались парни в фиолетовых комбинезонах. Они таскали внутрь шатра большие обитые жестью ящики.

Боб лежал, вытянувшись на диване, и перелистывал журнал.

— Почему ты не пришел в бар?

— Не хотелось, — ответил он и посмотрел мне прямо в глаза. Он мне показался чертовски умным и честным парнем. Не знаю почему.

— Послушай, Боб. Если какая-нибудь скотина тебя обидит, скажи мне. В колледже я был чемпионом по драке без всякого стиля.

Он привстал и удивленно улыбнулся.

В дверь кто-то постучал.

— Войдите, — сказал Боб.

В комнату вошла та самая брюнетка. От ярости у меня перехватило горло.

— Вы Боб Вигнер? — спросила она, не обращая на меня никакого внимания.

— Да.

— Я только что просмотрела вашу медицинскую карточку. Вам предписаны уколы и ультрафиолетовые лучи.

Боб смущенно кивнул головой.

— Разденьтесь до пояса. А вы, пожалуйста, выйдите, — обратилась она ко мне.

— С какой стати?

— Так нужно. Если вы не выйдете, я пожалуйюсь полковнику Джейксу.

Она открыла небольшой кожаный чемоданчик и вытащила из него шприц, спиртовку и коробку с ампулами. Боб растерянно стоял посреди комнаты.

— Ну, хорошо. Лечись, дружище, — сказал я, тряхнув его за плечо. — Только не особенно доверяй этим живодерам.

Я снова поплелся в бар.

2

Вскоре мне надоел ландшафт вокруг нашей базы. Я и Боб насмотрелись и на остроконечную оранжевую скалу, и на плоскую пустыню. Щекочущее душу ощущение оттого, что рядом с нами, под парусиновым балдахином, покоится водородная бомба, также притупилось. Я решил не очень-то близко принимать все это к сердцу. Если тех, кто рекламирует себя в качестве

спасителей человечества, атомная война не беспокоит, почему о ней должен думать я?

В баре мы говорили о том, что повсюду в мире протестуют против испытаний атомных и водородных бомб. Самуил Финн успокаивал:

— Плюньте, ребята, на всю эту болтовню. Наше дело заработать. Если они договорятся прекратить испытания, нам крышка.

В этом была какая-то логика. Смысл высказываний Финна был очень простой: что важнее — деньги или жизнь?

Я не знаю, как наши ребята попали на базу, что думали обо всем этом, но что до меня, то в конце концов наступил такой момент, когда мне стало все равно, работать ли на тайных испытаниях водородной бомбы или в какой-нибудь больнице, где лечат радиоактивными лучами рак. Чтобы об этом не думать, я пил виски.

После выпивки в баре я навещал Боба. Не скажу, чтобы он бывал очень рад моим визитам, особенно когда я приходил к нему пьяным. Он вежливо улыбался и предлагал мне присесть. Но я чувствовал, что он не хотел, чтобы я долго засиживался в его комнате. А тут еще Маргарэт Чикони со своей ультрафиолетовой лампой и шприцем:

— Прошу вас выйти. Сейчас я буду делать уколы мистеру Вигнеру.

Оттого, что она ходила к Бобу, белых полос на его лице не убавилось. А я, в сущности, совершенно его потерял.

Однажды в баре я крупно поговорил с Чикони.

— Чего вы пристааете к Бобу?

— Я его лечу.

— А кой черт вы являетесь именно в тот момент, когда к нему прихожу я?

— Этот же вопрос я могу задать вам.

— Знаете, мисс, хотя вы девица и привлекательная, но на меня это не действует. Я бы не хотел, чтобы вы соблазняли умных и малоопытных ребят вроде Боба. Это просто подло.

— С какого возраста вы пьете виски? — спросила Чикони.

— С восемнадцати. Это к делу не относится.

— Ясно. Вы хронический алкоголик.

— Не хуже других.

В бар вошел Боб.

— Здорово, старина! — воскликнул я. — Завтра воскресенье, и я тебя приглашаю проехаться в Санта-Крус. Деревня, конечно, дрянь, но девочки что надо.

Боб растерянно посмотрел на Маргарэт.

— Я только что получил вычислительную машину фирмы «Феано». Замечательная вещь. Объем памяти — полтора миллиона двоичных единиц.

— Что твоя машина по сравнению с танцплощадкой в Санта-Крус?! — воскликнул я, допивая третью порцию виски.

— Это несравнимые вещи. «Феано» равноценна самой современной вычислительной машине. В нее можно запустить любой алгоритм.

Боб нравился мне именно потому, что он был не такой, как все. Философ, смотрел на вещи с какой-то очень замысловатой точки зрения.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Чикони.

— Спасибо, хорошо, — ответил Боб, застенчиво улыбаясь.

Меня эта комедия начинала злить. К счастью, вошел Самуил Финн.

— Здорово, где ты был? — спросил я.

— Под шатром. Туда меня отправил Джейкс. Ну и штука, я вам скажу!

— Что?

— Новая эйч-бомба. Тупорылое чудовище цвета хаки. Во-о!

Он широко развел руки.

— Сколько? — спросил Боб.

— Что-то вроде семидесяти мегатонн.

Я отпил виски.

В конечном счете всем нам крышка. Я уверен, что и у других есть такие же тупорылые чудовища или, может быть, еще похлестче...

Чикони слезла с высокого стула и сказала:

— Боб, пойдемте. Пусть эти дегенераты напиваются.

Боб пошел за ней, как собачонка. Ну и парень!

На меня напоззла серая злоба. Когда они были у самой двери, я крикнул:

— Эй, Боб! Неужели эта крашенная дрянь для тебя значит больше, чем твои друзья?

Они остановились как вкопанные. Затем Маргарет твердым шагом вернулась, подошла ко мне и изо всех сил ударила меня по щеке.

Я не заметил, как они с Бобом вышли из бара. Я совершенно ошалел, а Самуил Финн хохотал во всю глотку.

— Ну и баба! С такой и атомная война не страшна.

Пошатываясь, я плелся к себе домой. Навстречу мне выбежал Боб.

— Ты знаешь, эта машинка фирмы «Феано» просто чудо! — воскликнул он, хватая меня за руку.

— Убирайся ко всем чертям!

— Да ты только послушай. Она нисколько не хуже «Эвенка».

— Боб! — грозно прорычал я. — Иди ты...

Боб отшатнулся и как-то странно прижался к стене. Его губы задрожали, затем сомкнулись, и на пятнистом лице появилась глубокая складка, которую я раньше никогда не видел.

Он повернулся ко мне спиной и ушел в свою комнату. Ну и пусть. Я поднялся на второй этаж, думая, что напрасно Боб обиделся. В голове гудело. Я заметил на столе конверт. Это оказалось письмо от моей матери. Она писала, что самое главное в жизни — это дружба. Если бы все люди на земле, независимо от того, где они живут и чем занимаются, дружили, то никаких войн никогда бы не было.

Наверное, в этом была доля правды. Плохо, что я обидел Боба. Ну, ничего, это пройдет. Он так доволен, что ему дали для его математических вычислений портативную электронную машинку «Феано»! Мне тоже кое-что дали — четыре конца проволоки, два красных и два синих, которые я должен был присоединить к импульсным счетчикам «Ракета» и «Пакет». Когда под скалой подорвут водородную бомбу, я буду сидеть в своей комнате и смотреть на счетчики. Нужно знать уровень радиоактивности на поверхности земли после взрыва бомбы под скалой.

3

Джордж Крамм заведовал лабораторией фотоэлектроники. Это фотоэлементы, термисторы, сцинтилляторы и прочее. Измерение интенсивности вспышки, спектра излучения, интенсивности потока радиоактивных частиц — это все по его части. Он молча делал свое дело и не хвастал. А мы все хвастали. Все, кроме Боба. Он тоже работал молча.

Как-то в коридоре я встретил Крамма.

— Скоро скале конец.

— Жалко, — сказал он.

— Жалко, когда убивают человека. А тут — подумаешь! — скала.

— Это единственная скала на сто миль вокруг.

— В мире сколько угодно других скал.

— Все равно. Наша скала делает ландшафт неповторимым.

С ума он сошел, что ли? Перед испытанием бомбы ему вдруг стало жаль скалу!

Выйдя из дома, я направился к часовому у колючей изгороди. Он смотрел на небо и, не взглянув на меня, сказал:

— Только что пролетел самолет. После него осталась дымная дорожка. И вот она уже исчезла. Чудно, правда?

Я ничего не увидел в голубом небе и стал смотреть на оранжевую скалу.

— Говорят, в понедельник это тоже исчезнет, — сказал часовой, кивая на скалу.

— Ну и что же?

— Все мы порядочная дрянь. Портим природу.

Это был простой парень с карабином в руках. Пилотку он засунул за широкий брючный пояс. Из-под густых черных волос по загорелому лицу стекали капельки пота.

Я пошел к воротам.

— Стой! — крикнул он. — Нельзя!

— Это почему же?

— С сегодняшнего дня никому выходить за изгородь не разрешается.

— Почему?

— Там уже лежит она.

— Кто?

— Эйч-бомба.

По бетонированной дорожке прямо от скалы к нам неслась черная точка.

По мере приближения она принимала отчетливые очертания. Это была автоматическая тележка, управляемая по радио. При помощи ее механических рук наши военные инженеры делали под скалой то, чего не успели сделать своими руками.

Тележка подъехала к изгороди с каким-то грузом, закрытым брезентом.

— Что это она везет? — спросил я.

— Не нашего ума дело. Везет — и все тут.

Тележка промчалась мимо нас и, сделав на бетонной дорожке крутой поворот, поехала к парусиновому шатру.

— Дело дрянь, — сказал Крамм, подходя ко мне сзади.

— Почему ты так думаешь? — спросил я.

— Гоняют взад и вперед автоматическую тележку. Не успели все наладить. А правительство торопит покончить с испытаниями.

С легким жужжанием тележка снова подъехала к воротам и, на секунду замедлив скорость, вдруг взревела и помчалась обратно к скале.

— Быстро бежит, — заметил я.

— Станный этот Боб, — сказал Крамм.

Я посмотрел на него непонимающе.

— Он, оказывается, никогда не видел термисторов. Пришел ко мне и взял один. Говорит, хочет испытать его на зуб. Как ты думаешь, зачем ему?

Я пожал плечами. Потеряв тележку из виду, предложил:

— Пошли в бар.

В баре сидели Маргарэт, полковник Джейкс и Финн.

— Привет, ребята, — сказал Самуил. — Почему у вас такой унылый вид?

— Жарко, — ответил Крамм.

— Мы боялись, что испытания не состоятся, — сказал Финн. — Слишком много пишут в газетах о контроле.

Джейкс скривился и махнул рукой.

— Чушь. На это никто не пойдет.

— А если народ потребует, чтобы все это прекратилось? — спросила Маргарэт.

Джейкс поднял на нее удивленные глаза.

— А что это за штука — народ?

— Ну, положим, все люди...

Полковник хмыкнул:

— Люди — это мы. Ученые говорят, что подземный взрыв можно выдать за землетрясение.

— А сколько нам будут платить в те дни, когда мы будем изучать горячую зону? — спросил Финн.

Крамм поморщился.

— Послушай, Самуил, если бы тебе платили за убийство новорожденных, ты бы тоже интересовался ценой? — спросил я.

— Горячая работа есть горячая работа. При чем тут новорожденные...

Я налил себе в стакан виски, половину на половину. Этот Финн действовал мне на нервы. Когда я выпил, то сказал полковнику:

— К таким серьезным делам всякую сволочь допускать нельзя.

— От вас я это уже слышал. Кого вы сейчас имеете в виду?

— Этого торговца, — я кивнул на Самуила Финна.

Тот вскочил со стула с искаженным от гнева лицом.

— Он жадный до денег. Дай такому в руки кнопку,

заплати тысячу долларов — и весь земной шар разлетится на куски. И что там только думают, в отделе подбора специальных кадров?

Финн отскочил на два шага назад, разбежался и ударил меня кулаком в бок. Я спрыгнул с высокого стула и, завернув его правую руку за спину, четыре раза ударил его по лицу. Он был изрядно пьян и после моих ударов не мог держаться на ногах.

— Сделали свое дело, а теперь тащите его домой. Мисс Маргарэт, завтра он должен быть как огурчик, — приказал Джейкс.

Я втащил Финна в его комнату и бросил на диван. Из носа у него текла кровь. Вскоре появилась Маргарэт с чемоданчиком. Она достала вату и нашатырный спирт. Я сидел и насмешливо смотрел, как ее ловкие руки приводили противную гладко выбритую рожу Финна в приличный вид.

— Вам не тошно возиться с такими, как он? — спросил я Чикони.

— Я еще никогда не видела такого кретина, как вы, — ответила она, вытирая Самуилу нос ватным тампоном.

— Скажу вам откровенно, мне кажется, что человек, зарабатывающий на тайных атомных взрывах, порядочная сволочь.

— А вы? Разве вы здесь не для того, чтобы зарабатывать, как и он? Он глуп и этого не скрывает. А вы корчите из себя пацифиста и спокойноенько получаете свое жалованье.

— Да, но... — я вдруг задумался над тем, что сказала Маргарэт.

Финн открыл глаза и, увидев меня, повернулся лицом к спинке дивана. Чикони из пузырька полила на его виски какую-то жидкость, и он сам растер ее рукой.

Я сидел, не зная, куда деваться. После того, что мне сказала Чикони, я вдруг почувствовал себя негодяем. Действительно, за что я избил Финна? Чем я лучше его?

Я вышел из комнаты и отправился к Бобу.

— Ты на меня сердишься? — спросил я, входя без стука.

Он сидел, склонившись над бумагами. Иногда нажимал на своей вычислительной машинке кнопки, и она шипела, как спусковой механизм фотоаппарата. В центре миниатюрного чемоданчика вспыхивала зеленая лампочка. Боб смотрел на циферблат и списывал с него числа.

— Ты на меня не сердишься? — повторил я и положил руку на его плечо.

— Нет, — ответил он, подняв на меня свои умные глаза.

— Что ты вычисляешь?

— Так, всякую ерунду. Один алгоритм. Завтра ведь испытания.

— Знаю. Противно как-то...

Боб усмехнулся. Но я уже не мог остановиться:

— Мы здесь вроде как шайка разбойников. Отщепенцы от всего мира. Подземный взрыв будем выдавать за землетрясение.

— Я знаю, — сказал Боб.

— Гнусно, правда?

— Очень. Знаешь, у меня много работы. Я могу до утра не успеть...

— Ты хочешь, чтобы я ушел?

— Честно говоря, да. Завтра после десяти — пожалуйста.

Десять утра — это момент взрыва. Значит, и Боб из кожи лезет, чтобы подготовиться к испытаниям. И тем не менее я его не бью, а Финна избил.

На его письменном столе я заметил кусок пластмассы с двумя концами проволоки.

— Что это такое? — спросил я безразлично.

— Термистор. Очень чувствительный к изменениям температуры прибор. Он чувствует тепло человеческого тела на большом расстоянии.

Я вышел. Ох, как противно было у меня на душе накануне испытания водородной бомбы!..

Я допивал пятый стакан виски, когда в баре появилась Маргарэт.

— Почему вы не идете спать? Завтра тяжелый день. Я посмотрел на нее с ненавистью.

— Послушайте, вы! Вам нравится скала на западе? Она очень серьезно кивнула головой.

— И мне тоже. Так вот завтра ее не будет. Понимаете? Завтра мы сотрем ее с лица земли. Это государственная скала, она принадлежит нашему правительству... И оно решило ее уничтожить... Ясно?..

— Мне все ясно. Только вам пора спать, — сказала Маргарэт и села рядом со мной.

— Я вас ненавижу. Давайте выпьем вместе за упокой скалы...

— Давайте. А вы дадите мне слово, что сейчас же пойдете спать?

Ее стакан показался мне повисшим в воздухе, и я долго целился, чтобы с ним чокнуться.

— А теперь примите вот это, — Маргарэт протянула мне две таблетки.

— Ведь вы женщина. Разве вам не страшно, что завтра земля, которая нас породила, вздрогнет, как смертельно раненный зверь? Разве вам не тошно получать за эту гнусность деньги? На чем мы зарабатываем деньги? На том, что в чрево нашей матери мы загоняем чудовищную взрывчатку и рвем на части тело, которое

родило всех нас... А вы спокойно говорите, что я должен быть трезвым... Не хочу быть трезвым, понимаете?..

— Понимаю. Примите таблетки.

— К черту! К черту ваши таблетки!

Справа от меня вдруг появилась неясная фигура. Я протер глаза и сообразил, что это Самуил Финн. Он налил себе двойную порцию виски.

— А-а-а, пришел... — процедил я сквозь зубы.

— Пришел, — ответил он спокойно.

Его нос изрядно вспух. Он с жадностью припал к стакану и выпил все до дна.

— Самуил, возьмите и вы, — Маргарэт протянула таблетки и ему.

Я почему-то вспомнил письмо от своей матери и сказал:

— Давайте дружить, ребята. Ведь, кроме нас, на свете никого больше нет...

Финн посмотрел на меня с презрением.

— Подумаешь, величина! Кроме него, никого на свете нет! А два с половиной миллиарда людей? Если бы каждый житель земного шара ударил тебя щелчком по носу, от тебя не осталось бы даже мокрого места. Не хвастай своими кулаками. Они — ноль против водородной бомбы и ноль в десятой степени против всего человечества.

— И все же нужно дружить... — невнятно бормотал я.

— Я вас провожу, — сказала Маргарэт.

Я остановился у выхода и посмотрел вдоль коридора. В конце стоял Боб и курил.

— Разве он курит? — удивился я.

— Вигнер, как дела? — спросила Маргарэт.

— Все нормально.

— Правда?! — воскликнула она.

— Да. Я все успел вовремя.

— Я провожу Вильяма, подождите меня.

Ноги меня не слушались. Чикони не без труда дотащила меня до комнаты, толкнула на диван и выключила свет. Ее таблетки — это какое-то снотворное. Засыпая, я видел, как оранжевая скала медленно поднимается в голубую высь, подпираемая снизу густыми клубами фиолетового дыма.

4

Я проснулся с тяжелой головой и посмотрел на электрические часы над дверью. Было шесть утра. Значит, через четыре часа все начнется, вернее, все будет кончено.

За окном редела предрассветная мгла. В комнате было душно, и я подошел к окну, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Часовой уже стоял не у изгороди, а ближе к зданию. Скала была черной на фоне темно-фиолетового горизонта.

Я смотрел в редеющий сумрак и думал о том, что здесь будет через четыре часа и что будет после взрыва. Сейсмические станции во всех странах регистрируют сотрясение земли. Сейсмологи по своим приборам легко определяют место взрыва и нанесут его на карту. Они сопоставят характер сейсмической волны со всем тем, что им известно о землетрясениях, и без труда установят, что это было не землетрясение. Наше правительство будет все отрицать, и найдутся наши сейсмологи, которые будут доказывать, что никакого взрыва не было и все это локальное землетрясение. Газеты пошумят, покричит радио, и все смолкнет. И мы будем некоторое время сидеть здесь и обрабатывать результаты наблю-

дений над подземным взрывом водородной бомбы нового типа. И это будет до тех пор, пока не подыщут или не выкопают еще одну пещеру под какой-нибудь скалой. И все начнется сначала...

Я увидел, что к часовому подошел полковник Джейкс, и они стали о чем-то говорить. Часовой несколько раз поворачивался к скале и махал рукой в ее сторону. Я оделся и спустился к ним.

— Бессонница? — спросил я Джейкса, закуривая.

— Кой черт! Сейчас мне позвонили и сообщили, что не вернулась автоматическая тележка.

— Как это не вернулась?

— Очень просто. Ее отправили в пещеру установить еще один дозиметр. И она, проклятая, не вернулась.

— Экая важность — автоматическая тележка. Целая скала взлетит на воздух, а тут — тележка, — сказал я.

— Наверное, у нее испортилось радиоуправление, — объяснил Джейкс.

— А если за ней кого-нибудь туда послать? — спросил я.

— Это невозможно. Приказано после двенадцати ночи к скале никого не допускать.

— Когда она уехала?

— В одиннадцать, — сказал Джейкс и выругался. — Нужно докладывать в центр.

Он зашагал к своему коттеджу, а я остался с часовым.

— Выскочила в темноте как сумасшедшая и помчалась. Вот техника!

— Ты о чем?

— Да об этой самой тележке. Бегаёт, как живая. И кто ее только придумал!

Стало совсем светло, и скала заиграла пурпурными и розовыми красками.

— Меня снимут с поста в половине десятого, — сказал часовой. — С этого момента никому не разрешается покидать помещение. Что вы там будете делать?

— Всякую всячину.

Я повернулся и увидел Боба. Он направлялся прямо ко мне.

— Ну и спектакль будет сегодня, правда, Боб?

— Точно, — ухмыльнулся он. — Дай-ка закурить.

— Я что-то не помню, чтобы ты раньше курил.

— Представь себе, редкий случай, когда курить предписывает медицина.

— Вот в последний раз люблюсь скалой, — сказал я, протягивая ему зажигалку. — Тебе ее не жалко?

— Ну-ну, любуйся. А мне нужно до испытания принять уколы. — Боб заторопился обратно к зданию.

— Все в порядке, — подходя, сказал Джейкс. — Решено пожертвовать тележкой. Через пару дней пришлют новую.

Я посмотрел на часы. Половина восьмого. Становилось жарко.

— А правда, что будет вроде как землетрясение? — спросил часовой у полковника.

— Вы слишком любопытны. Знаете, что за разглашение военной тайны...

Я так и не расслышал, какое наказание полагается солдату за разглашение военной тайны. Крамм позвал меня завтракать.

В баре я взял яичницу с беконом и кружку молока. Когда я подошел к своему столику, Финн уже доедал свою порцию. Он взглянул на меня красными от бессонницы глазами.

— Знаешь, в такой день стоит помириться, — сказал я, пересаживаясь к нему.

Он молча взял свой стакан с молоком и отошел к окну. Значит, здорово обиделся!

— Право же, Финн, прости. Честное слово, это потому, что я был пьян. — Я подошел к нему и тронул за плечо.

Он резко повернулся и процедил сквозь зубы:

— Есть вещи, которых не прощают до гроба!

— Ну, ударь меня, если тебе от этого станет легче.

— Плевал я на твой удар. Иногда слова бьют сильнее, чем кулаки.

Он залпом допил молоко и вышел. Что такого обидного я ему сказал?

— Мэг, что я наговорил вчера Финну?

Она посмотрела на меня усталыми глазами. Наверное, тоже не спала.

— С ним был нервный припадок. Вы вчера сказали ему что-то относительно цены за убийство новорожденных.

— Ну и что же?

— Ночью ему позвонили и сообщили, что его жена родила сына.

Я поперхнулся молоком. Какой же я идиот!

— Сейчас же пойду к нему, извинюсь и поздравлю его...

— Уже поздно, — сказала Маргарэт. — Через минуту вы должны быть на месте.

Действительно, зашипел радиорепродуктор, и диктор бесстрастным голосом объявил:

— Операторам в течение тридцати секунд занять места у приборов.

— Когда испытания закончатся, я обязательно попрошу у него прощения, — сказал я, хватая Чикони за руку, как будто бы я был виноват и перед ней.

Она слабо улыбнулась.

— Хорошо, идите. Пора.

— Боб на месте? — спросил я, шагая рядом с ней по коридору.

— Боб всегда на месте.

5

Это были проклятые минуты. Цоканье хронометра по радио отдавалось где-то в самом сердце. Диктор деревянным голосом объявлял число минут, оставшихся до взрыва. Когда останется одна минута, он будет называть число оставшихся секунд. Я сидел у окна и не мигая смотрел на оранжевую скалу, которая сияла на солнце, как святая. Если верить библии, то над головами святых мучеников перед смертью вспыхивает сияние. Так оно было и сейчас. Я понимал, что сияние возникло оттого, что я слишком напряженно смотрел на оранжевую глыбу, и все равно она почему-то казалась мне сверхъестественной. Стало чудовищно тихо, как будто бы кругом все вымерло. Только хронометр по радио неутомимо щелкал.

— Шесть минут... Пять минут...

Черт бы меня побрал за эту историю с Финном! Я вспомнил, что убийство новорожденного каким-то идиотским образом связал со взрывом под скалой. Сейчас Финн так же, как и я, сидит перед окном на первом этаже, смотрит на скалу и думает... О чем он сейчас думает? Конечно, о своем сыне, и о скале, и о том, что я ему вчера сказал. Оттого, что я точно знал, о чем в эти минуты думал Финн, мне стало еще более противно и даже страшно.

Посмотрел на два огромных молчаливых счетчика импульсов на столе.

— Три минуты...

Я повернул тумблеры на панелях приборов. Вспыхнули зеленые лампочки. Сейчас приборы затрещат как сумасшедшие, подсчитывая количество смертоносных радиоактивных распадов в секунду. Интересно, что будет со скалой? Боб вычислил ее центр тяжести и рассчитал, что верхняя часть должна свалиться в нашу сторону. Основание скалы, растрескавшись, немного приподнимется над землей и затем скроется в глубине образовавшейся после взрыва полости. Боб рисовал мне на бумаге, как это будет.

— Две минуты...

Я никогда не думал, что у меня такие слабые нервы. Руки дрожали, когда я прикуривал одну сигарету от другой. На мгновение мне показалось, что подо мной затрясся пол, хотя диктор объявил, что до взрыва осталась еще одна минута. Дальше он начал считать секунды. Теперь я ничего не видел, кроме оранжевой скалы с голубым сиянием вокруг. С каждым ударом сердца сияние то расширялось, то сужалось. Вдруг мне послышалось, что счетчики импульсов затрещали, и я вскочил на ноги и тут же сообразил, что это из радиорепродуктора.

— Семнадцать секунд, шестнадцать секунд...

Что делает сейчас Финн? Боб? Мэг? Что они чувствуют? Чувствуют ли они то же, что и я, — роковую неизбежность гибели, конца света, смерти от неизлечимой болезни? Видят ли они ослепительное сияние вокруг одинокой скалы в пустыне?

— Пять секунд, четыре...

«Может быть, зажмурить глаза или отойти от окна?» — промелькнуло в голове. Но это была ничтожная, беспомощная мысль, которой я не мог повиноваться. Я застыл перед раскрытым окном и смотрел только ту-

да, где скоро заворочается выпущенное по воле безумцев страшное чудовище...

— Огонь! — закричал диктор.

Я изо всех сил стиснул челюсть. «Огонь!» — как эхо, повторилось где-то в глубине души. Вот сейчас, сию секунду. Еще одно мгновение. Мозг работал так быстро, что микросекунды, необходимые электрическому импульсу, чтобы добежать до скалы, вытянулись в минуты. «Огонь...» Качнулась скала? Нет, это только показалось. Задрожал пол? Нет. Затрещали счетчики? Нет.

Я уставился на горизонт. Ничего не изменилось. Затем из репродуктора послышалось:

— Я уже сказал «огонь», сэр...

Голос у диктора был растерянным. Радио умолкло.

Я продолжал стоять у окна, сердце стучало, и в такт с его ударами я про себя повторял: «О-гонь, о-гонь...». Но огня не было.

Из оцепенения меня вывел Крамм. Он появился внизу, прямо под моим окном. Вскоре к нему присоединились полковник Джейкс и парень в фиолетовом комбинезоне.

«Что-то случилось!»

Я сбежал вниз и у двери столкнулся с Бобом.

— Штука не сработала! — крикнул я.

— Как видишь, — ответил он и улыбнулся.

Полковник Джейкс взволнованно объяснял:

— Сейчас проверят цепь замыкания, и эксперимент начнем сначала...

— А что, порвалась цепь? — спросил я.

— Да.

— А если она порвалась где-нибудь под землей? — спросил Финн.

Лицо у него было возбужденное. Он бросил на меня быстрый взгляд, и я заметил, что его глаза не были такими злыми, как во время завтрака.

— Этого не может быть. Вчера вечером цепь проверяли.

Из шатра появились двое военных и быстрым шагом направились к полковнику.

— Можно вас на секунду, сэр?

Они отошли в сторону и вполголоса что-то ему доложили.

— Это же скандал! — воскликнул Джейкс. — Кто крепил контакты на месте?

— Я. Лично я, — ответил лейтенант.

— Как же это могло случиться?

— Не имею представления.

— Значит, кто-то после вас там был и все испортил!

— Там никого не было.

— Вы уверены, что контакты порваны именно там?

— Точно, — ответил лейтенант.

— Тогда нужно немедленно их исправить! Немедленно, понимаете? Иначе будет поздно. В течение часа мы должны покончить с экспериментом. Берите «джип» и в сопровождении сержанта Кули мчитесь туда. Разблокируйте внешнюю цепь.

— Слушаюсь, полковник!

Лейтенант круто повернулся и побежал к шатру, из которого уже выкатилась машина. Он на ходу вскочил в автомобиль... Но тут случилось невероятное. Прямо к автомобилю подбежал Боб и закричал:

— Стойте! Это бессмысленно!

Машина резко затормозила, обдав Вигнера густыми клубами пыли.

— В чем дело? — заорал Джейкс.

— Бессмысленно туда ехать... — кашляя, сказал

Боб. — Если там появится хоть одно живое существо, бомба взорвется.

Водворилась мертвая тишина. Все уставились на Боба. Он яростно кашлял, слезы текли из его глаз.

— Вигнер, повторите, что вы сказали! — потребовал Джейкс.

— Он сказал, что туда ехать бессмысленно. Если там появится хоть одно живое существо, бомба взорвется, — ответила за Боба мисс Чикони.

— Н-не понимаю... — промычал полковник.

Боб несколько раз приложил носовой платок к своему полосатому лицу и сказал совершенно спокойно:

— Теперь взрывной механизм устроен таким образом, что появление человека или любого другого живого существа на расстоянии пяти ярдов от бомбы вызовет взрыв.

Джейкс ухмыльнулся, подморгнул Бобу и обратился к Маргарэт:

— Мисс Чикони! Вам предстоит тяжелая работка. Парень не выдержал напряжения и того... — полковник повертел пальцем у виска.

— Нисколько, полковник. Я совершенно здоров. Даже могу вам рассказать, как я это сделал. Вы, конечно, знаете, что ваша тележка вчера не вернулась...

— Что-о? Какое это имеет отношение...

— Самое непосредственное. При помощи этой тележки я переделал взрывное устройство бомбы, вернее, заменил его совершенно другим...

6

Мы собрались в комнате Боба и смотрели на оранжевую скалу. Отсюда, с первого этажа, она казалась немного приподнятой над землей. Солнце освещало пу-

стыню косыми лучами. Прямо перед нами под грибком стоял часовой и тоже смотрел в сторону скалы. Теперь в этой громаде было что-то новое, сказочное, как будто бы она ожила и бросала вызов всем нам.

— Как это тебе пришло в голову? — спросил Джордж Крамм.

Боб виновато улыбнулся и исподлобья посмотрел на Маргарэт.

— Это все она... Я бы, наверное, никогда до этого не додумался.

— Я предчувствовал, что лечение ни к чему хорошему не приведет, — сказал я.

Маргарэт тихонько засмеялась. Она подошла ко мне и положила руку на мое плечо.

— Разве вы не сделали бы то же самое, если бы представился случай?

— Я просто не знаю, как это делается. Боб, как ты это сделал?

За него ответил Самуил Финн:

— Все дело в автоматической тележке. Она снабжена радиоманипулятором с механическими лапами, при помощи которых инженеры проводили в пещере разные работы. Управление дистанционное. Боб отключил телеметрическую схему и поставил на тележку свою вычислительную машинку «Феано». Весь фокус в том, что он заложил в эту крохотную электронную головку.

— Машинку на тележке установила Мэг, — заметил Боб. — Вчера вечером, во время посещения больного в шатре.

— Вы спелись самым неожиданным образом, — с досадой сказал Крамм. — Вот дело будет! Вам обоим влетит по первое число.

— На юридическом языке это называется преднамеренный саботаж, — добавил Финн.

Я с сожалением посмотрел на Боба. У него были мечтательные глаза, и это меня вдруг очень разозлило.

— Болван ты, вот что я скажу. Ты думаешь, что эта бомба не взорвется? Ты надеешься, что военные не найдут способа ее подорвать? Я не понимаю, какой идиотской логикой ты руководствовался? Правду говорят: если бог хочет лишить мужчину разума, он напускает на него бабу.

Я с силой сбросил со своего плеча руку Чикони.

— Вы два круглых идиота, не понимаете, что теперь будет, — продолжал я. — Особенно тебе, Вигнер.

— Эта бомба не взорвется, — раздельно сказал Боб. — Никогда. Только разве что кто-нибудь решится пойти в пещеру.

— Черт его знает, может быть, найдутся добровольцы, — сказал Крамм.

— Могут найтись, из числа безработных, — заметил Финн. — Кстати, если тебя потянут хорошенько господина из следственных органов, ты сам скажешь, что нужно сделать, чтобы отцепить от бомбы твой дурацкий взрыватель.

— В том-то и дело, что не скажу. Просто потому, что я теперь и сам не знаю, как устроен взрыватель.

Мы переглянулись. Было ясно, что Боб врал. Он боялся, что среди нас окажется предатель.

— Вы знаете, что такое машина, работающая по принципу свободного поиска? Нет? Представьте себе, что вы в незнакомой темной комнате, заставленной мебелью, и вам нужно из нее выйти. Вы начинаете беспорядочно рыскать в темноте, наткаться на незнакомые предметы, шарить руками вдоль стен, пока не обнаружите дверь. Вы действуете, говоря кибернетическим язы-

ком, без всякой заранее разработанной программы, имея в голове лишь одну конечную цель. Вот так действовала автоматическая тележка, на которую я поставил «Феано» с очень примитивной программой: добраться до пещеры, отсоединить от бомбы два провода и присоединить к этим же клеммам два других, с термистором, включенным последовательно. Во время рыскания тележки машинка «Феано» сама составила себе программу, что должно быть дальше...

— А источник питания? — спросил я.

— От аккумулятора тележки.

— Не понимаю, как тебе могла помогать эта дама, если она, кроме шприцев и клизм, ничего не знает.

Я почему-то все еще недолго любил Чикони.

Она рассмеялась.

— В наше время любой человек знает, как включить или выключить радиоприемник. Мне Боб рассказал, что я должна была выключить и что включить на тележке. Счетную машинку я покрыла брезентом.

— И тележка сама поехала? — спросил Крамм.

— Через минуту после того, как я установила «Феано», тележка сорвалась с места. В темноте я даже не заметила, куда она скрылась. Кстати, почему она поехала именно по бетонированной дорожке?

На лице у Боба появилось выражение досады.

— Господи, как трудно объяснять что-нибудь людям, не знающим математики. Просто я так запрограммировал работу «Феано». А дальше в процессе работы она сама совершенствовала эту программу.

— Лучше бы ты никогда не изучал эту проклятую математику, — проворчал Финн. — Вылезет она тебе боком.

Дверь комнаты распахнулась, вошли полковник Джейкс и двое в штатском. Мы стали рядом с Бобом.

Я посмотрел на штатских. Как они, все эти, похожи друг на друга! Тупые квадратные морды, широкие плечи, длинные руки, каменное выражение лица.

— Кто? — спросил один из них, оглядывая всех нас.

— Вон тот, с пятнами на лице, Вигнер, — ответил полковник Джейкс, — и эта дама...

— Дама пока не нужна, — сказал штатский. — Выйдите все из комнаты.

— Почему у вас нет специального помещения для таких дел? — грубо спросил Джейкса второй штатский.

— Для каких дел? — не выдержав, я подался вперед.

Ух, как я люблю бить по таким мордам! И чем сильнее сопротивляются их владельцы, тем с большим наслаждением я бью!

— А вы, собственно говоря, кто такой? — спросил один.

— А вы?

На его квадратной физиономии загуляли желваки. От желания ударить его у меня потемнело в глазах. Крамм тронул меня за руку.

— Идем, — сказал он. — Нам здесь делать нечего.

— Вот именно, — процедил сквозь зубы штатский. Я взглянул на Боба и ободряюще кивнул ему.

— Предложи этим двум буйволам прославиться на всю страну. Если они хотят, чтобы бомба взорвалась, что им стоит слазить в пещеру под скалой!

Стоявший рядом со мной штатский незаметно взял меня за правую руку и сжал изо всех сил. Его глаза превратились в две узенькие слезящиеся щелочки. Он был чертовски сильный, но меня недооценил. Работая только одной кистью, я вывернул его руку так, что он закусил нижнюю губу и расслабил пальцы. Все это про-

изошло при полной тишине в течение нескольких секунд.

Мы поняли друг друга.

— Боб, ты мне расскажешь, как вели себя эти джентльмены! — крикнул я, выходя из комнаты последним...

— Ну и дисциплинка, — ворчал Джейкс, усаживаясь на высокий стул в баре. — Из-за таких идиотов, как вы, я могу лишиться должности.

— Всех военных нужно выгнать в отставку, и тогда не нужны будут бомбы! — вдруг крикнул Финн.

Джейкс посмотрел на него усталыми глазами.

— Какая разница, кто будет их испытывать, военные или гражданские? Кстати, бомбы придумали не военные, а интеллигентные господа с высшим научным образованием, вроде вас...

Такой тирады от Джейкса я не ожидал!

— И все же, полковник, это хорошо, что бомба не будет взорвана. Во всяком случае эта. Как-то легче дышится, — заметил Крамм.

Джейкс пожал плечами.

— Будет взорвана. Обязательно будет.

Он проглотил виски и вдруг вспыхнул:

— Вы считаетесь умными людьми, а ведете себя как сопливые мальчишки! Ну, чего добился этот парень? Сорвал эксперимент? Для чего? Показать, что он герой, что он против атомных испытаний? Кому это нужно? Я не знаю, что он там сделал и при чем здесь математика и вычислительная машинка. В мире все к черту перевернулось вверх дном, и то, что раньше делали мошенники, теперь делают математики. Я не понимаю, как они это делают. И вообще, что это за гадость — кибернетика и почему с ее помощью можно делать все, что заблагорассудится? Но что бы Витнер ни сделал с бом-

бой, она все равно взорвется. Понимаете вы, щенки? Рано или поздно все станет на свое место. Более глупого мальчишества я не видал. Кажется, вы на стороне Вигнера. Но только это безнадежное дело, уверяю вас.

— А что ему будет? — спросила Чикони.

— Вас, мисс, не интересует, что будет с вами?

— Меня интересует, что будет с ним.

— Мне неизвестно, какие законы существуют на этот счет, — проворчал Джейкс. — Но ребра ему помнут. Может быть, и вам помнут. Ведь эти ребята не поверят, что фокус с бомбой вы осуществили, не прикасаясь к ней руками.

— Умные люди поверят.

— А вы думаете, что выбивать зубы вашему гениальному математику будут умные люди? Святая наивность. Не более умные, чем те, которые сейчас с ним разговаривают.

Я встал и вопросительно посмотрел на Джейкса.

— Сидите спокойно. Я с ними договорился, что здесь, на базе, ничего такого они с ним делать не будут. Иначе я не могу рунуться за последствия. Если в шатре рабочие и инженеры узнают, что с Вигнером поступают плохо, на базе могут начаться беспорядки...

— Ага! — воскликнул Крамм. — Значит, не только мы, но и ребята из шатра на стороне Боба!

Джейкс допил свой стакан, встал и сказал:

— Да. Вас это удовлетворяет?

— Конечно.

— Ну и черт с вами!

Он вышел из бара. Я силился представить, о чем сейчас с Бобом разговаривают те тупомордые образины. И почему для выполнения таких заданий всегда используют дегенератов?

Боба перевели в комнату на втором этаже, рядом с радиорубкой, и поставили возле его двери часового. Когда я вышел в коридор покурить, часовой приблизился ко мне и сказал:

— Жалко парня. Ему, наверно, крепко влетит. Значит, эта бомба не взорвется?

— Эта не взорвется. Боб предусмотрел очень многое. И все, что он предусмотрел, заложено в электронную голову автоматической тележки.

— Говорят, эта штука лежит под скалой и пока туда не придет человек, она взорваться не может.

— Совершенно правильно. А откуда ты все это знаешь?

Часовой лукаво подмигнул.

— Нам все известно, — сказал он. — Очень жалко этого парня. И женщина... Правда, что это она его подбила на такое дело?

— Я не знаю, кто кого подбил.

Комнату, в которой раньше работал Боб, заняли следователи. Они иногда выходили из нее то по одному, то вместе, наведывались в шатер, заглядывали в другие комнаты, в том числе и в мою, что-то записывали и фотографировали. Затем вызвали на допрос Маргарэт Чикони.

Я очень за нее волновался и ждал ее у выхода из дома. К моему удивлению, ее отпустили очень скоро, минут через десять.

— Любезные мальчики, — сказала она, закуривая сигарету.

— Что они спрашивали?

— Так, всякую всячину. Говорят, девушке из приличного семейства не стоит ввязываться в такие дела.

Я подробно рассказала, как я отцепила на аккумуляторе тележки красный и зеленый провода и вместо них прицепила красный и зеленый провода от машинки «Феано». «А где вы укрепили термистор?» — спросил один из них. «Я не знаю, что это такое», — ответила я. За меня ответил другой: «Вигнер его вставил в гнездо вместо сигнальной лампочки». Потом показал мне маленькую электрическую лампочку и зеленый колпачок, которые раньше я видела на панели прибора. Они нашли их в письменном столе Боба.

— И все? — спросил я.

— Все.

— Что же будет дальше?

— Наверное, скоро нас увезут...

— Послушайте, Мэг, как это вам обоим пришло в голову такое сделать? — спросил я.

Она усмехнулась и медленно пошла по песку. Когда мы вышли из тени, отбрасываемой зданием, она воскликнула:

— Смотрите, над скалой вертолет!

Действительно, прямо над скалой повис вертолет. Донесся гул моторов.

— Что-то исследуют.

Она кивнула головой и засмеялась:

— Боб сделал так, что им ничто не поможет. Разве что найдут добровольца залезть под скалу.

— Это вы его надоумили?

Она с удивлением посмотрела на меня. Мэг действительно была очень хороша. Я даже смутился, до того она показалась мне красивой. Продолговатое, тронутое загаром лицо, большие голубые глаза, пышные черные волосы...

— Как я могла его надоумить, если я ничего в атомных делах, а тем более в математике не понимаю?

— Так как же все случилось?

— Право, не знаю. Кажется, началось с медицины. У Боба расстройство внутренней регуляции, а отсюда гормональная недостаточность. Во время сеансов ультрафиолетового облучения мы болтали об этом и о причинах, которые вызывают расстройства подобного рода. Я придерживаюсь теории, что расстройства регуляции секреторной системы происходят по более глубоким причинам, чем принято считать. Вы ведь знаете, что с каждым годом число шизофреников, эпилептиков и алкоголиков растет. Это в результате того, что нервная система человека не может приспособиться к тому, что происходит в мире. А потом мы болтали о времени, в которое мы живем, и, наконец, заговорили о водородной бомбе. Вы понимаете?

Я кивнул головой. Вертолет над скалой медленно делал круги, затем начал спускаться.

— А вдруг они все-таки подорвут ее? — прошептал я.

— Вряд ли. Так вот, когда мы заговорили о водородной бомбе, я сказала, что меня возмущают ученые. Неужели наука, такая могущественная и такая всесильная, ничего не в состоянии сделать, чтобы остановить стремление людей к самоубийству? Разве нет таких научных средств, которые бы сделали войны просто невозможными? Люди научились покорять реки и моря, управлять космическими кораблями, обуздали атомную энергию. Разве нельзя разработать что-то такое, что бы автоматически убивало самые зародыши войны?

Боб сказал, что это очень интересная идея и что ее следует рассмотреть с математической точки зрения. Я же рассказала о прочитанной повести в воскресном приложении. Там описывался ученый, который изобрел аппарат, способный разнести всю землю на мелкие ку-

сочки, если где-нибудь на земном шаре взорвется хоть одна бомба. Понимаете, если кто-нибудь подорвет атомную бомбу, аппарат автоматически запускает цепную реакцию, от которой гибнет вся земля. Ученый заявил это на весь мир, и люди вынуждены были прийти к соглашению никогда не воевать. Разве нельзя создать такой аппарат? Он очень нужен.

— Ну, а что сказал Боб? Можно создать такой прибор?

— Он про такой аппарат ничего не сказал. Через день или два, когда мы вернулись к этой теме, он спросил меня, как я отношусь к скале, под которой лежит новая водородная бомба. Я ответила, что для меня скала — это символ смерти и что я не верю, что люди когда-нибудь поумнеют. Я смотреть не могу на эту скалу. Мне страшно, она мне по ночам снится...

— Между прочим, и мне тоже...

— Тогда Боб сказал, что водородная бомба под скалой никогда не взорвется... Вначале я не поверила, но он так серьезно об этом говорил... И я согласилась поставить его вычислительную машинку на тележку. Я верила, что все будет так, как он говорил.

— Теперь вам скала не кажется символом смерти?

Маргарэт улыбнулась и отрицательно покачала головой.

— Я очень люблю Боба, — вдруг сказала она.

Мы медленно брели по мягкому теплему песку, и я старался понять, что же произошло в душе этой красивой девушки. Если бы в самом начале мне кто-нибудь сказал, что Маргарэт полюбит парня с физиономией Боба, я бы ни за что не поверил. А теперь это показалось мне само собой разумеющимся. Я несколько не удивился, когда она прямо и открыто сказала, что любит его. Я даже ждал этого.

Как бы угадав мою мысль, Мэг сказала:

— Женщины всегда любят героев. Так было во все времена. Невозможно оставаться равнодушной к человеку, который силой своего разума укротил чудовище, способное убить сразу миллионы людей. Это как в древних сказках. Там побеждали злых титанов, огненных драконов, страшных чудовищ. Боб победил водородную бомбу. Если бы каждый ученый сделал что-нибудь такое!.. Тогда жизнь на земле была бы вечной...

— Она будет вечной, — почему-то с уверенностью сказал я.

— Только бы ничего не случилось с Бобом, — прошептала Мэг.

— С ним ничего не случится. Вы слышали, что сказал полковник Джейкс?

— Нас скоро отсюда увезут...

Я подумал и сказал:

— Важно, чтобы о том, что сделал Боб, узнало как можно больше людей!

Мэг остановилась и лукаво посмотрела мне в глаза.

— Вильям, вы много пьете и совсем не интересуетесь тем, что происходит в мире.

Действительно, я даже забыл, когда слушал радио в последний раз.

— А что происходит в мире?

— Вся страна взбудоражена. Все газеты полны сообщений о поступке Боба. Крупнейшие ученые одобряют его действия. Создана «Научная лига солидарности с Вигнером». Вчера по радио один крупный физик выступил с идеей создания комитета по разработке активных научных методов борьбы с атомной опасностью. Он прямо так и заявил: «Пример молодого математика Боба Вигнера показывает, как много мы можем сделать. Наступила пора активно действовать.

Ученые должны быть впереди...» Может быть, они действительно смогут придумать такой аппарат, о котором говорилось в рассказе?

Я взял руку Мэг и крепко пожал.

— Если все ученые заговорят таким языком, никакого специального аппарата не понадобится...

8

На другой день следователи уехали, и Бобу разрешили выйти. Мы ждали его, собравшись внизу у лестницы. Когда он появился, ведя под руку Мэг, мы устроили ему бурную овацию. Свистели и кричали так, будто бы нас было не три, а тридцать три человека. Я не ожидал, что больше всех будет орать Самуил Финн. Боб улыбался во весь рот и кланялся нам, как неопытный, молодой актер. Сзади него стоял часовой и тоже улыбался.

— Какого черта вы разорались? — гаркнул внезапно появившийся полковник Джейкс. — Ну и наделали же вы хлопот, Вигнер!

— Служу отечеству, — отрапортовал Боб. — А ведь здорово я придумал, полковник!

— Мальчишка! Это только первый акт драмы. Скоро за вами придут. Мне приказано вас с территории никуда не отпускать.

— Ну что ж... Только это не поможет. Можете считать бомбу заживо похороненной.

Полковник покачал головой и, ни слова не говоря, ушел. Мы все ввалились в бар.

— Я предлагаю выпить за молодоженов, — сказал я, разливая шампанское.

— За кого? — переспросил удивленно Крамм.

— За чету Вигнер. Давай, Боб, чокнемся.

Наш математик так и застыл с открытым ртом. Затем перевел испуганные глаза на Мэг. Она лукаво улыбалась.

— Ну что вы на меня смотрите? — обратилась она к Бобу. — Разве вы не хотите, чтобы я была вашей женой?

Боб начал лепетать несусветную чушь, и чтобы ему легче было, мы снова стали орать во всю глотку.

— Ребята, наша база теперь ни к чему! Ее закроют, потому что пещера занята! — кричал подвыпивший Финн. — А если бы вы знали, какого парня родила моя жена! — Потом посмотрел на меня и глухо сказал: — Это не для тебя говорится.

— Брось сердиться. Давай помиримся. Такой день! Все поддерживали меня.

— Самуил, не сердись на него. Это он спьяну тогда наболтал.

Финн нахмурился и уставился на меня исподлобья. Но его глаза были не злыми, а очень веселыми.

— Хорошо. Согласен.

Мы с ним выпили, а потом расцеловались.

В разгар веселья в дверях бара появился полковник Джейкс с каким-то незнакомым парнем. Мы сразу притихли.

Незнакомец был высокого роста, блондин, с бледно-розовым, почти детским лицом. С виду совсем мальчишка, с красивыми, пухлыми, как у ребенка, губами. Он вежливо поклонился и тихо сказал:

— Добрый день.

— Это наш новый математик. Знакомьтесь.

Полковник Джейкс вышел, а мы продолжали молча рассматривать новичка.

— Моя фамилия Скотт, Роберт Скотт, — наконец произнес парень, — Разрешите присесть?

— Пожалуйста, — Финн кивнул на свободный стул.

— А как вас зовут? — голос у новичка был мягкий и тихий.

Мы молчали.

— Я недавно окончил математический факультет в Чикаго, — продолжал он. — И вот сразу после защиты дипломной работы меня направили сюда. — Он улыбнулся, затем порывисто встал и сказал: — Давайте выпьем за знакомство.

Подошел к стойке бара и стал разливать джин. Он не имел никакого представления, как вести себя среди взрослых людей.

— Пожалуйста, берите, — сказал он, расставляя стаканы. На его лице во всю щеку пылал румянец.

Мы продолжали хранить мертвое молчание, пристально наблюдая за новым математиком.

— А кто из вас мистер Вигнер?

— Я, — хрипло ответил Боб.

— Блок памяти для счетной машины «Феано» разработал я под руководством профессора Колинза. Он вас знает...

Боб слегка кивнул головой.

— «Феано» — хорошая машинка. Удобная, правда? — продолжал лепетать Роберт Скотт, чуть касаясь губами своего стакана.

Мы ничего не отвечали. В баре стало как-то неуютно.

Несколько минут царило молчание. Скотт совсем потерялся. Затем ни с того ни с сего, обращаясь к Крамму, заговорил:

— Дельта-квантование — замечательная вещь. В сущности, это совершенно безотказный метод составлять какие угодно алгоритмы. Даже такие, которые нельзя выразить в аналитических функциях.

Боб закусил губу и встал. Поднялась из-за стола и Маргарэт.

— Пойдем, Боб...

Они вышли из бара, и Роберт Скотт проводил их удивленным взглядом.

— Они муж и жена? — спросил он робко.

Ему никто не ответил.

— Пейте, — сказал он просительно и потом совсем тихо добавил: — Пожалуйста...

Мне вдруг стало его жалко.

— Так что вы сказали о дельта-квантовании? — спросил я.

Он мгновенно оживился.

— Вы математик?

— Нет, я дозиметрист.

— Дельта-квантование — это, так сказать, разложение непрерывных операций на последовательные импульсные операции. Если, например, вы работаете с цифровыми машинами дискретного действия, то, чтобы заставить их выполнять сколь угодно сложные непрерывные действия, вы должны разложить эти действия на отдельные импульсы. Наверное, именно так поступил мистер Вигнер, когда решил заменить взрыватель водородной бомбы. Правда?

Финн криво улыбнулся.

— Н-не знаю...

— Иначе быть не может, — продолжал мальчишка. — Мистер Вигнер никогда не был в пещере, где лежит бомба, и никогда не видел этой бомбы. Он знал только, что она снабжена электровзрывателем. И вот, имея такие ничтожные исходные данные, он смог составить остроумную программу для «Феано». С точки зрения математики это просто гениально! В университете мы все восхищались. Профессор Колинз поручил

мне рассказать, как это делается, на университетском семинаре.

Роберт смущенно улыбнулся и немного отпил из своего стакана.

— А вы знаете, как это делается? — спросил я.

— Да, — ответил он и добавил: — Вигнер, наверное, очень талантливый математик.

— Зачем вы сюда явились?

— Я? — удивился Роберт Скотт. — Разве вам не говорили?

— А что вы за шишка, что нам должны о вас говорить? — не выдержал Крамм.

— Просто об этом написано во всех газетах и...

— Мы газет не читаем! — резко оборвал его Финн. — Пошли, ребята.

Мы встали и вышли из бара, так и не прикоснувшись к джину, предложенному нам Робертом Скоттом.

9

Мы собрались у изгороди, около часового, и смотрели на бетонированную дорожку, убегающую к скале. Было раннее утро, но солнце жгло неимоверно. Боб нервно ходил взад и вперед, что-то усиленно обдумывая, Маргарэт следила за ним влажными глазами. Недалеке стояли полковник Джейкс, голубоглазый мальчишка-математик и два гражданских представителя из центра. Посмотреть, что будет, вышли все рабочие из шатра. В фиолетовых комбинезонах, они держались в отдалении позади нас.

— Да перестань ты болтаться взад и вперед, как маятник! — раздраженно сказал Крамм.

Боб остановился.

— Какой же я идиот! Не учел такой элементарщины...

— Что?

— То, что вторая тележка с таким же электронным устройством может обезвредить первую...

— А, ты про это... Промахи бывают и у вас, властелинов самой точной науки, — не без иронии сказал Финн. — Скотт воспользовался тем же методом, что и ты?

Боб кивнул.

— Боб, ради бога! — воскликнула Мэг. — В конечном счете дело, может быть, не в этой конкретной бомбе, а в чем-то большем. Главное — дать людям направление мысли.

— Направление мысли? — Боб гневно посмотрел на Роберта Скотта, который с волнением ждал результатов своей недельной работы по программированию «обезвреживающей операции». Новый математик волновался, как школьник перед экзаменом.

Он меньше всего представлял, какую чудовищную подлость совершил, какие надежды разрушил. Для него это было всего лишь решением задачи по дельта-квантованию.

— Таким разве дашь направление мысли, — с горечью продолжал Боб. — Они бездумно работают на войну, и когда атомное пламя охватит их, они так и не поймут, откуда оно взялось...

— Их научит жизнь, — сказал Крамм.

— А может быть, у него ничего не получится? — спросила Мэг.

— Судя по тому, как он рассуждает о методах программирования, получится. Он ученик Колинза. Старец ничего, кроме математики, не знает. Ему все равно, что рассчитывать: убийство людей или механическую дет-

скую игрушку. Свою мысль — «Математика правит миром, а все остальное чепуха» — он внушает всем своим ученикам.

Боб говорил страстно и запальчиво.

— Может быть, он все же не такой умный, как тебе кажется? — прошептала Маргарэт.

Роберт Скотт вышел на середину дорожки, прикрыл глаза ладонью и вдруг закричал:

— Смотрите, они едут! Едут сюда!

Вначале ничего не было видно, но потом на сером бетоне заблестела приближающаяся точка...

— Едут, едут обе тележки! Вот здорово! — кричал Скотт.

Радостный и возбужденный, он начал метаться от одного к другому, повторяя:

— Все правильно! Значит, я не ошибся! Замечательная вещь — дельта-квантование!

Подбежав к нам, он закричал:

— Ребята, сейчас видно совершенно отчетливо! Моя тележка сзади! Она ведет первую!

Финн изо всех сил оттолкнул его от себя.

— Убирайся отсюда, щенок, глиста паршивая! — процедил он сквозь зубы.

Но Роберт этого даже не заметил. Он прыгал на месте, хлопал в ладоши и всем указывал на две тележки, которые быстро приближались к нам.

Тележка Боба с машинкой «Феано» под брезентом была впереди. Сзади вплотную, прицепившись механической лапой к никелированной скобе, ехала тележка Роберта Скотта. Казалось, она под конвоем вела первую тележку.

Военный инженер на ходу подхватил обе счетные машинки «Феано», провода оборвались, тележки остановились как вкопанные.

Стало очень тихо. Лицо Боба исказилось, как от страшной физической боли.

— Вот и все, — произнес Финн и, резко повернувшись, пошел к зданию.

Мы медленно побрели за ним. Молча скрылись в шатре рабочие.

— Вигнер и Чикони! — крикнул Джейкс.

Боб и Маргарэт остановились.

— Вы сейчас поедете с этими господами.

Джейкс указал на штатских. Боб кивнул.

— Мы принесем свои вещи.

— Только поскорее.

В двери здания показался Финн с чемоданом в руках.

— Вы меня захватите с собой? — обратился он к одному из штатских.

Тот вопросительно посмотрел на полковника Джейкса.

— Самуил Финн позавчера подал мне рапорт о расторжении контракта. Клятву о сохранении тайны он подписал.

— Ничего не имею против. Вы можете сесть в автомобиль, в котором поедет женщина.

Я подошел к Финну и пожал ему руку.

— Поцелуй своего малыша.

— Теперь я понял, что моему малышу требуется нечто большее, чем поцелуи.

— Ты прав.

Все разошлись, а я остался внизу, чтобы проводить Боба. Он появился вместе с Мэг раньше, чем я ожидал. Оказывается, у них все было готово к отъезду.

Мы стояли вдвоем и смотрели на скалу.

— Значит, ей не суждено остаться в живых, — вздохнув, сказала Мэг.

— Мэг, ты что-то раскисла! — вдруг весело воскликнул Боб. — Борьба только начинается!

— Совершенно верно. Слушайте.

Это был Крамм. Он подошел к Мэг и протянул ей свой транзисторный радиоприемник.

— Это мой свадебный подарок вам. Слушай, Боб, что ты наделал!

«...речи сейчас ни к чему! — послышалось из приемника. — Передовые ученые нашего времени активно включаются в борьбу против атомной опасности. Кто, как не мы, знает, что несет человечеству атомная война? Нельзя сидеть сложа руки и ждать, пока господь бог подарит нам мир. За него нужно драться, настойчиво, неустойчиво, как Боб Вигнер».

Передача транслировалась с какой-то огромной площади. Речи ораторов прерывались шумными возгласами, свистом, криками: «Долой ученых, работающих на войну! Не дадим в обиду Боба! Отстоим мир! Атомным и водородным бомбам — НЕТ!»

— Это сильнее водородных бомб, — сказал Крамм.

...Два автомобиля, один за другим, скрылись за брезентовым шатром. Мы с Краммом несколько минут смотрели им вслед. Потом я пошел в бар.

В углу за столиком, потягивая лимонад, сидел Роберт Скотт. Он мурлыкал какую-то песенку и что-то писал на листе бумаги.

— А, Вильям, салют! — бросил он весело. Настроение у него было прекрасное. — Вы знаете, что я сейчас рассчитал? Можно создать такую систему испытаний водородных бомб, которая будет совершенно неуязвима. Просто не существует алгоритма, по которому можно было бы нарушить эту систему. Стопроцентная надежность!

Я выпил полный стакан виски и подошел к нему.

— Ну-ка, покажи свою систему...

— Пожалуйста. Только вы не математик и все равно ничего не поймете.

— Как-нибудь разберусь.

— Я вам объясню. Допустим, что в этом блоке находится взрыватель, который приводится в действие некоторой группой электрических импульсов...

Я взял лист бумаги, испещренный формулами, и сжал в кулаке.

Роберт Скотт поднял на меня удивленный взгляд.

— Я еще вам не рассказывал...

— Мне все ясно.

Я рывком поднял Скотта со стула. Его выпученные глаза наполнились ужасом.

— Вильям, что вы... Я ведь... Право же, не надо... Я только...

— Ты понимаешь, щенок, что ты сделал?

— Ничего такого... Просто мне поручили...

— А если бы тебе поручили рассчитать, как лучше всего убить свою мать? — прошептал я, прижимая Скотта к стене. У меня появилось дикое желание задушить его.

Скотт яростно затряс головой.

— Нет... нет... нет... — цедил он сквозь зубы.

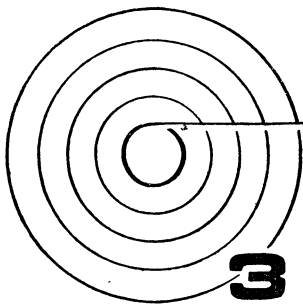
— А помогать убивать миллионы других матерей — это хорошо?

На мгновение он вывернулся и, забившись в угол, закричал:

— Почему вы ко мне пристаёте? Я только математик. Я решаю задачи, и все. Я не имею к бомбам никакого отношения! Я даже не знаю, что это такое!

Я с презрением посмотрел на это тщедушное существо, сплюнул и пошел наверх упаковывать чемоданы.

Глиняный бог

1. ПУСТЫНЯ

Здесь я впервые увидел мираж. Линия горизонта трепетала и извивалась в потоках раскаленного воздуха. Иногда от песчаного моря вдруг отрывался огромный ком светло-желтой земли и повисал на некоторое время в небе. Затем фантастический небесный остров опускался, расплылся и снова сливался с пустыней.

С каждым часом жара становилась сильнее, и все более причудливо выглядели бескрайние пески. Сквозь колышущийся горячий воздух, как сквозь кривое стекло, мир выглядел уродливым. В песчаный океан глубоко врезались клочья голубого неба, высоко вверх всплывали песчаные дюны. Иногда я терял из виду едва заметные контуры дороги и с опаской поглядывал на шофера.

Высокий молчаливый араб напряженно всматривался воспаленными глазами в раскаленную даль. Густые черные волосы его покрыла серая пыль, пыль была на смуглом лице, на бровях, на потрескавшихся от жары губах. Он, казалось, отрешился от всего земного и слился воедино с автомобилем. Это придавало мне уверенность, что мы едем по правильному пути, что мы не потерялись в безумном хороводе желтых и голубых пятен, которые обступили нас со всех сторон.

Я посмотрел на пересохшие губы шофера, и мне захотелось пить. Я вдруг почувствовал, что мои губы тоже пересохли, язык стал жестким и неповоротливым, на зубах трещал песок. Из кузова машины я перетасил на переднее сиденье свой дорожный саквояж, достал термос. Я выпил залпом две кружки холодной воды, которая здесь, в пустыне, имела необычайный вкус. Затем я налил еще кружку и протянул ее шоферу.

— Пей...

Он не отвел глаз от дороги, а только еще более плотно сжал губы.

— Пей, — повторил я, думая что он не слышит.

Тогда шофер повернул ко мне лицо и холодно взглянул на меня.

— Пей, — я протянул ему воду.

Он изо всех сил нажал на педаль. Машина резко рванулась, и от толчка вода выплеснулась мне на колени. В недоумении я несколько секунд продолжал держать пустую кружку. Больше я не рискнул предложить шоферу воды.

Прошло мучительно много времени. Дорожная колея совсем исчезла. Шофер ловко объезжал высокие дюны, чутьем находя твердый грунт, то и дело переключая передачу на переднюю ось, чтобы машина не увязла в глубоком песке. Очевидно, этот путь ему приходилось преодолевать много раз.

Было почти четыре часа дня, и до места назначения оставалось ехать не более часа.

Когда в Париже в маленьком особняке на улице Шантийон мне рассказывали про эту дорогу, я решил, что меня просто пугают, не желая взять на работу. Высокий тощий американец Вильям Бар говорил мне тогда:

— Не воображайте, что вам предлагают рай земной.

Худшего ада не придумаешь. Вам придется жить и работать в настоящем пекле, вдали от всего того, что мы привыкли называть человеческой жизнью. Я не знаю точно, где это находится, но мне известно, что где-нибудь на краю света, в самой пустынной пустыне, которую только можно себе вообразить.

— Может быть, вы мне все же скажете хотя бы приблизительно?

— Приблизительно? Пожалуйста. Где-то в Сахаре. Впрочем, в Агадире вас встретят и повезут куда нужно. Больше я ничего не знаю. Хотите — соглашайтесь, хотите — нет. Ваша воля.

Я вспомнил объяснение, которое накануне прочитал на улице Дюбак:

«Молодой, не боящийся трудностей химик-лаборант требуется для работы вне Франции. Выдающиеся возможности в будущем после завершения исследований. Возможны денежные и другие награды. Уникальная специализация. Рекомендация не обязательна. Желательно знание немецкого языка. Обращаться: улица Шантийон, 13».

Я согласился, и за этим последовал аванс в размере двух тысяч франков, затем короткое прощание с матерью, документы, которые мне почему-то выдали в американском консульстве, дальше марсельский порт, Гибралтар, шторм в Атлантике, Агадир, и вот я здесь, в этом бескрайнем песчаном море.

Солнце горело оранжево-красным светом, когда вдруг из-за неровной линии горизонта появилось что-то, что не было миражем.

Автомобиль наезжал на свою быстро вытягивающуюся тень. Проваливаясь в глубоком песке, он приближался к ярко-красной полосе, которая постепенно вырастала над землей, превращаясь в бесконечную ограду.

Она убегала на север и на юг, и ее границы терялись за песчаными холмами. Казалось, вся пустыня была перегорожена глиняной стеной пополам, а в центре стены виднелся темный квадрат, который, по мере того как мы приближались, принимал очертания огромных ворот. Ограда была очень высока, по ее гребню в четыре ряда была протянута колючая проволока. Через равные интервалы над проволокой возвышались высокие шесты с электрическими лампами. Лампы блестели кроваво-красными каплями в лучах заходящего солнца. У ворот, справа и слева, можно было различить два окошка. Мы подъехали к стене вплотную, и я вспомнил слова Вильяма Бара: «На краю света божьего...» Может быть, это и есть край света?

— Это здесь, — хрипло произнес шофер, медленно выползая из кабины. Несколько секунд он стоял скрючившись, потирая колени затекших ног.

Я достал из автомобиля свои немногочисленные пожитки — чемодан с бельем, саквояж и стопку перевязанных бечевкой книг и пошел к воротам. Они походили на гигантский конверт, по углам запечатанный стальными печатями-болтами.

Шофер подошел к правому окшку и постучал. В нем на мгновение показалось темно-коричневое лицо. Последовал негромкий разговор на непонятном мне языке. Затем послышалось слабое гудение, и ворота медленно раскрылись.

За стеной я ожидал увидеть что-нибудь вроде города или поселка. Но, к моему изумлению, там оказалась вторая стена, такая же высокая, как и первая. Шофер вернулся к машине, включил мотор и медленно въехал в ворота. Я пошел следом. Машина свернула направо и поехала по коридору, образованному двумя стенами. Здесь было уже совсем темно. Возле ворот находилась

большая глиняная пристройка, у которой стояли часовые в военной форме с карабинами наперевес. Тот, мимо которого я проходил, вытянул шею, приглядываясь к моему багажу.

Так я шел за машиной минут пять, пока мы не остановились у небольшой двери во второй стене.

Шофер снова вышел из машины и постучал. Дверь сразу же открылась, на пороге появился человек.

— Входите, господин Мюрдаль, — произнес он на чистейшем французском языке и протянул мне руку. — Давайте познакомимся. Мое имя Шварц.

Я вошел в калитку. Позади заревел автомобиль. Араб шофер остался за оградой.

— У нас формальностей немного, — объявил Шварц, когда мы подошли к небольшой брезентовой палатке. — Будьте добры, ваш диплом, письмо от мистера Бара и вашу воду.

— И что? — переспросил я.

— Воду. У вас, наверное, есть с собой вода в термосе или в бутылке?

— Есть...

— Вот ее-то вы и должны сдать.

Я открыл саквояж и передал ему документы.

— А зачем вам моя вода?

— Мера предосторожности, — ответил он. — Мы боимся, чтобы с водой к нам сюда не попала какая-нибудь инфекция. Вы ведь знаете, здесь в Африке...

— Ах, понимаю!

Он скрылся с моими документами и термосом, а я огляделся вокруг. Прямо передо мной вытянулись три длинные постройки барачного типа. Дальше, направо, виднелся трехэтажный дом и рядом с ним здание, похожее на башню. Позади построек виднелась светлая полоска изгороди, а за нею я увидел нечто поразившее и

даже испугавшее меня: верхушки необыкновенных пальм. Они казались ярко-алыми на фоне пурпурного, почти фиолетового вечернего неба. Я бы никогда не поверил, что это пальмы. Но слишком характерными были их кроны, их резные широкие листья, их гофрированные стволы. И все же цвет их листьев был слишком алым. Таким же, как цвет освещенных солнцем барakov. «Оазис алых пальм», — подумал я.

Солнце зашло, быстро сгущались сумерки. Здесь, в пустыне, вечер длится всего несколько минут. Затем внезапно наступает крошечная тьма.

Потускнели бараки, исчезли алые пальмы, и все погрузилось во мрак. Сразу стало прохладно. Вспыхнуло электричество — бесконечный ряд электрических ламп вдоль изгороди.

Из палатки вышел Шварц. В руке у него был электрический фонарик.

— Ну, вот и все. Теперь я провожу вас в вашу комнату. Извините, что вам пришлось немного подождать. Это не очень приятно после утомительной дороги.

Он взял мой чемодан, и мы медленно зашагали по глубокому песку к длинным постройкам.

2. МОРИС ПУАССОН

— К сожалению, после окончания университета все мы такие, — лениво произнес Морис Пуассон. — Требуется много времени, прежде чем мы поймем, что сейчас границ между различными научными дисциплинами нет. Получается так: университетский курс существует сам по себе, а практика — сама по себе. И все из-за того, что в университете засилие старых консерваторов, вроде профессоров Перени, Вейса и прочих наших корифеев.

— Они не только наши. Это корифеи мировой науки. Ими гордится Франция, — возразил я, рассматривая инструкцию к кварцевому спектрографу.

Сегодня Пуассон пришел рано. По расписанию наша работа начиналась в одиннадцать утра. Он же пришел в девять, едва я сел завтракать.

Я отложил инструкцию и посмотрел ему в лицо.

— Скажите мне, пожалуйста, что мы здесь делаем? Вот уже неделя, как я живу за этими двумя глиняными стенами, и все еще не понимаю, что здесь происходит. Меня волнует неизвестность. Еще никто толком мне не сказал, зачем я сюда приехал.

Морис грустно улыбнулся и подошел к окну. Он посмотрел куда-то вдаль и как бы про себя заговорил:

— Вы здесь неделю, а я уже скоро три месяца. Если вы думаете, что я могу ответить на все ваши вопросы, то вы глубоко ошибаетесь. Я не задаю их и себе. К чему?

Он повернулся ко мне.

— Впрочем, могу дать вам один совет: берегите нервы. Не думайте ни о чем, что выходит за пределы ваших обязанностей. Вы лаборант — хорошо. Сейчас вам необходимо изучить спектрофотометрию и научиться делать химические анализы средствами физической оптики.

— Да, но я ведь химик, понимаете, химик!

Он пожал плечами и снова подошел к окну. Затем ни с того ни с сего спросил:

— А вы обратили внимание, что все оптические приборы здесь фирмы Карла Цейсса?..

— Да.

— Цейсс — хорошая немецкая оптическая фирма. Помните, как в университете мы дрались за право сделать практическую работу на цейссовском микроскопе?

Пуассон, как и я, окончил Сорбоннский университет, только годом раньше. Он специализировался по физической химии. До встречи здесь я его не знал. Его представили мне на третий день после моего приезда. Родом он был из Руана. О Париже он меня не расспрашивал. Сначала он держался со мной сухо, с подчеркнутой важностью. В перерывах между занятиями мы рассуждали о науке вообще.

— Итак, теперь вы знаете, как устроен этот прибор. Прошу вас рассказать по порядку методику спектрального анализа.

Я закрыл инструкцию и, как когда-то перед профессором на экзамене, выпалил:

— Вначале нужно включить водородную лампу и с помощью конденсорной линзы изображение кварцевого окошка спроецировать на входную щель спектрографа. Затем закрыть диафрагму, между щелью и конденсором поместить кювету с исследуемой жидкостью, вставить кассету в камеру спектрографа, открыть ее, открыть диафрагму и сделать экспозицию. Потом закрыть диафрагму, отодвинуть водородную лампу, поставить на ее место вольтову дугу с железными электродами, передвинуть пластинку в кассете на одно деление и проэкспонировать свет железной дуги. После этого проявить пластинку, высушить ее и фотометрировать.

— Зачем необходимо экспонировать железную дугу? — спросил он, развалившись в кресле и закрыв глаза.

— Чтобы сопоставить всем участкам спектра линии железа, частоты которых известны.

— Кому они известны? Вам они известны?

— Мне? Пока нет. Они вот здесь, в этом каталоге.

— Правильно, — произнес он, вставая. — Научитесь читать спектр железной дуги по памяти. Это не очень

трудно. Нужно запомнить всего каких-нибудь двести цифр. Говорят, Грабер не любит, когда заглядывают в справочники.

Я кивнул и через минуту спросил:

— А кто он такой, этот Грабер?

Морис несколько раз прошелся по комнате, затем почему-то открыл стоявшие на столе аналитические весы и легонько тронул пальцем позолоченную чашку. Вместо ответа на мой вопрос он вдруг спросил:

— Вы спирт пьете?

Я ничего не ответил. Положив инструкцию на стол, где стоял спектрограф, я вышел в соседнюю комнату. Здесь в десяти шкафах, расположенных вдоль стен, находились химические реактивы. Когда впервые меня провели в лабораторию, меня больше всего поразило обилие реактивов. Это были лучшие реактивы, о которых я когда-либо слышал, огромное количество неорганических и органических соединений фирмы Кольбаума, Ширинга, «Фарбен-индустри». По моим подсчетам, здесь было около пяти тысяч банок и пузырьков всех размеров и цветов, аккуратно расставленных в соответствии с принятой химической номенклатурой. В отдельном металлическом шкафу, из которого поднималась широкая вытяжная труба, хранились растворители — органические жидкости всевозможных классов. Я открыл этот шкаф и быстро отыскал спирт.

— Вы пьете разбавленный или так? — спросил я и протянул ему спирт в мензурке объемом в четверть литра.

— А вы? Впрочем, вам еще рано. Дайте стакан воды.

Пуассон выпил спирт большими глотками и, не переводя дыхания, прильнул к воде. Лицо его сделалось красным, из глаз потекли слезы. Он сделал несколько глубоких вдохов и снова подошел к окну.

— Так вы спрашиваете, кто такой Грабер? Гм. Это сложный вопрос. По-моему, Грабер — талантливый химик. И не только химик. Он, должно быть, разбирается и в физике, и в биологии. Говорят, этот человек, глядя на вас вот так, как я сейчас смотрю, — Морис уставил на меня быстро мутнеющие глаза, — сразу же скажет, какая концентрация хлористого натрия в вашей крови, сколько пепсина выделилось в вашем желудке от того, что вы пошевелили пальцем, насколько повысилась концентрация адреналина у вас в крови, потому что вы его, Грабера, испугались, какие железы внутренней секреции у вас заработали, когда он вам задал вопрос, насколько ускорился в вашем мозгу окислительный процесс, когда вы стали думать над ответом, и так далее и тому подобное. Грабер назубок знает всю сложную химическую лабораторию человеческого организма.

— Это очень интересно, — произнес я.

Мне стало немного жалко Мориса. После выпитого спирта он потускнел, сжался, превратился в жалкого, потерянного человека. Я хотел было предложить ему идти домой, но вдруг подумал, что пьяный он более охотно ответит на волновавшие меня вопросы.

— Это очень интересно. Однако имеют ли его научные таланты какое-либо отношение к тому, что мне придется делать?

— Ха-ха-ха, — засмеялся Морис и покачал головой. Подойдя ко мне совсем близко, он в самое ухо прошептал: — В том-то и дело, что Грабер, наверное, хочет сделать одну злую шутку. Ха-ха! Я догадываюсь, что он хочет сделать... Впрочем, ш-ш-ша... Я ничего не знаю. Никто ничего не знает. И вообще к чему этот дурацкий разговор? Слышите? Никаких вопросов. Я иду отдыхать, А вы потрудитесь снять спектры поглощения пяти рас-

творов органических веществ. Любых, какие вам вздумается. Завтра я приду и проверю...

С этими словами Пуассон, покачиваясь и задевая за углы столов, нетвердой походкой вышел из лаборатории. Я долго смотрел ему вслед.

На следующий день Шварц изложил мне то, что он называл «распорядком дня». Жить я должен был тут же, при лаборатории. Покидать помещения большой необходимости у меня не было. Прогулку разрешалось совершать три раза в день, да и то только вдоль барака, где я жил. Час утром, два часа в полдень и час вечером.

Это был почти арестантский режим. Завтрак, обед и ужин мне приносил в термосах закутанный с ног до головы в белый бурнус араб. Я был совершенно уверен, что он был либо глухонемым, либо ровным счетом ни слова не понимал ни на одном языке, кроме своего, либо имел строгие инструкции со мной не разговаривать. Все вопросы, которые могли у меня возникнуть, я должен был решать со Шварцем. Он регулярно навещал меня два раза в день, а иногда и чаще. Всегда очень любезный, веселый, он спрашивался о моем здоровье, спрашивал, не написал ли я письма своим родителям и знакомым.

— Добрый день, господин Мюрдаль, — вдруг услышал я его голос.

— Добрый день, — ответил я сухо.

— Итак, вы, говорят, освоили спектральный анализ, не правда ли? — спросил он добродушно, усаживаясь в кресло и закуривая сигарету.

— Н-не знаю. Я еще не пробовал.

— Во всяком случае, с теорией у вас все в порядке.

Я пожал плечами. Наверное, Пуассон доложил ему о моих успехах.

— Я хотел бы, чтобы вы продемонстрировали мне,

как вы собираетесь выполнять спектрофотометрирование растворов. .

Ни слова не говоря, я извлек из ящика стола цилиндрическую кварцевую кювету. Войдя в препараторскую, я взял из шкафа первый попавшийся пузырек, высыпал на ладонь немного вещества и бросил его в плоскодонную колбу. Затем налил из крана воды. Когда раствор был готов, я стал заполнять кювету. В этот момент Шварц тихонько засмеялся и сказал:

— Достаточно, Мюрдаль. Все очень плохо. Можете не продолжать.

— Но еще ничего не сделано! — возразил я.

— Мой дорогой химик, — ответил он все с той же бесконечно любезной улыбкой, — вы уже сделали все, чтобы ваш анализ никуда не годился.

Я зло на него взглянул.

— Н-да, — протянул он задумчиво. — Пуассон, видимо, неважный инструктор. Очень неважный. — Он потрогал нижнюю губу. — Вы хотите знать, почему ваш анализ никуда не годится? Во-первых, вы насыпали реактив на руку. Но ваши руки грязные. Не обижайтесь, они грязные в химическом смысле. Малейшие следы пота, закристаллизовавшихся в клетках солей, осевшая на руках пыль — все это вместе с реактивом попало в раствор. Далее, вы не взвесили реактив. Вы не знаете, какое количество его вы взяли. А не зная концентрации раствора, нельзя судить о спектрах поглощения. Далее, вы растворили реактив в воде из-под крана, а она в химическом отношении тоже грязная. Вы не вымыли кювету. Вы понимаете, сколько ошибок вы наделали за одну минуту?

Он засмеялся и добродушно похлопал меня по плечу, а я, совершенно уничтоженный, чувствовал, как краска заливает лицо.

— Ну, ничего. Вначале это бывает. Только я вас очень прошу, не поступайте так впредь. Ведь вам в будущем предстоит очень ответственная работа, и уж если вы будете выполнять анализы, доктор Грабер должен в них верить. Понимаете?

— Да.

— А теперь давайте знакомиться по-настоящему, — продолжал он все тем же веселым тоном. — Мое имя Шварц, Фридрих Шварц, доктор химии из Боннского университета. Я руковожу этой лабораторией, а вы — мой лаборант. Вы будете работать под моим руководством и, я надеюсь, будете работать хорошо. Теперь отработайте то, что вам сказал Пуассон, но только чисто. На каждой спектрофотограмме поставьте название вещества, растворитель, концентрацию раствора, время экспозиции, время проявления пластинки. Вечером я проверю. Пока до свидания.

Доктор Шварц, улыбаясь, направился к выходу.

Вдруг он остановился и сказал:

— Кстати, я вам запрещаю пить Пуассона спиртом. Запрещаю пить и вам. Если у вас появится желание выпить, скажите мне. Здесь у нас есть чудесные коньяки. «Мартель», «Наполеон», что хотите.

3. «НАУКА ТРЕБУЕТ УЕДИНЕНИЯ»

Мир, в который я попал, оказался не таким бескрайним, как мне показалось вначале. На расстоянии километра к северу от моего барака возвышалась ограда, отделявшая от территории института то, что я про себя окрестил «оазисом алых пальм». В действительности пальмы не были алыми, но не были и зелеными. Днем цвет их листьев казался оранжевым, почти под цвет песка.

Из разговоров с Пуассоном я узнал, что главный въезд на территорию института расположен в северной стене, у ее северо-восточного угла. Через эти ворота к Граберу прибывали различные грузы, материалы, горючее для электростанции и цистерны с водой.

По крайней мере в четырех постройках располагались химические лаборатории. В двух одноэтажных бараках прямо перед центральным въездом размещались лаборатории Шварца, несколько дальше к северу находилась еще одна лаборатория и еще одна — у стены оазиса алых пальм. Там работал Пуассон. Над крышами барakov торчали характерные жестяные трубы-вытяжки из помещений, где проводились исследования.

Трехэтажное кирпичное здание в юго-восточном углу являлось резиденцией самого Грабера. Справа от здания поднималась водонапорная башня.

Прошло более трех месяцев с тех пор, как я приехал, но мое знакомство с территорией по-прежнему ограничивалось двумя бараками, где хозяйничал доктор Шварц. Кроме меня, в его распоряжении были еще только два сотрудника: немец по имени Ганс и итальянец Джованни Сакко. Оба они работали в северном бараке и ко мне никогда не заходили. Весь северный барак представлял собой синтетическую лабораторию. Там вместе с доктором Шварцем жили Ганс и Сакко. Я жил один.

По территории днем и ночью медленно шагали часовые, вооруженные карабинами. Они несли службу по двое и обходили территорию по какому-то очень сложному маршруту.

Мне редко приходилось видеть кого-нибудь на территории. Особенно безлюдным был юг, хотя днем из труб валил дым, а ночью иногда светились окна. Вдоль восточной ограды проходила асфальтовая дорога, и по ней

довольно часто к водокачке или к электростанции подъезжали грузовики. На этой же дороге иногда появлялись люди, закутанные в белые бурнусы. Это были рабочие из местных жителей.

Кроме Шварца и Пуассона, я долгое время не общался ни с кем. Ганса и Сакко я встречал, когда приходил с результатами анализа в северный барак, однако всякий раз они немедленно удалялись, оставляя меня наедине с доктором. Пуассон приходил ко мне сам, причем после случая со спиртом очень редко. Заходил главным образом для того, чтобы взять какой-нибудь реактив или передать мне препарат для анализа. Он всегда был молчалив, задумчив и, как мне казалось, немного пьян. У меня создалось впечатление, будто он чем-то расстроен, но чем — он не хотел или не мог сказать.

Впрочем, вскоре после приезда у меня появился еще один знакомый, вернее знакомая. Правда, я ни разу не видел ее в лицо. Это знакомство состоялось так. Однажды, когда я почему-то залежался в постели, вдруг зазвонил телефон. Так как до этого мне никто и никогда не звонил, я вскочил как ошпаренный и схватил трубку. Не успел я произнести и слова, как послышался женский голос:

— Господин Мюрдаль, пора на работу. — Женщина говорила по-французски, с очень сильным немецким акцентом. — Вы опаздываете на работу, господин Мюрдаль. Уже десять минут девятого.

Я посмотрел на часы. Мои часы показывали только семь...

— На моих только семь... — произнес я растерянно.

— Вы не проверяли свои часы. Звоните мне всегда после восьми вечера. Я буду говорить вам точное время.

— А как мне вам звонить?

— Просто снимите трубку.

— Хорошо, спасибо. Кстати, как ваше имя?

— Айнциг.

Впоследствии мне приходилось часто пользоваться телефоном, чтобы лишний раз не бегать к доктору Шварцу, а также в тех случаях, когда нужно было справиться о судьбе анализов у Пуассона, посещать которого мне не разрешалось.

Я поднимал трубку и называл, кого мне нужно. «Пожалуйста», — говорила Айнциг, и меня соединяли. Однажды вместо доктора Шварца трубку взял итальянец. На очень ломаном немецком языке он стал быстро говорить мне, что количество кремния, которое я обнаружил в препарате, слишком мало, и что анализ необходимо повторить, и чтобы я...

Тут нас разъединили. Я стал кричать в трубку, чтобы меня соединили вновь, но голос Айнциг с подчеркнутой вежливостью произнес:

— По этим вопросам вам надлежит разговаривать только с доктором Шварцем. Его сейчас нет.

После этого я почему-то заинтересовался, куда идет провод от моего телефона. Оказалось, что вниз, под пол. Электропроводка также была подземной. Я попробовал угадать, где находится телефонный коммутатор. Наверное, в трехэтажном здании, где обитал доктор Грабер.

За время пребывания в институте Грабера я научился многому. Теперь я мог очень профессионально выполнять качественный и количественный химические анализы, причем со значительно большей точностью, чем в университете. Кроме обычных реактивов для обнаружения химических элементов, я применял чувствительные органические индикаторы. Я освоил многие физические методы анализа, о которых раньше знал либо только по книжкам, либо по одному-двум практическим

опытам на устаревшем оборудовании. Я овладел колориметрическим, спектрофотометрическим, спектральным, рентгеноструктурным и потенциометрическим анализами. Доктор Шварц настаивал на том, чтобы последний я выполнял особенно тщательно.

— Концентрацию водородных ионов в растворах вы должны определять с высокой степенью точности. В конце концов вы должны ее просто чувствовать с точностью до третьего знака, — поучал он.

Я долго не мог понять, почему это так важно. Только впоследствии, когда здесь, в пустыне, разыгрались трагические события, я понял смысл всего этого...

Из лаборатории, где жил Шварц, мне передавали для анализа либо растворы, либо кристаллические вещества. Пуассон, как правило, приносил мне золу. Он что-то сжигал у себя в лаборатории, и мне предстояло определить состав того, что оставалось. Иногда он приносил растворы. Но это были не те кристально чистые растворы, которые поступали от Шварца. Растворы Пуассона почти всегда были очень мутными, с осадками, иногда неприятно пахли. Передавая их мне, он настаивал, чтобы, прежде чем я помещу их в потенциометрическую кювету или в кювету нефелометра, я их тщательно взбалтывал.

Однажды я не выдержал.

— Послушайте, Пуассон! — сказал я. — Как-то доктор Шварц забраковал мой анализ только потому, что я высыпал реактив на руку. А вы мне приносите какие-то помои. Вот, например, глядите, в пробирке плавает какое-то бревно, или кусок какой-то ткани, или черт знает что! Как ни болтай, а эта грязь либо попадет, либо не попадет в анализ. И я уверен, что при той точности, которая требуется, у вас могут получиться разные результаты.

— Сделайте так, чтобы эта ткань попала в анализ, особенно в качественный, — произнес он и ушел.

Результаты каждого анализа я выписывал на специальном бланке, указывая все данные: какие химические элементы входят в состав препарата, их процентный состав, полосы поглощения вещества в ультрафиолетовой и инфракрасной частях спектра, концентрацию для растворов, тип кристаллической структуры для твердых и кристаллических веществ, концентрацию водородных ионов и так далее.

Вначале я выполнял всю работу автоматически, не думая, каков ее смысл и для чего она необходима. Меня просто увлекало огромное многообразие сведений о веществе, получаемых современными методами исследования. Было приятно узнать о каком-нибудь розоватом порошке, что молекулы вещества в нем расположены в строго кубическом порядке. Об этом говорил рентгеноструктурный анализ. О том, что это органическое вещество, в котором есть метильная, гидроксильная, карбоксильная и ароматическая группы, что имеются двойные и тройные связи, свидетельствовал спектрофотометрический анализ. О том, что вещество имеет кислую реакцию, говорил потенциометрический анализ.

Из результатов эмиссионного спектрального анализа я узнавал, что в состав молекул вещества входят атомы кремния, алюминия, железа и т. д. Иногда данных оказывалось достаточно, чтобы я свободно мог написать химические формулы соединений.

Закончить химический анализ написанием формулы вещества мне удавалось только для препаратов, которые поступали от Шварца. Что касается анализов Пуассона, то они были такими же мутными, как и его растворы. Это было огромное нагромождение всяких химических элементов, групп, радикалов, ионов. В них было

все что угодно. Спектральный эмиссионный анализ золы давал такое огромное количество линий, что только после многочасового изучения спектрограмм можно было выписать все те элементы, которые там обнаруживались.

Но, проделав несколько сотен анализов, я вдруг пришел к выводу: получал ли я чистые вещества от Шварца или «грязь» от Пуассона, я почти всегда обнаруживал в них кремний. Кремний в сочетании с другими элементами назойливо фигурировал почти во всех случаях. То он входил в кислотный остаток, то в радикал органического соединения, то встречался в качестве комплексного иона в сочетании с другими элементами. Я сказал «почти», потому что было несколько анализов, в которых кремний не обнаруживался, но зато там обнаруживался другой элемент четвертой группы периодической системы Менделеева — германий.

Это было важное открытие, и я сделал его совершенно самостоятельно. Но оно ни на шаг не приблизило меня к ответу на занимавший меня вопрос: что здесь делают немцы? Как химик, я знал свойства кремния и его соединений. Я мысленно перебирал в своей памяти многие из них, и они, я был почти уверен, не могли представлять большого интереса. Соединения кремния — это песок, это различные твердые минералы: кварцы, граниты, шпаты, это стекло, жидкое и твердое, это материалы для режущих инструментов вроде карборунда. Кремний — это различные силикатные изделия: кирпич, фарфор, фаянс... Все это давным давно известные вещи. Стоило ли забираться в пустыню, чтобы тайком от всего мира исследовать соединения кремния?

В конце концов я решил поговорить об этом вначале с Пуассоном, а потом со Шварцем.

Разговор с Пуассоном просто не состоялся. На вопрос, почему в его анализах почти всегда присутствует

кремний, он вдруг нахмурил брови, затем, как бы боясь, что его могут подслушать, шепотом сказал:

— Взгляните вокруг. Кругом песок. Песчаная пыль всегда может попасть в препарат. А известно, что даже ничтожные следы кремния обнаруживаются легко.

Это было сказано с таким видом и так выразительно, что, несомненно, означало: «Не будьте идиотом и не задавайте неуместных вопросов».

Я его об этом больше спрашивать не стал. В его препаратах кремния всегда было очень много. Не сыпал же он в пробирки песок специально!

Разговор с доктором Шварцем оказался более интересным. Как-то я принес ему стопку анализов. Когда он стал рассматривать один из них, я сказал:

— В отношении этого я не совсем уверен.

— Почему? — поднял он на меня свои светло-голубые глаза.

Он всегда имел привычку, рассматривая что-нибудь, жевать кончик спички. Это он делал и сейчас. Но после моего замечания мне показалось, что его лицо, всегда спокойное и самоуверенное, вдруг стало настороженным.

— Здесь я не обнаружил кремния, — ответил я, не спуская с него глаз.

— Кремния? А почему вы думаете, что он обязательно здесь должен присутствовать?

— Я его нахожу, как правило, во всех препаратах, которые вы мне передаете. Мы ведь работаем с соединениями кремния?

Последний вопрос я задал, стараясь казаться как можно более безразличным и спокойным, хотя по совершенно непонятной причине сердце у меня сильно колотилось. Какое-то свертчутье подсказало мне, что сейчас я коснулся чего-то такого, что является страшной тайной.

Вдруг Шварц громко расхохотался.

— Боже, какой же я идиот! И все это время я заставлял вас мучиться над вопросом, с какими соединениями мы имеем дело! А ведь мне нужно было об этом вам сказать с самого начала. Ваша работа приобрела бы совершенно иной смысл.

Насмеявшись вдоволь, он вытер платком слезящиеся глаза и спокойно, но весело произнес:

— Ну, конечно, конечно, мы занимаемся изучением и синтезом кремнийорганических соединений. Мы занимаемся органическими соединениями кремния. Вот и все.

Я продолжал смотреть на него удивленными глазами.

Подумав, он продолжал свои объяснения:

— Знаете ли, кремнийорганические соединения очень мало изучены. Те, которые до сих пор были синтезированы, пока не имеют никакого практического значения. Однако им, по-видимому, принадлежит будущее.

Доктор Шварц встал и подошел к большому книжному шкафу. Он извлек немецкий химический журнал и передал мне.

— Вот возьмите и прочтите здесь статью доктора Грабера о кремнийорганических соединениях. Этими соединениями профессор занимался еще до войны. Сейчас он продолжает свои исследования в том же направлении. Почему здесь, а не в Германии? Это совершенно ясно. Истинная наука требует уединения.

4. УРАГАН

Через полгода моя жизнь вошла в монотонную колею. Наступила зима. Теперь после захода солнца становилось так холодно, что выходить на дозволенную вечернюю прогулку совершенно не хотелось. Электрическая

печь не согревала моей комнаты, и поэтому с наступлением темноты я сразу же забирался под одеяло и читал.

Как раз в этот период я заметил, что в южной лаборатории закипела работа. Из труб барака круглые сутки валил дым, окна светились ночи напролет. И вот однажды, когда мой рабочий день окончился, в лабораторию вдруг вбежал высокий белокурый человек в роговых очках с фарфоровой банкой в руках. На мгновение он остановился в двери как вкопанный.

— Простите меня, пожалуйста, мне необходимо видеть господина Шварца, — наконец пролепетал он по-немецки, растерянно улыбаясь.

— Господин Шварц куда-то ушел. Наверное, в свою лабораторию, — тоже по-немецки ответил я.

— Увы, его там нет. Я там был. А это так срочно, так срочно.

— Может быть, я смогу вам помочь? — спросил я.

— Не знаю, не знаю... — он прижал банку к груди. — Меня послал доктор Грабер... Нужно немедленно произвести полный анализ вот этого.

— Это как раз по моей части, — сказал я и протянул к нему руку.

Немец отскочил от меня и попятился к двери.

— А вы допущены к работам «Изольда-два»? — прошептал он, прикрывая ладонями свою драгоценную банку.

— Конечно! — нагло соврал я, решив, что сейчас мне представляется исключительный случай узнать нечто очень важное. — Конечно. Я допущен к работам «Изольда-два», «Зигфрид-ноль», «Свобода», вообще ко всем работам цикла «Глиняный бог».

На меня нашло какое-то безрассудное вдохновение, и я придумывал шифры неизвестных мне работ с быстротой молнии. Он заколебался и робко спросил:

— А вы немец?

— Господи, конечно! Разве может иностранец быть допущен к этим исследованиям! Я родом из Саара, — продолжал я лгать, а мозг сверлила лишь одна мысль: «Скорее, скорее же давай твою проклятую банку, иначе будет поздно, иначе придет Шварц».

— Тогда берите. Только я должен здесь присутствовать. Так мне приказали...

— Хорошо. Я-то ведь порядок знаю!

Он протянул мне белую фарфоровую банку, закрытую крышкой.

— Что нужно определить? — спросил я.

— Концентрацию водородных ионов, количество кремния, натрия и железа.

— И все? — спросил я весело.

— Все. Только, пожалуйста, скорее...

В моей лаборатории под потолком горела яркая электрическая лампа. Кроме нее, еще одна, без абажура, стояла на рабочем столе. Я подошел к ней и открыл банку.

Меня поразил запах находившейся там жидкости. Я слегка качнул банку и застыл, потрясенный, глядя, как по белоснежным стенкам стекает густая красная масса.

Это была кровь.

— Боже мой, что вы так медлите? Это же образец 17-42... От вчерашнего он отличается только концентрацией водородных ионов... Если анализ не сделать быстро, она скоагулирует!

Я поднял на немца вытаращенные глаза, продолжая сжимать банку. Я вдруг почувствовал, что она теплая, совсем теплая...

— А вы уверены... что она свернется? — проговорил я наконец хриплым голосом, медленно подходя к немцу.

Он попятился, уставившись на меня своими огромны-

ми голубыми глазами. Так мы шли очень медленно — он, пятясь к двери, а в двух шагах от него — я, судорожно сжимая фарфоровую банку.

— А теперь вы мне скажите, — проговорил я сквозь стиснутые зубы, — чья это кровь?

— Вы сумасшедший, — завизжал он. — Вы разве забыли? Серия «Изольда-два» — это кролики, крысы и голуби! Скорее же, вы...

И я захохотал. Я не знаю, почему я так испугался этой крови, почему она произвела на меня такое страшное впечатление. Кроличья кровь! Ха-ха-ха! Вот чудо! А я то думал...

— Ах, да, конечно! — воскликнул я, смеясь, и ударил себя по лбу ладонью. — А я-то думал, это по серии...

— А разве есть серия, в которой?.. — вдруг прервал меня немец и, в свою очередь, пошел на меня...

Его лицо исказили ненависть и презрение. Симпатичное молодое лицо мгновенно стало страшным...

Трудно представить, чем бы кончилась эта неожиданная встреча, если бы в лабораторию не ворвался доктор Шварц. Он влетел как вихрь, разъяренный и взбешенный. Таким я его никогда не видел. Все его добродушие, любезность и обходительность исчезли. Еще на пороге он не своим голосом заорал:

— Вон! Вон отсюда! Как ты смел лезть сюда без разрешения?

Я думал, что все это относится ко мне, и уже приготовился ответить, как вдруг доктор Шварц подбежал к немцу и ударил его кулаком по лицу. Тот, закрыв рукой глаза, отскочил к окну, а Шварц догнал его и ударил еще раз.

— Проклятая свинья, где препарат?

Немец не ответил. Лицо его блестело от пота.

— Где препарат, я спрашиваю тебя, подлец?

— Он у меня, господин доктор, — негромко произнес я по-немецки, протягивая фарфоровую банку Шварцу.

Шварц круто повернулся ко мне. До этого, казалось, он не замечал моего присутствия, но тут уставился на меня вытаращенными глазами.

— Какое право ты имел брать этот препарат? — заревел он. — Ах ты, французская свинья...

Он замахнулся, но я успел прикрыться рукой, и удар пришелся прямо по фарфоровой банке. Удар был сильный, банка вылетела у меня из руки, ударилась о стену над моим рабочим столом и разлетелась вдребезги. На стене расплылось огромное красное пятно, темные струйки, быстро набухая, побежали вниз. Кровь забрызгала весь стол, все мои бумаги. Несколько капель попало на электрическую лампочку, и алые брызги пузырились на раскаленном стекле.

На мгновение водворилась мертвая тишина. Наши глаза были прикованы к пятну на стене. Первым оправился я:

— Простите, что я взялся за это дело, но анализ, как заявил этот господин, был очень срочным...

— Срочным? — произнес Шварц, как бы проснувшись. — Ах да, срочным...

— Кролика только что убили, господин Шварц... — пролепетал белокурый немец.

— Да, только что. Кровь была еще теплой, и нужно было срочно определить концентрацию водородных ионов...

— Да, да. Черт возьми. А я-то думал... Этот негодяй Ганс мне сказал... Фу ты, какая глупость...

Шварц подошел к столу и стал носовым платком обтирать электрическую лампочку. Затем, совсем успокоившись, он улыбнулся и, как всегда, добродушно и весело глянул сначала на меня, потом на немца.

— Черт бы меня побрал! А ведь я, кажется, погорячился. Это все негодяй Ганс. Это ему следует задать трепку. Впрочем, не сердитесь на меня, Мюрдаль. И вы, Фрелих. Ведь вам, наверное, в детстве влетало ни за что ни про что от отца, который приходил домой не в духе. Поверьте, я хочу для вас хорошего. Пойдемте, Фрелих... Я сам извинюсь перед доктором Грабером за испорченный образец. Мы его повторим завтра. Простите меня, Мюрдаль, еще раз. Ложитесь отдыхать. Уже поздно. Спокойной ночи.

Шварц приветственно помахал рукой и вместе с Фрелихом, с которым я так и не познакомился, вышел из лаборатории. Фрелих продолжал прижимать ладонь к разбитым губам. Мне показалось, что он посмотрел на меня с удивлением.

Когда они вышли, я еще несколько минут стоял перед столом, залитым кровью. В голове все перемешалось. Я слышал дикую брань доктора Шварца, робкий и удивленный голос Фрелиха, автоматически повторял про себя: «Изольда-два», Изольда-два...» Затем я погасил свет и ушел в спальню. Мне совершенно не хотелось спать. Лежа на спине, я уставился в темноту и продолжал думать обо всем случившемся. Неужели виной всему плохое настроение Шварца? Или, может быть, что-нибудь другое? Почему он так яростно набросился на Фрелиха? Почему он вдруг так внезапно остыл? Что ему наговорил Ганс?

Я повернулся на другой бок. В пустыне поднимался ветер, и песчинки яростно ударяли в окно. В соседней комнате, в трубе вытяжного шкафа, завывал порывистый ветер...

Ветер крепчал с каждой минутой, и вскоре окна в лаборатории задрожали и зазвенели. Песок шипел на все лады, стараясь, казалось, процарапать себе щель в сте-

нах, ворваться в дом и засыпать все. Я приподнялся на локтях и посмотрел в окно. Тьма была крошечная. Песчаная пыль плотной пеленой заволокла небо. Начинался ураган, песчаная буря. Во время таких бурь в воздух взвиваются тысячи тонн песка. Песчаные смерчи носятся по пустыне, увлекают в движение новые горы песка, превращая день в ночь, ночь в ад...

Вдруг среди свиста и шипения до моего слуха донеслись какие-то странные звуки... Это было какое-то царапанье, скрежет, потрескивание... С каждой секундой они становились все более и более отчетливыми. Я встал с постели и подошел к окну. Царапанье звучало теперь совсем близко. Я приник к стеклу, вглядываясь в беспроектную темноту, ожидая увидеть нечто непонятное и таинственное, что вызывало у меня одновременно и страх и любопытство. Я ждал, что вот-вот из потоков бешено несущегося песка вынырнет и прильнет к стеклу с той стороны чье-то страшное лицо... И вдруг я понял, что скрипение и царапанье идут не снаружи, а изнутри, что звук рождается здесь, в лаборатории в соседней комнате!

Я бросился к двери и широко ее распахнул. В этот момент скрежет был особенно громким. Как будто кто-то пытался в темноте вставить ключ в замочную скважину!

Я пошарил по стене и повернул выключатель. Спектрофотометрическая сразу наполнилась светом. Здесь все было так же, как час назад. Но странный звук слышался совершенно отчетливо. Откуда он шел? Я медленно пошел между столами и приборами, приблизился к вытяжному шкафу и наконец оказался перед большой металлической дверью, которая закрывала понижающий трансформатор. На серой чугунной двери был нарисован белый череп и две кости, перечеркнутые красной молни-

ей. По-немецки было написано: «Внимание! Высокое напряжение!»

Да; это было здесь! Кто-то пытался открыть ее с противоположной стороны. Но кто? Разве там не трансформатор?

Так я стоял довольно долго, растерянно глядя на изображение черепа, пока скрежет металла внезапно не прекратился. Замок щелкнул, и дверь приоткрылась.

Вначале я увидел только темную щель. А затем в щель просунулась голова человека. Я чуть было не вскрикнул, узнав Мориса Пуассона.

Наши глаза встретились, и он сделал мне знак, чтобы я погасил свет. Я щелкнул выключателем и на ощупь вернулся к двери. Я не видел Мориса, но слышал, как тяжело он дышал. Затем он прошептал:

— У вас никого нет?

— Нет.

— Поверьте мне, я честный человек, и я не могу здесь больше оставаться.

— Что вы хотите делать?

— Бежать.

— Куда?

— Бежать отсюда. Во Францию. Рассказать всем все...

— А разве отсюда нельзя уйти просто так?

— Нет.

— Как же вы собираетесь бежать?

— Это мое дело. У меня нет времени на объяснения. Который час?

Я глянул на светящийся циферблат ручных часов.

— Без четверти два.

— Через семь минут они будут далеко...

— Кто?

— Часовые. Вот что. Возьмите этот ключ. Он позво-

лит вам кое-что узнать. Только не ходите по правой галерее. Идите прямо. Поднимитесь по ступенькам вверх и откройте такую же дверь, как эта. Я думаю, что на мое место они найдут человека не раньше, чем через месяц. За это время вы успеете все узнать.

— Чем я могу вам помочь?

— Три вещи: очки, бутылку воды и стакан спирта. Спирт я выпью сейчас.

— У меня нет очков против пыли. У меня рабочие очки. Кстати, почему вы не входите в комнату?

— Подождите. Так просто войти к вам нельзя. Давайте очки. Сейчас мне без них не обойтись. Песок.

Я вернулся в свою комнату и взял со стола свои очки. Затем ощупью нашел бутылку с завинчивающейся крышкой и наполнил ее водой. Пуассон выпил стакан спирта и запил водой из бутылки.

— Так, кажется, все. А сейчас берите меня на спину и несите до наружной двери. Если там все спокойно, я выйду.

— На спину? Вас? — изумился я.

— Да. Вы понесете меня. Иначе они узнают, что я у вас. Поворачивайтесь.

Он обхватил меня за шею, я взвалил его на спину и понес к выходу.

Когда я открыл наружную дверь, облако песка яростно набросилось на нас. Несколько секунд мы вслушивались в воющий ветер. Морис тронул меня за плечо.

— Пора. Прощайте. Не забывайте, что вы француз и человек. Заприте дверь в трансформаторный ящик. Прощайте. Скоро и вам все станет понятно...

Он наклонился и нырнул в стонущую темноту.

Я возвратился в лабораторию, зажег свет и запер дверь трансформаторного ящика.

В эту страшную ночь я уже не смог уснуть. Только

под утро я забылся тяжелым сном. Меня разбудил яростный телефонный звонок.

— Мюрдаль, вы спите, как мертвец! — услышал я резкий голос фрау Айнциг. — Почему вы еще не на работе? Вы не спите по ночам и, как лунатик, бродите по лаборатории, но это ваше дело. А на работу извольте подниматься вовремя.

— Боже, а сколько сейчас времени?

— Сейчас две минуты десятого.

— Да, но ведь такая темень...

— Хотя это в мои обязанности и не входит, могу вам сообщить, что на дворе ураган, — ответила она язвительным тоном и повесила трубку.

Я быстро оделся и пошел умываться.

5. КРЫСА

Странное появление Пуассона в моей лаборатории и его бегство вызвали в моей душе смятение. Все произошло так неожиданно, что в течение нескольких дней я не мог прийти в себя, постоянно вспоминая все детали этого события.

С его бегством в институте ничего не изменилось. Ни доктор Шварц, ни фрау Айнциг, ни часовые не показывали виду, что произошло что-то необычайное. Все было как всегда.

Я по-прежнему получал на анализ большое количество органических и неорганических веществ у Шварца. Исчезли только «грязные» препараты, которые мне приносил Морис.

С его исчезновением я потерял единственного собеседника, с которым мог вести неофициальные разговоры.

Не видел я больше и Фрелиха, а доктор Шварц стал обращаться со мной более сухо. Теперь он не разгова-

ривал со мной о вещах, не имевших отношения к работе. Часто, изучая результаты моих анализов, он становился раздражительным и придирчивым, заставляя меня переделывать или повторять анализы. Я заметил, что во всех этих случаях анализируемые вещества представляли собой густые, несколько мутноватые смолообразные жидкости. Эти вещества имели огромный молекулярный вес, иногда более миллиона, и сложную молекулярную структуру, в которой я обнаруживал при помощи инфракрасного спектрофотометра сахаридные и фосфатные группы и азотистые основания. В этих веществах я не обнаруживал кремния, и именно это обстоятельство, как мне казалось, делало доктора Шварца раздражительным и нервным. Однажды я осмелился спросить Шварца, что это за странные вещества. Не поворачивая головы в мою сторону и пристально всматриваясь в выписанные в столбик данные, он ответил:

— РНК.

После этого я принялся припоминать все, что мне было известно о рибонуклеиновых кислотах из курса органической химии. К сожалению, известно мне было немного. Эти кислоты являются особым биологическим продуктом, и о них в обычных учебниках органической химии говорится лишь вскользь. Я почти ничего не нашел о них и в той небольшой справочной литературе и в журнальных статьях, которые были в моем распоряжении. Рибонуклеиновые кислоты — основные химические вещества, входящие в состав ядер живых клеток. Их особенно много в быстро размножающихся клетках и в клетках головного мозга. Вот и все, что я вспомнил. Однако мне было точно известно, что в состав рибонуклеиновых кислот кремний не входит...

К концу зимы работы у меня прибавилось. Теперь почти все анализы касались либо рибонуклеиновых кис-

лот, либо веществ, им аналогичных. Кремний полностью исчез из списков элементов. Шварц из самодовольного и добродушного ученого превратился в злобного следователя. Он не разговаривал, а рычал. Просматривая мои записи, он яростно бросал листки в сторону и бормотал непристойные ругательства. Совершенно меня не стесняясь, он вскакивал, выбегал в соседнюю комнату, где работал итальянец Джованни, и, путая немецкие, итальянские и французские слова, обрушивался на него с проклятиями. Мне стало ясно, что итальянец — химик-синтетик — должен был во что бы то ни стало втолкнуть в рибонуклеиновую кислоту кремний. Он делал огромное количество синтезов, всякий раз меня температуру, давление в автоклавах и колбах, соотношение реагирующих веществ. Сакко кричал, что он в точности выполнял все указания синьора профессора, но он не виноват, что кремний не присоединяется к молекуле рибонуклеиновой кислоты.

Однажды, когда Шварц обрушился на Джованни с очередным потоком ругани, я не выдержал и вмешался.

— Вы не смеее так обращаться с человеком! Вы обвиняете его в том, что он не может по вашей прихоти переделать законы природы! — закричал я, когда Шварц замахнулся на синтетика кулаком.

Шварц на мгновение остолбенел, а затем прыгнул ко мне.

— Ах, и ты здесь, французская свинья? Вон!

У меня потемнело в глазах от ярости, но я сдержался и не двинулся с места. Сквозь зубы я процедил:

— Вы не химик, а дрянь безмозглая, если проведенный под вашим руководством синтез не дает желаемых результатов.

Доктор Шварц побледнел, как полотно, глаза его

почти вылезли из орбит. Задышающийся от ярости, он готов был разорвать меня в клочья. В это время Джованни подошел к доктору сзади. Глаза итальянца блистали ненавистью. Шварц, высокий, широкоплечий, был сильнее каждого из нас, но против двоих он вряд ли посмел бы выступить. Он замахнулся, чтобы ударить меня, но итальянец схватил его за руку.

— Одну секунду, синьор, — произнес он.

Некоторое время Шварц молча стоял между нами, оглядывая то одного, то другого. Затем он проговорил сквозь зубы:

— Запомните хорошенько этот день. Запомните навсегда. А сейчас убирайтесь вон.

После этой бурной сцены я медленно возвращался в свою лабораторию. Во мне все кипело от злости. Я проклинал то себя, то Шварца, то весь мир главным образом потому, что я ничего не понимал. Я не понимал до сих пор смысла работ института Грабера. Я не понимал, почему бесится Шварц, не находя кремний в рибонуклеиновой кислоте. Я не понимал, почему отсюда бежал Пуассон. Я не понимал, почему лаборатория прячется в пустыне. В общем, я ничего не понимал, и это приводило меня в отчаяние.

«Кремний, кремний, кремний», — сверлило в голове, пока я медленно шел к своему барaku, ступая по раскаленному песку. Вот он, кремний. Окись кремния в огромном количестве, разбросанная по необъятным пустыням Африки. Его здесь сколько угодно. Но он живет своей, самостоятельной жизнью. Есть строгие законы, где он может быть, а где его быть не должно. Это элемент со своим характером, как и всякий химический элемент. В соответствии со структурой своей электронной оболочки он определенным образом ведет себя в химических реакциях. Он охотно присоединяется к одним веществам

и не присоединяется к другим. И разве в этом виноват Джованни? Но почему кремний? Если Грабера интересуют органические соединения кремния вообще, то почему ему так необходимо втиснуть атомы кремния в молекулу биохимического продукта?..

Подойдя к двери лаборатории, я вдруг остановился как вкопанный. За время жизни в пустыне я не раз совершал прогулки по песчаному морю. Я привык к монотонному пейзажу. Я знал здесь все до мелочи. С первого дня пребывания в институте все здесь было неизменным и застывшим, и только черный дым валил из трубы южной лаборатории то сильнее, то слабее, а поверхность песка в зависимости от ветра то покрывалась мелкой рябью, то морщилась рядами застывших волн. Песок в лучах солнца был кремового цвета, а в особенно жаркие дни приобретал слегка голубоватый оттенок, как будто покрывался тончайшей блестящей пленкой, в которой отражалось небо. И все кругом было засыпано песком, на котором кое-где виднелись редкие следы, которые быстро исчезали.

И вот я стоял перед дверью в свой барак и с удивлением смотрел на предмет, валявшийся возле каменных ступенек. Это была дохлая крыса.

Появление ее было столь неожиданным, что я не поверил своим глазам и легонько ударил серый комок носком ботинка. Каково же было мое изумление, когда я почувствовал, что коснулся чего-то твердого, как камень.

Я огляделся вокруг. Одна пара часовых стояла далеко, с северной стороны, а вторая была почти рядом со мной. В соответствии с принятым порядком они стояли неподвижно и смотрели в мою сторону.

С минуту поколебавшись, я наклонился над крысой и стал тщательно завязывать шнурок на ботинке. Когда

я выпрямился, крыса была у меня в руке. Я вошел в лабораторию.

Вначале я подумал, что животное высохло на солнце. Такая мысль пришла мне в голову потому, что едва я тронул ее длинный хвост, он легко сломался, словно тонкая сухая ветка. Однако тело ее не имело того сморщенного вида, какой бывает у высушенных животных. Труп больше напоминал чучело, набитое чем-то очень твердым. Шерсть крысы была жесткая, как щетина.

«Кто мог подбросить к моей двери такое чучело?» — подумал я.

Я не мог не заметить крысу во время прежних прогулок. Она появилась именно сегодня утром, пока я находился у Шварца. Может быть, в течение этого часа кто-нибудь подходил к моей двери? Но тогда на песке были бы видны следы. Значит... Но не могло же чучело крысы появиться здесь само собой? Я взял скальпель и попробовал воткнуть острие в брюшко крысы. Но это оказалось так же невозможно, как если бы я пожелал проткнуть камень. Кончик ножа беспомощно царапал по поверхности, сдирая тонкий слой шерсти. Попытка отрезать лапку окончилась тем, что под нажимом скальпеля она отломилась, как сухой сучок.

Убедившись, что разрезать это чучело или труп мне не удастся, я положил его на тяжелую плиту, на которой обычно сжигал препараты для анализа золы, взял молоток и ударил изо всех сил. Труп раскололся на несколько крупных кусков. Поверхности раскола имели блестящий стеклообразный вид, с узорами, в которых нетрудно было угадать сечения внутренних органов животного. В недоумении я вертел обломки в руках. Если даже предположить, что эту крысу специально сделали из камня и натянули на нее шкуру, то зачем было так тщательно воспроизводить ее внутреннюю структуру?

Нет, это не каменная модель крысы. Это настоящая крыса, которая по какой-то непонятной причине превратилась в каменную. И мне было не ясно только одно: окаменела она после того, как подбежала к двери моей лаборатории, или же...

После недолгих размышлений я выбрал из обломков небольшой кусок и побежал к спектрографу. Вспыхнуло яркое пламя дуги. На спектрограмме я увидел то, что ожидал, — среди огромного множества различных линий, принадлежавших главным образом железу, выделялись жирные черные линии, по которым нетрудно было узнать кремний.

Крыса действительно была каменной.

Это открытие вдруг совершенно по-новому осветило смысл всей моей работы. Я понял, почему кремний так назойливо выявлялся в моих анализах. Я смутно догадывался, что грязь, которую мне приносил Пуассон, по-видимому, являлась результатом сжигания или измельчения таких же каменных животных, как и найденная мною крыса. По-новому выглядел намек Мориса на то, что доктор Грабер собирается сыграть с биохимией какую-то шутку. Мне стало ясно, что кремний немцы пытаются втолкнуть в живой организм. Но зачем? Ведь не для того же, чтобы изготавливать каменные чучела? А для чего?

Наступили сумерки, а я продолжал сидеть, погруженный в размышления. Чем больше я думал, тем больше терялся в догадках.

От напряжения мутилось сознание. Я чувствовал, что если в ближайшее время не пойму смысла всего этого, то сойду с ума. Теперь я не мог обратиться с прямым вопросом к Шварцу. Свою находку я должен держать в тайне. Нужно было искать какие-то другие пути для решения загадки. И тогда я вспомнил. Ключ!

Где ключ, который мне передал Пуассон в ночь побега?

Да, он спрятан под тяжелым рельсом, на котором стоит спектрограф. Я нашел его и как величайшую драгоценность сжал в руке... Я решительно подошел к двери серого ящика, на котором был изображен человеческий череп между двумя костями, перечеркнутый красной молнией.

Нет, так нельзя. Это не простая прогулка. Это опасная экспедиция, к которой нужно долго и тщательно готовиться. За каждым моим движением следят там, у Грабера. Фрау Айнциг знает все о каждом моем шаге. Прежде чем отправиться в путешествие, я должен многое выяснить.

Я отошел от серой двери и снова положил ключ под рельс. Я убрал осколки крысы в банку и спрятал в шкаф с химической посудой. Затем я лег спать.

В эту ночь мне снились неподвижные каменные идола со сложенными на груди руками.

6. ОАЗИС АЛЫХ ПАЛЬМ

То, что фрау Айнциг с телефонной станции следила за каждым моим шагом, стало мне ясно вскоре после прибытия в институт. Дело было не только в том, что она будила меня, когда по той или иной причине я просыпался на работу. Были и другие, более очевидные доказательства. Однажды, когда рабочий день кончился и я ушел к себе в комнату, она позвонила и напомнила мне, что я забыл выключить в фотолаборатории воду. Как всегда, с подчеркнутой вежливостью и ехидством она сказала: «Господин Мюрдаль, вы, по-видимому, думаете, что находитесь в Париже и что за окном вашей квартиры протекает Сена». В следующий раз она

спросила меня, кто ко мне заходил, хотя у меня никого не было.

— Тогда скажите, пожалуйста, что вы только что делали?

— Я переставил сушильный шкаф на новое место, поближе к раковине, — ответил я удивленно. — А в чем дело?

— Понятно, — проквакала она и повесила трубку.

Итак, каким-то непонятным образом она имела возможность следить за тем, что происходило в лаборатории. Я долго размышлял по этому поводу и пришел к выводу, что у фрау Айнциг перед глазами висит доска с планом моей лаборатории, на которой, как у железнодорожного диспетчера, загораются сигнальные лампочки, показывающие, где я нахожусь и что я делаю. Нужно было разобраться в системе сигнализации.

Все тяжелые приборы и шкафы в лаборатории стояли на каменном фундаменте, не связанном с коричневым линолеумом, который покрывал полы. Когда ходишь по этому линолеуму, возникает такое ощущение, будто ступаешь по мягкому ковру. Несомненно, пол был устроен таким образом, что он слегка прогибался всякий раз, когда на него становился человек, и где-то замыкались электрические контакты. Контакт, вероятно, было несколько, потому что площадь всех комнат, и особенно спектрофотометрической, была велика, и вряд ли давление на пол в одном месте могло передаваться на всю поверхность.

Однажды я вооружился отверткой и стал ползать вдоль стен, приподнимая край линолеума. Скоро поиски увенчались успехом. Приподняв линолеум прямо у окна, я обнаружил, что к его обратной стороне прикреплена мелкая медная сетка, которая, наверное, представляла

собой один общий электрод. Эта сетка свободно лежала на низких пружинистых скобках, между которыми к деревянным доскам были прикреплены небольшие медные пластинки. Стоило нажать на поверхность линолеума, как пружинистые скобки прогибались и сетка касалась одного или нескольких медных электродов. На диспетчерской доске телефонистки план моей лаборатории был утыкан электрическими лампочками. Она имела возможность постоянно следить за мной и за теми, кто заходит ко мне. Я понял, почему Пуассон просил, чтобы я пронес его через лабораторию. Ведь в противном случае телефонистка подняла бы тревогу!

Во всех комнатах лаборатории сигнализация была устроена по одному и тому же образцу. Однако то, что я разобрался в этой нехитрой электрической схеме, еще не решало вопрос о том, как я могу уйти из лаборатории незамеченным. Я, конечно, мог замкнуть где-нибудь несколько электродов, и, таким образом, создать у надзирательницы впечатление, что сижу на месте. Но ведь она увидит, как я перемещаюсь по комнате, и сразу заинтересуется, откуда взялся второй человек. Ведь экран ей покажет, что в помещении не один, а два человека! И тут меня осенила мысль. Недолго думая, я растянулся на середине комнаты и медленно пополз на животе. Затем я несколько минут лежал неподвижно, ожидая, что из этого получится. И получилось именно то, чего я ожидал. Резко зазвонил телефон. Я ухмыльнулся про себя и продолжал лежать. Телефон позвонил еще несколько раз, а затем затрещал непрерывно. Я был уверен, что если бы я пролежал еще несколько минут, весь институт был бы поднят на ноги. Я резко поднялся и снял трубку.

— Куда вы девались? — услышал я знакомый голос.

— Девался? Никуда я не девался, — ответил я.

— Тогда скажите, какие трюки вы там у себя выделяете?

Помолчав секунду, я с напускным восхищением произнес:

— Знаете, мадам, ваша наблюдательность меня поражает. Я действительно сейчас выделял трюки. Я влез на лабораторный стол и пытался снять с окна занавесь, на которойросло несколько килограммов пыли. Если бы стол не был прикреплен к полу, я бы это сделал очень просто. А так мне пришлось...

— Довольно! — резко прервала меня она. — Завтра я пришлю к вам человека, который заменит вам занавеси.

Ну вот, теперь я мог передвигаться по лаборатории незаметно. Для этого нужно было не ходить, а ползать на животе. Это меня вполне устраивало.

Оставалось немного. Нужно было сделать так, чтобы фрау Айнциг думала, что я в лаборатории, в то время как меня здесь не будет.

Исследовав свою кровать, я обнаружил электрический контакт в пружинной сетке. Когда я ложился, сетка прогибалась и касалась продольной металлической планки, изолированной от остального корпуса фарфоровыми перекладинами. Достаточно было соединить сетку и перекладину проволокой, и фрау Айнциг будет думать, что я сплю. Теперь, когда система сигнализации была разгадана, оставалось продумать детали будущего путешествия по тому пути, по которому когда-то пришел Пуассон.

Лежа в кровати, я должен буду замкнуть контакт под собой. Затем я должен буду перебраться на пол и проползти около десяти метров до трансформаторного ящика. Здесь мне придется выполнить сложное

гимнастическое упражнение: вползти в ящик, не вставая на ноги.

Дверь ящика находилась на высоте около полуметра над полом, и дотянуться до нее из положения лежа было невозможно. Я долго думал над тем, как это сделать. Это был самый ответственный этап моего путешествия по комнате.

В течение нескольких дней я тщательно готовился к предстоящему походу. Замкнув проволокой сетку кровати с металлической планкой, я по ночам ползал по лаборатории, чтобы убедиться в надежности такого метода передвижения. И метод был надежным, потому что ни разу никаких сигналов тревоги не было. За это время я придумал, как незамеченным вползти в мнимую трансформаторную будку. Для этого нужно будет предварительно открыть дверь и перекинуть через нее веревочную петлю. Если ухватиться за петлю руками и упираться ногами в стоявший рядом массивный шкаф с химической посудой, то можно будет вползти в дверь, не вставая на ноги. В одну из ночей я проделал и это упражнение. Я с большим трудом оторвался от пола и влез в узкий проход. Оттуда пахло затхлым теплым воздухом, и ноги мои коснулись каменных ступенек. Затем я проделал обратную операцию: при помощи той же веревки и шкафа я снова опустилс я плашмя на линолеум и возвратился к своей кровати.

Итак, можно было отправляться.

Для похода я выбрал тихую безветренную ночь, когда луна была полной и освещала пустыню прозрачным спокойным светом. Я долго сидел у окна, вглядываясь в царившее вокруг лунное безмолвие. Серебристые песчаные дюны казались гладкими морскими волнами, застывшими на фотографическом снимке. В окнах южной лаборатории горел свет, светились окна в здании, где

обитал Грабер. Точно в десять часов вечера все будет темно и там. Свет будет гореть только в одном окне, там, где дежурит фрау Айнциг. Я не знал, что даст мне это путешествие под землей, но желание раскрыть тайну было очень велико, и я решил не отступать от своего плана.

Наконец огни стали гаснуть, и в десять вечера все погрузилось во мрак.

Тогда я снял телефонную трубку. Через секунду слышался голос фрау Айнциг:

— В чем дело, Мюрдаль?

— У меня к вам просьба. Меня что-то одолевает сон, и я не в состоянии закончить срочную работу. Я прошу вас разбудить меня завтра часов в шесть-семь.

— Хорошо, я вас разбужу, — ответила она.

— Спокойной ночи, фрау Айнциг.

— Спокойной ночи.

Через несколько секунд я лег в кровать. Я лежал, стараясь не двигаться, как бы боясь кого-то спугнуть.

«Пора», — прошептал я сам себе через полчаса.

Я пошарил у себя в карманах, проверяя, все ли на месте. Ключ от двери, электрический фонарь, коробка спичек... В другом кармане нож. В карман халата я спрятал кусок веревки на тот случай, если там, на противоположном конце подземного пути, мне придется проделывать такие же упражнения, как и здесь.

Просунув руку под матрац, я плотно привязал сетку к металлической перекладине.

Мне показалось, что путь от кровати до трансформаторного ящика я проделал очень быстро. Однако взгляд на светящийся циферблат моих часов показал, что лабораторию я прополз за двадцать минут. Было начало двенадцатого.

Когда я оказался внутри тесного тамбура, с меня

градом катил пот. У двери я несколько секунд подождал, чтобы убедиться, прошел ли первый этап путешествия благополучно. Затем я опустился на несколько ступенек, прикрыл за собой дверь и включил фонарик.

Каменная лестница вела по наклонной галерее с бетонированными стенами и кончалась небольшой площадкой, откуда начиналась узкая горизонтальная труба. Я просунул в нее голову и осветил фонариком. Она казалась бесконечной. На расстоянии около пяти метров начинался ряд железных крючков, на которых лежали кабели и провода. По ним в лабораторию поступала электроэнергия, а также осуществлялась телефонная связь и сигнализация. Приглядевшись, я сразу отличил электрический кабель от телефонного. Телефонный был в голубой изоляции. А в толстом свинцовом кабеле, по-видимому, было множество тонких жил, которые под полом разветвлялись и присоединялись к медным контактам... Какая-то пара проводничков сейчас уносила в диспетчерскую ложный электрический сигнал о том, что я сплю. При этой мысли я улыбнулся.

Ползти было трудно, потому что железные крючки то и дело цеплялись за одежду. Приходилось останавливаться и проделывать сложные движения руками, чтобы отцепиться. Труба не была предназначена для того, чтобы совершать по ней путешествия.

Чем дальше я полз, тем все более спертым становился воздух, и, наконец, мне показалось, что он совсем исчез. Я остановился и несколько секунд лежал неподвижно, глотая широко раскрытым ртом горячую духоту. Затем я пополз дальше, делая остановки через каждые пять-десять метров.

По моим расчетам, труба шла прямо на восток. Если так, то мне предстояло проползти не менее одного километра — путь немалый. Но я не преодолел и полови-

ны пути, когда почувствовал, что силы меня оставляют. Перед глазамиплыли разноцветные пятна, в ушах звенело, сердце стучало неравномерно: то как в лихорадке, то, казалось, останавливалось совсем.

«Не доползу. Нужно возвращаться...»

Вползая в трубу, я почему-то не подумал о том, что может возникнуть необходимость вернуться. Только теперь я понял, что сделать этого не смогу. Труба была узкой, и развернуться в ней было невозможно. Можно было пятиться назад. Я попробовал проползти так несколько метров и остановился. Сорочка задралась мне на голову, а металлические крючья прочно вцепились в брюки. Чтобы освободиться от них, пришлось снова ползти вперед.

Наконец я выбился из сил и замер в абсолютной темноте где-то в середине узкой и душной бетонной трубы, под толстым слоем песка. «Но ведь Пуассон как-то прошел этот путь! Так в чем же дело? Вперед, только вперед».

Я зажег свет и опять пополз, останавливаясь только затем, чтобы отцепиться от очередного крючка.

От удушья и страшного напряжения я почти терял сознание, как вдруг на меня пахнуло, как мне показалось, свежим воздухом. Я остановился и, осветив стенки, увидел, что здесь от трубы ответвляется еще один канал. Это ответвление было несколько шире, и в него уходили все провода и кабели. Я догадался, что они ведут к Граберу.

«Ползти только прямо», — вспомнил я слова Пуассона.

Здесь я пролежал несколько минут и отдышался. Затем я посмотрел на часы, и у меня в груди похолодело: было два часа ночи. Если и дальше я буду двигаться с такой же скоростью, я не смогу вовремя вер-

нуться обратно. Я выключил свет и, работая обеими руками, стал двигаться дальше.

Наконец моя голова уткнулась во что-то твердое. Я зажег фонарик и увидел, что нахожусь на дне колодца, подобного тому, какой был под моей лабораторией. Вверх поднималась крутая каменная лестница...

Когда я вставлял ключ в замочную скважину, у меня было такое чувство, будто там, за дверью, уже стоят охранники Грабера, готовые меня схватить. Мне казалось, будто мое отсутствие обнаружено давным-давно и поднялась тревога. Но я делал все так, как задумал. Пусть будет, что будет. Я тихонько повернул ключ и открыл дверь.

Это было большое продолговатое помещение с широкими и низкими окнами. Лунный свет в них не попадал, и я сообразил, что они обращены на восток. Посреди комнаты возвышался силуэт сооружения, напоминающего печь древних алхимиков: на четырех тонких опорах коническая крыша с трубой, уходящей в потолок. У окон — широкие столбы, и на них я увидел горшки с растениями. Их листья и стебли четко выделялись на фоне серебристых окон.

Я долго стоял неподвижно у открытой двери и прислушивался. Ни единого шороха, ни единого вздоха или шелеста. Воздух был затхлым. Казалось, в этом помещении давно не было людей...

При свете фонаря я обнаружил, что пол был дощатым. «Эту комнату не контролируют», — решил я.

Помещение походило на оранжерею. То, что возвышалось посередине, оказалось обыкновенной печкой, на которой стояли металлические чаны. Горшки на столах действительно были с растениями. Но даже в полутьме я понял, что это были не обыкновенные растения. Их ли-

стья не были зелеными. При свете электрического фонаря они казались желтыми.

Я не удержался и, подойдя к одному из горшков, тронул растение рукой. Стебли и листья оказались жесткими, как грубая кожа. Они легко ломались. Под листьями одного из растений я заметил какие-то плоды, твердые и плотные, хотя по виду они напоминали помидоры. Я вытащил из кармана нож, перерезал стебель и спрятал трофей в карман.

Часы показывали пятнадцать минут четвертого, когда я подошел к двери в правом углу оранжереи. Она оказалась приоткрытой. Я не сразу сообразил, где нахожусь, когда вышел наружу. Здание стояло в углу обширного сада, огороженного высокими стенами. Они расходились под прямым углом и скрывались за стволами деревьев. Я узнал эти деревья: пальмы, те самые, которые я всегда видел, выходя из лаборатории.

Никаких сомнений, это был оазис алых пальм. Однако теперь он больше походил на огромное кладбище. На высоких, обнесенных камнем грядках росли какие-то кустарники. Начался предутренний ветерок, он крепчал с каждой минутой, но листья растений были совершенно неподвижны.

Это безмолвное песчаное поле с безжизненной растительностью казалось в лунном свете призрачным и неестественным. Здесь не было ощущения свежести, не было запаха зелени и цветов. Я несколько раз касался руками листьев и стеблей и всегда отдергивал руку, потому что они, жесткие и твердые, создавали ощущение высохших тропов.

Я шел по этому удивительному саду как зачарованный, забыв о трудном пути, который я проделал, не думая, как я буду возвращаться обратно. Я терялся в догадках, пытаюсь понять, как и для чего был создан этот

страшный, противоестественный растительный мир. Меня вдруг охватило гнетущее чувство. Мертвый сад в пустыне, высокие, могилоподобные грядки, далекие силуэты пальм, глубокий песок и легкий шорох в неподвижной листве создавали впечатление, как будто я попал в потусторонний мир, в загробный мир растений...

Луна спустилась над горизонтом и почти касалась ограды, отделявшей оазис от остального мира. Я решил, что пора возвращаться. Когда я вошел в глубокую тень, отбрасываемую оградой, слышались звуки, напоминавшие далекие выстрелы. Они доносились откуда-то слева. Я прислушался. Действительно, несколько одиночных далеких выстрелов, а затем — «та-та-та-та-та», как будто пулеметная очередь...

Держась все время в тени, я почти вплотную подошел к тому месту, где стена под прямым углом уходила на восток. Выстрелы и пулеметные очереди теперь стали явственно слышны, и я остановился, раздумывая над тем, что происходит там, за стеной. Я медленно побрел вдоль нее, мучимый любопытством, и вдруг натолкнулся на калитку. Она оказалась запертой. Снова в ночной тишине я услышал «та-та-та-та-та» и вслед за этим далекий, напоминающий плач ребенка голос... «Неужели за стеной расстреливают?» — подумал я. Выстрелы умолкли и, сколько я ни ждал, больше не повторялись.

Не знаю, как долго я простоял возле калитки, как вдруг она за скрипела, и я инстинктивно сделал огромный прыжок в сторону и спрятался за низеньким ветвистым деревом.

Я не видел, как отворилась дверь, потому что тень в углу была очень глубокой, а луна еще ниже опустилась над горизонтом. Я напряженно всматривался в темноту и долго ничего не мог увидеть. Только через не-

сколько томительных минут я заметил, как вдоль стены по направлению к оранжерее очень медленно двигалось что-то серое. Это был человек. Вернее, я догадывался, что это человек. Серый силуэт двигался странными рывками, тяжело ступая по глубокому песку.

Я стоял в своем укрытии, боясь пошевелиться, прожоя глазами серую тень. Кто это такой? Что он делал там за стеной в этот час? Почему так медленно идет? Затем в моей голове, как молния, пронеслась мысль: «Он идет к оранжерее! Все пути возвращения сейчас окажутся отрезанными!»

Спотыкаясь о какие-то тяжелые и твердые, как камень, плоды, я быстро пошел через грядки, двигаясь параллельно каменной ограде. Вскоре серая тень оказалась далеко позади, а я стоял у двери оранжереи.

Отсюда я разглядел, что медлительный человек толкал перед собой огромную садовую тачку. Был слышен едва заметный скрип ее единственного колеса.

Я решительно вошел в оранжерею и направился к двери. Здесь стало совершенно темно, и я вынужден был несколько раз включать электрический фонарик. В тот момент, когда я опускался вниз, стало слышно, как под тяжестью грузных шагов зашуршал песок за окнами. Тогда я закрыл за собой дверь и бесшумно повернул ключ.

Обратный путь по трубе показался мне гораздо короче.

7. РОБЕРТ ФЕРНАН

Однажды рано утром доктор Шварц привел ко мне человека, которого я раньше никогда не видел. Это был уже немолодой высокий широкоплечий мужчина с копной черных курчавых волос на голове.

— Знакомьтесь. Это господин Фернан, наш биохимик, — объявил Шварц.

Фернан глядел на меня сощуренными глазами и слегка улыбался.

— Добрый день, — сказал я.

— Добрый день, — ответил он по-французски с едва уловимым иностранным акцентом.

— Доктор Фернан будет выполнять функции, которые раньше выполнял Морис Пуассон, — сказал Шварц. — Я надеюсь, что вы подружитесь.

Он кивнул мне и вышел. Фернан поставил на мой рабочий стол штатив с пробирками, наполненными знаковыми мне мутными растворами, и начал молча обходить лабораторию. Он остановился у приборов, низко наклоняясь над ними. Я следил за его движениями, стараясь угадать, кто он и что собой представляет. Мне почему-то казалось, что он не француз. Чтобы не выдать любопытства, я принялся сортировать пробирки, а он все расхаживал по комнате, заложив руки за спину и ни к чему не прикасаясь. Он только смотрел.

— Анализы нужны полные или только спектральный? — спросил я безразличным тоном.

— А как у вас положено? — спросил он и подошел к моему столу.

— В зависимости от того, что требуется. Я не знаю, что вам нужно.

Он задумался, затем ответил:

— Сделайте для начала полный анализ.

Я кивнул и принялся за препарат номер один.

— Вы не возражаете, если я понаблюдаю, как вы работаете? — спросил он.

— Если вам нравится, пожалуйста, — ответил я без всякого энтузиазма. Про себя я решил, что этого Фернана приставили ко мне соглядатаем.

Я прошел в препараторскую, отфильтровал раствор и положил листок бумаги с осадком сушиться на электрическую печку. Раствор я перелил в кварцевую кювету и вернулся к спектрографу. Фернан неотступно следовал за мной. Это начало меня раздражать.

— Сейчас я буду экспонировать спектр, и вы можете отдохнуть, — сказал я по-немецки, стараясь произнести фразу как можно более едко.

— Спасибо, — ответил он мне на чистейшем немецком языке.

«Так и есть. Немец», — решил я.

Загудел трансформатор водородной лампы. Я установил кювету в держатель и сел рядом со спектрографом. Фернан уселся за стол. Несколько минут мы молчали.

— А вы не боитесь обжечь лицо ультрафиолетом? — спросил я.

Он покачал головой.

— Я уже привык. На мое лицо ультрафиолетовые лучи не действуют.

Я смотрел на его лицо. Для немца оно было слишком смуглым. Это меня немного смутило.

— А вы здесь уже давно? — осведомился он.

— Да, давно, — ответил я и отвернулся.

— Вы из Франции?

— Да.

— Вам здесь нравится?

Я поднял на него удивленные глаза.

— А это имеет какое-нибудь отношение к делу?

— Извините, — засмеялся Фернан. — Это, конечно, праздное любопытство... Извините, — повторил он.

После этого он больше не ходил за мной по пятам. Он облокотился о стол, закрыл глаза и, казалось, погрузился в свои мысли. Когда я принялся за третью про-

бирку, он вдруг встал и, ни слова не говоря, вышел из помещения. Через окно я видел, как он обогнул мой барак и, широко шагая по песку, отправился в южную лабораторию. На полпути его остановил часовой, и он предъявил ему пропуск. Часовой козырнул и отошел в сторону.

«Важная птица. Разгуливает, где ему вздумается».

Вернулся он только к вечеру. Вид у него был немного встревоженный и усталый.

— У вас все готово? — спросил он.

— Давно. Вот здесь, на банках, все написано.

Несколько секунд он молча рассматривал мои записи, а затем поднял на меня свои близорукие глаза.

— По-моему, бессмысленная работа, — сказал он как-то неопределенно.

— Не знаю. Доктору Граберу и доктору Шварцу виднее.

Фернан пожал плечами.

— Я совершенно не понимаю, для чего нужно вполне благопристойных кроликов превращать в каменных, кому вместо хороших сочных помидоров и бананов нужны каменные помидоры и бананы?

Я насторожился и пристально взглянул на него. За все время моего пребывания здесь со мной никто так откровенно не говорил о делах, происходящих в институте Грабера. Может быть, это провокация? Может быть, немцы заподозрили, что я уже слишком много знаю, и просто хотят выяснить, как много мне известно? Я плотно сжал губы и ничего не ответил.

— Ну, хорошо. Спокойной ночи, — сказал Фернан и ушел.

В течение нескольких дней он не появлялся. За это время произошло событие, которому суждено было стать решающим во всей этой истории.

Как-то вечером после работы я позвонил фрау Айнциг, чтобы сверить часы. Она сняла трубку и, произнеся знакомое мне «алло», вдруг перестала со мной говорить. Вместо ее голоса я вдруг услышал сразу несколько голосов. Разговор был не очень внятный, торопливый, но очень скоро смысл его дошел до моего сознания. Кто-то сообщал фрау Айнциг, что получена радиogramма о прибытии в институт крупного начальства. В связи с этим что-то нужно было сделать, с чем-то поторопиться, за кем-то послать. Дата прибытия точно не установлена. Айнциг повесила трубку, и я больше ничего не услышал.

На следующее утро на территории института началась беготня. Я видел, как Шварц несколько раз торопливо прошел из своей лаборатории в южную и обратно, как из южной лаборатории пробежали трусцой в здание Грабера несколько человек в белых халатах, как вдоль восточной ограды взад и вперед метались местные рабочие.

В этот день обо мне забыли.

Однако вскоре после обеда в моем помещении появился Фернан. С первого взгляда было ясно, что он очень взволнован, и я даже не удивился тому, что он не принес никаких препаратов для анализа.

— Чем могу служить? — спросил я насмешливо, понимая, что немцы переполошились из-за приезда начальства.

Фернан виновато улыбнулся и как-то очень просто сказал:

— Ух, забегался. Решил у вас отдохнуть...

— Отдохнуть?

— Да. Вы не возражаете, если я у вас посижу несколько минут?

Я пожал плечами и показал на стул. Он сел и проговорил:

— Прошу вас, если придет доктор Шварц, рассказывайте мне что-нибудь о своей работе. Это будет выглядеть так, будто я пришел к вам по делу.

Я внимательно посмотрел ему в глаза. Все это начинало меня злить. Я спросил:

— Вы, наверное, думаете, что я безнадежный идиот и не понимаю, что значит вся эта комедия?

— Комедия? — он даже привстал. — По-моему, это не комедия. Может быть, для вас, но не для меня...

— Господин Фернан. Давайте договоримся: если вам поручили за мной следить, то делайте это как-нибудь поумнее...

Он опустил голову, потер рукой лоб и тихонько засмеялся.

— Черт возьми! А ведь верно, какое право я имею на ваше доверие? Никакого...

Мне показалось странным, что он так говорит. Вел он себя очень непосредственно.

Подумав, он вдруг заговорил снова:

— Хорошо. Давайте будем откровенны. Другого выхода у меня нет. Только ответьте мне на один-единственный вопрос. Он может вам показаться странным. Но для меня это важно... Согласны?

— Смотря какой вопрос, — настороженно сказал я.

— Вы любите Францию?

Пока я думал, он смотрел на меня широко раскрытыми черными глазами. Я внезапно почувствовал, что передо мной не тот человек, за которого я его принимал.

— Если это так важно, я могу ответить. Да.

— Я вам верю. Слушайте, — он перешел на шепот. — Я не Фернан, и мне грозит опасность...

— Кто же вы тогда? — прошептал я.

— Вы это узнаете в свое время. Но я не немец. И не француз.

— Пойдемте в рентгеновский кабинет. Там можно запереться и поговорить, чтобы нас никто не услышал, — прервал я его.

Мы прошли в рентгеновскую лабораторию, и я включил установку. В комнате стало шумно. Фернан наклонился ко мне и сказал:

— Я приехал сюда по документам некоего Роберта Фернана из Мюнхенского исследовательского центра. После войны этого Фернана приговорили к пожизненной каторге за медицинские и биологические опыты над военнопленными. Однако с помощью своих западных коллег он вскоре оказался на свободе и занял важное положение медицинского советника при нынешнем правительстве...

— Да, ну, а вы...

— Я недаром спросил, любите ли вы свою родину. Дело в том, что моя родина здесь...

— Здесь? В Африке?

— Да, здесь, на этой самой земле. Нас давно уже тревожит то, что тут окопались немцы. С этим пора кончать.

Последние слова Фернан произнес решительно, как призыв. Мне вдруг стало стыдно за то, что я европеец.

— Постойте, одну секунду, Фернан, или как вас... Но ведь, насколько я знаю, Грабер ведет лишь научные исследования.

— Научные? — Он резко наклонился к самому моему лицу. — Роберт Фернан проводил над людьми тоже так называемые научные исследования. Он замораживал их живыми, он вливал им в вены растворы солей свинца, чтобы получить уникальные рентгеновские снимки, он...

— Неужели и Грабер? — в ужасе воскликнул я.

— Н-не знаю, не знаю... Собственно, я здесь для того, чтобы все узнать. В нашем народе ходят кое-какие слухи...

— Какие?

— Не буду их повторять. Нужно точно проверить.

— Чем я могу вам помочь? — спросил я, взяв его за руку.

Мысль об античеловеческом характере работы института Грабера приходила мне в голову очень часто, но я гнал ее от себя, не веря, что в наше время наука может заниматься чем-то мерзким и преступным. Теперь, когда эту мысль Фернан выразил четко и ясно, я вдруг понял, что обязательно стану его помощником, если не хочу стать соучастником преступления.

— Чем я могу быть для вас полезным? — снова спросил я.

— Хорошо, слушайте, — прошептал он. — Скоро для инспектирования института Грабера придет группа военных. Кроме военных, там будут представители двух исследовательских фирм: американской «Уэстерн биокемикал сервис» и немецкой «Хемише Централь». Собственно, это одна и та же фирма. Свою деятельность у нас они начали с того, что стали ввозить мыло и леденцы. И то и другое появлялось в одной и той же упаковке, но с надписями то на английском, то на немецком языках. Так вот, представители этих двух фирм придут осматривать и одновременно показывать генералам свое, так сказать, африканское хозяйство, знакомиться с успехами и достижениями доктора Грабера. Нужно попасть на испытания.

— Какие испытания?

— Грабер будет демонстрировать результаты своей работы.

— Где?

— Наверное, в парке, за стеной.

— Так что же нужно сделать?

— Нужно, чтобы на испытания попали вы.

— Я?? Вы смеетесь! Они меня из этого барака выпустят три раза в день на прогулку: пятьдесят шагов вправо от двери и пятьдесят влево. Вы же знаете, что территория просматривается часовыми.

— Да, — он тяжело вздохнул, — я знаю. И тем не менее это нужно сделать.

Я вспомнил о своем путешествии под землей в оазис алых пальм, и у меня шевельнулась смутная надежда.

— Ну, допустим, я что-нибудь придумаю. Может быть, свершится чудо, и мне удастся попасть на эти испытания, хотя я даже не знаю, где они будут. Ну, а вы? Ведь вам нужно скрыться. Вам нужно бежать. Если приедут представители фирмы и увидят, что вы не Фернан...

Он медленно покачал головой.

— Я не могу бежать. Я должен не попадаться им на глаза. Даже если меня и потребуют, хотя я надеюсь, что во мне никакой нужды не будет.

Мы долго молчали. Затем я спросил:

— Вы, кажется, довольно свободно перемещаетесь по территории?

— Да. Относительно.

— Куда вам разрешается ходить?

— Всюду, за исключением резиденции Грабера и этого странного парка за стеной.

— Вы имеете в виду оазис алых пальм?

— Алых? Почему алых? Эти пальмы грязно-песочного цвета.

Я засмеялся.

— Это я придумал название. В день моего приезда

они были окрашены лучами заходящего солнца в ярко-красный цвет.

— За ограду я доступа не имею, хотя моя лаборатория примыкает к стене, за которой находится оазис.

Я удивился. Неужели Пуассон не имел прямого доступа в оранжерею, в которой я побывал? Впрочем...

— Слушайте, — сказал я. — Есть план. Вы можете попасть в сад. Но учтите, постройка за стеной обитаема, и я не знаю, кто там живет. За время, оставшееся до приезда военных, вы должны хорошенько все разведать. Если вам удастся выяснить, где будут демонстрироваться достижения Грабера, я попытаюсь что-нибудь сделать.

— А как я смогу попасть в оазис?

Я выключил рентгеновский аппарат, и мы вышли в лабораторию.

— Кстати, как ваше настоящее имя? — спросил я.

— Называйте меня пока Фернаном, — ответил он, улыбаясь.

Я устыдился своей наивности.

Мы подошли к висевшему на стене ящику, на крышке которого был изображен череп и две кости, перечеркнутые красной молнией.

— У вас в лаборатории это есть? — спросил я.

Он кивнул головой.

Я подошел к спектрографу, вытащил из-под рельса ключ, открыл ящик. Фернан заглянул внутрь и легонько свистнул.

— Ясно? — спросил я.

Он кивнул головой.

— Только учтите вот что.

Я запер дверь, подвел его к стене и поднял край линолеума. И показал ему металлические контакты.

— Это я знаю, — прошептал он. — Это во всех помещениях, где работают иностранцы.

— Но ведь Пуассон...

— Когда Пуассон бежал, он где-то повредил сигнализацию. С моим приездом ее решили не восстанавливать.

— Откуда вы все это знаете? — удивился я.

— У нас здесь есть еще один друг...

— Кто?

— После. А сейчас дайте мне ключ.

Я передал ему ключ, и он крепко пожал мою руку.

— Итак, если вы хотите, чтобы я вам помог, узнайте обо всем как можно больше. Окончательный план действий мы разработаем накануне испытаний.

— До свидания.

— До свидания, господин Фернан.

Через день после моего разговора с Фернаном мне перестали приносить пищу. Ни утром, ни днем, ни вечером не появился араб с термосами, и я, совершенно изголодавшийся, позвонил фрау Айнциг. Ответа долго не было, а когда она взяла трубку, то заговорила со мной резким раздражительным тоном. Она опередила мой вопрос.

— Не умрете, Мюрдаль! Мы все в таком положении. Мне есть хочется не меньше, чем вам. Ждите.

Вместо ужина я вышел на свою «прогулку», раздумывая над тем, почему вдруг институт Грабера оказался без еды. Я хотел было войти в барак Шварца, чтобы поговорить с доктором о таком неожиданном повороте дел, как вдруг дверь открылась и из дома выбежал Джованни Сакко, итальянец-синтетик.

— Синьор! — окликнул я его. — Вы тоже голодаете?

Сакко оглянулся по сторонам и сделал мне едва заметный знак подойти поближе.

— Голод это еще полбеды. Скоро нам придется умирать от жажды...

— Почему? Разве перестали возить воду?

Он криво улыбнулся.

— В том-то и дело, что нет. С водой все в порядке. Но только пить ее...

— Что?

Джованни пожал плечами. Затем он заговорил быстро-быстро, путая французские и итальянские слова.

— Все дело в воде... Мне так кажется... Эти арабы давно ее не пьют... Иначе зачем бы они отсюда бежали... А теперь здесь нет ни одного туземца... Все проклинают воду... Все дело в ней...

Я в недоумении смотрел на итальянца. Вдруг его лицо перекосилось, и он, круто повернувшись, скрылся за дверью. Я повернулся на звук шагов. Ко мне шел доктор Шварц.

— Разве вам не сообщили, что прогулки отменены? — бросил он мне.

— Нет. А почему?

— Не задавайте вопросов и марш к себе, — командовал он.

Я возмущился.

— Послушайте, доктор! Я, кажется, не ваш соотечественник и не солдат, и вы не имеете права отдавать мне приказания.

Шварц презрительно улыбнулся.

— У меня, к сожалению, нет времени сейчас объяснять вам, каким правом вы пользуетесь. Делайте то, что вам приказано. Пока что мы здесь командуем.

На слове «мы» он сделал выразительное ударение.

— Надолго ли? — не выдержав, съязвил я.

— Об этом как-нибудь в другой раз. Марш в свой барак.

В лаборатории я много думал о том, что мне успел сказать Джованни. Часов в десять вечера открылась дверь, и в ней появился Фернан, улыбающийся, с большим пакетом в руках.

— Еще живы? — спросил он весело и подмигнул мне.

— Еле-еле. Съел последнюю корку хлеба.

— Вот, насыщайтесь. Мне поручили принести вам сухой паек. Горячая пища будет не скоро.

Он положил сверток на стол, а сам зашагал по лаборатории, тихонько насвистывая популярную песенку.

Я с жадностью накинулся на сухие галеты и копченую колбасу. Проглотив несколько кусков, я спросил:

— Чему вы так радуетесь?

— Как чему? Тому, что началось!

— Что началось?

— То, что рано или поздно должно было начаться. Рабочие Грабера разбежались. Нет ни поваров, ни прислуги, ни носильщиков, ни истопников. Ушли все шоферы, кроме немца-водовоза. Хозяйству профессора местные жители объявили бойкот. Началась забастовка!

— С чего это вдруг?

Фернан подошел ко мне совсем близко и, сощутив глаза, сказал:

— Шварц уверял меня, что все дело в суеверии. Но я знаю, что это не так.

Я перестал жевать и уставился на него. Он присел на краешек стула и закурил.

— Говорят, среди местных арабов разнесся слух, что живущие за этой стеной европейцы ниспосланы на землю самим дьяволом! Жить и работать вместе с белыми людьми за стеной все равно, что поносить аллаха. Вот они и ушли.

— Это вам рассказал Шварц?

Фернан кивнул головой.

— Врет. Не верьте ни единому слову.

— А я и не верю.

— Между прочим, только что итальянец Сакко из барака доктора Шварца намекнул мне что-то насчет воды. Знаете, был такой случай. Когда я ехал сюда через пустыню, я предложил своему шоферу стакан воды. Он отказался, да еще с таким темпераментом!

Фернан задумался.

— Вода или не вода, а здесь что-то неладное. Все выяснится тогда, когда вы побываете на испытаниях.

— Вы не отказались от этой идеи?

— Наоборот. Я пришел к вам, чтобы уточнить наш план. Давайте думать, как вам пробраться на испытания.

Я улыбнулся. Этот человек говорил со мной так, как будто находился в этом институте по крайней мере столько же времени, сколько и я. А ведь он жил здесь всего несколько дней!

— Я вас слушаю.

— Так вот, я вчера днем побывал в вашем оазисе алых пальм. Вы знаете, что это такое?

Я кивнул головой.

— Вы там тоже были?

— Был.

— Прекрасно. Тогда вам легче будет объяснить. Вход в оазис лежит через кухню...

— Какую кухню?

— Ту, посреди которой стоит печь, огромная печь, — удивленно пояснил Фернан.

— А почему вы думаете, что это кухня?

— Потому что я сам видел, как какой-то неуклюжий, широкоплечий верзила варил в котлах еду и затем увозил котлы за изгородь справа. Это шагов пятьдесят от кухни.

— А я кухню принял за оранжерею! — признался я смущенно.

— Она немного напоминает оранжерею. Там действительно расставлены кадки и горшки с окаменевшими растениями, но основное назначение этого помещения — кухня.

— И вы видели, как там варится и жарится пища? — засмеялся я.

— Представьте себе, да. Повар, или, как его, какое-то неуклюжее глухое и немое существо. Мне было не очень трудно, приоткрыв дверь трансформаторного ящика, следить, как и что он делает. Я видел, как он готовил мясное блюдо. Он рубил кривым стальным палашом тушу не то свиньи, не то барана, вымоченного в чане с густой черной жидкостью. Когда его варево закипело, помещение наполнилось таким смрадом, что мне пришлось закрыть дверь и спуститься на несколько ступеней вниз...

Мы замолчали. Фернан прочитал в моих глазах вопрос и ответил на него легким пожатием плеч. Действительно, разве можно было сказать, для кого готовилась еда?

— Когда повар, нагруженный котлами, покинул помещение, я вышел из своего укрытия. Теперь мне ясно, как проникнуть на испытательный полигон, туда, где находятся главные объекты опытов Грабера.

— Как?

— Шагах в тридцати от ворот растет пальма, прямо у стены. Ее крона поднимается высоко над проволочными заграждениями, а ветки простираются на запретную территорию. Нужно влезть на эту пальму и спрыгнуть вниз...

— Ограда имеет высоту около семи метров. Крона достигает высоты около десяти метров. Не кажется ли

вам такой метод проникновения несколько рискованным?

Фернан улыбнулся.

— Нет, не кажется, если учесть, что песок здесь глубокий и мягкий. Нужно только суметь спружинить ногами и сразу упасть на бок. Вы когда-нибудь прыгали с парашютом?

Я покачал головой.

— Нет. Но это неважно. Я сделаю так, как вы предлагаете.

— Другого пути нет.

— Значит, будем действовать по-вашему.

— Теперь самое главное. Я уверен, что в день приезда военных вас никто тревожить не будет. Не думаю, чтобы эти солдафоны интересовались, как вы выполняете свои спектральные и рентгеновские анализы. Их, конечно, будет интересовать главный результат исследований Грабера.

— Какой?

— Не знаю. Это вы должны увидеть собственными глазами. Так вот, в день приезда начальника Грабера вы должны сидеть возле окна и смотреть в сторону моей лаборатории.

Фернан взял меня за руку и подвел к окну.

— Там, на самом крайнем окне, я поставлю тигель и зажгу в нем кусок бумаги. Как только вы увидите пламя, спускайтесь в ящик и что есть мочи ползите по трубе к алым пальмам. Я вас встречу в тамбуре под кухней.

Я спросил:

— А откуда вам будет известно, что мне пора?

— Из моей лаборатории лучше видно, что будет делать Грабер. Я буду знать, когда он начнет приготовления на испытательном участке для приема высоких гостей.

На другой день рано утром мне позвонила Айнциг.

— Прошу вас, Мюрдаль, сегодня никого звонками не тревожить.

— Почему? — удивленно спросил я. — Разве сегодня воскресенье?

— Не задавайте глупых вопросов. Таково распоряжение.

Она повесила трубку.

Значит, время действовать наступило. Только бы не проглядеть сигнала.

Около десяти часов я увидел в окне Фернана ярко-оранжевое пламя. Оно появилось на несколько секунд и тут же исчезло. Я решительно пересек комнату. Возле бетонной тумбы спектрографа я поднял линолеум и положил под него кусок жести. После этого я лег плашмя на пол и стал ждать. Это продолжалось минут пять. Звонка не было. Значит, сигнализация замкнута надежно.

Как и прежде, я подполз к металлическому ящику с изображением черепа и влез в подземелье. На этот раз я проделал весь путь до оазиса значительно быстрее, чем раньше. Теперь я хорошо знал, как нужно ползти, чтобы одежда не цеплялась за кабельные крючки. Я дышал глубоко и ритмично. Вскоре впереди заблестел огонек. В конце пути меня ждал Фернан.

— Поднимайтесь. Здесь можно встать на ноги, — тихо сказал он.

Он помог мне, и мы несколько секунд молчали.

— Пока все идет хорошо, — прошептал он. — Минут десять назад вся компания во главе с доктором Грабером отправилась на испытательный участок. В оранжевое никого нет. Так что идите туда. Когда вы окажетесь в саду, старайтесь идти за первым рядом грядок. Там растут какие-то кустарники, и в случае необходимости

за ними можно будет спрятаться. Ну, а что касается ваших действий на испытательном участке, то это зависит от вас. Что и как там расположено, я не знаю...

— Хорошо. Что я должен делать?

— Смотреть. Только смотреть. Если вам все станет ясно, ищите путь к отступлению.

Он крепко пожал мне руку и легонько толкнул в плечо.

— Пора, — сказал он. — Плохо, что смотр они затеяли днем.

— Да. Ночью было бы проще.

— Кстати, имейте в виду, что сегодня должно произойти еще одно важное событие. Оно вам на пользу...

— Событие? Какое?

— Об этом потом. Итак, вперед.

Фернан осветил крутую лестницу в оранжерею, а когда я приоткрыл дверь, он выключил свет и, пригнувшись, скользнул в углубление справа.

В оранжерее я несколько минут стоял ослепленный. Затем, когда глаза привыкли к яркому свету, я увидел, что на стволах, и вдоль окон, и рядом с огромной печкой стояли кадки с растениями, листья которых имели бледно-желтый цвет. По форме листьев я сразу узнал лимоны, банановую пальму, кусты помидоров. Плоды имели грязно-серый оттенок. Солнце стояло высоко, и эта фантастическая оранжерея была залита пыльным светом. В дальнем углу находились баки с отвратительной бурой жидкостью. Песок в кадках был влажным, по краям виднелись пятна какого-то белого налета. Очевидно, растения поливали не обычной водой, а каким-то раствором.

Я вышел в сад и перебежал за первый ряд прямоугольных «могил».

Оазис был огорожен, как и вся территория институ-

та, высокой глиняной стеной. Справа от кухни стена была много выше, и в углу, где она упиралась в западную ограду, виднелись небольшие ворота.

Я направился к этим воротам, временами оглядываясь по сторонам. Кругом царило безмолвие, такое, какого никогда не бывает в настоящем саду с зелеными растениями и деревьями. Солнце пекло беспощадно.

Обходя одну из песчаных «могил», усаженных бледно-желтыми кустами, я заметил, что над грядками торчат металлические трубы, изъеденные ржавчиной. Видимо, с их помощью поливали всю эту странную растительность.

Чем?

Я просунул палец в трубу, извлек каплю мутной жидкости и осторожно попробовал на язык. Рот обожгло чем-то горьким и жгучим.

«Щелочь! Концентрированная щелочь! Наверное, едкий калий», — подумал я, сплевывая горько-соленую слюну.

Я уже приготовился перебежать следующий промежуток между грядками, когда из-за ворот послышались голоса. Кто-то громко разговаривал, и разговор иногда прерывался взрывами смеха. Я устремился к пальме у стены и спрятался за ее ствол. Через минуту калитка открылась, и в сад вошли семь человек.

Во главе компании выступал небольшого роста мужчина с непокрытой головой, в белых брюках и легкой рубашке с широко распахнутым воротом. Рядом с ним шагал высокий человек в офицерской форме, в котором я сразу узнал доктора Шварца. Затем я увидел женщину в очках, в широкополой шляпе и еще четверых: двое из них были в американской военной форме и двое в штатском.

Мужчина с непокрытой головой был, несомненно,

доктор Грабер. Я об этом сразу догадался. Он уверенно шагал между грядок и по-английски давал объяснения своим спутникам.

— Вот этим мы их и кормим. Ситуация получается сложная. Оказывается, мало переделать их. Нужно переделать всю природу: растения, животных, все! Для их питания! Диета должна соответствовать новой биохимической организации.

Один из офицеров нагнулся над грядкой, сорвал огурец и попытался откусить.

— Черт возьми, ведь он горький! И твердый, как подметка! — закричал он, отплевываясь.

Снова взрыв смеха.

— Конечно. Но это как раз то, что им нужно. Если их посадить на обычную диету, их сразу придется отправлять в музей.

— И долго вам пришлось разводить это хозяйство? — спросил американский полковник.

— Да. Почти пять лет. К моему удивлению, после введения катализатора в корневую систему, пальмы превратились в кремнийорганические всего за два года. Нам пришлось повозиться с их подкормкой. Теперь они дают очень хорошие кокосовые орехи и бананы. Мы сервируем их на десерт.

Все опять засмеялись.

— Вот там помещается кухня. Одного из них мы сделали поваром, и он справляется со своей задачей блестяще. По совместительству он исполняет обязанности еще и садовника и огородника.

— Они что же — все вегетарианцы? Или вы иногда кормите их и каменным мясом, или как оно там, по-вашему, называется?..

— Да, они получают силикатные белки. Для этого мы держим кроликов, овец, кое-какую птицу... Правда,

с этим материалом возни очень много. Каждую особь приходится переделывать отдельно... Если мне удастся решить проблему кремнийнуклеиновых кислот...

— Ну что ж, ясно, господин Грабер, — сказал американский полковник. — Пойдемте обратно. Там, видимо, все уже готово. Значит, решение проблемы наследственности упирается в кремнийнуклеиновые кислоты, которые пока что не получают, так?

Все скрылись за стеной, и я не расслышал продолжения разговора. Я был основательно встревожен, но еще не очень хорошо себе представлял, что меня встревожило.

Когда голоса стихли, я обхватил ствол пальмы руками и стал медленно карабкаться вверх. Дерево было покрыто толстым слоем каменистой коры, о которую было легко опираться ногами. С каждой секундой я поднимался все выше и выше, пока не оказался на уровне стены. По стене проходили два ряда колючей проволоки. Наконец я добрался до кроны. Жесткие листья царапали лицо.

За стеной стояли два строения, похожие не то на гаражи, не то на ангары. В большой ангар вошли все, кроме Грабера. Он повернул назад и скрылся в малом ангаре. Вскоре оттуда медленной, грузной походкой потянулись какие-то люди. Они шли гуськом, друг за другом, едва передвигая ноги. У них был очень странный вид. Их плечи были непомерно широкими, шли они с низко опущенными головами. Создавалось такое впечатление, будто эти люди высечены из тяжелого камня. Сбоку шеренги шагал Грабер с длинной тростью и попеременно тыкал ею то в одного, то в другого. Иногда он выкрикивал какие-то гортанные слова, но странные люди не обращали на него внимания. Они шли и шли, скрываясь за широкой дверью большого ангара. Их бы-

ло человек пятнадцать, все в светлых штанах, без рубах, оголенные до пояса.

Увидев это шествие, я вдруг все понял. У меня дыхание захватило от ярости. Забыв об опасности, по жесткой, как металл, пальмовой ветке я прополз над стеной и спрыгнул вниз на глубокий мягкий песок.

Несколько секунд я лежал неподвижно, затем ползком пробрался к входу в большой ангар. Помещение было освещено только небольшими окнами под самой крышей, и после яркого солнечного света я в первую минуту ничего не видел. Были слышны гулкие голоса, затем я разглядел кучу каких-то ящиков и спрятался за ними.

— Первое испытание не такое уж и показательное, — громко говорил Грабер. — Прошу вас, мистер Улбри, возьмите этот металлический прут и изо всех сил бейте любого из них.

Станные люди стояли в одну шеренгу перед небольшим бассейном посредине ангара. Их лица были бесцветны, бессмысленны. Это были не люди, а грузные мумии, созданные бесчеловечным гением доктора Грабера. Но я еще не понимал, для чего был поставлен этот чудовищный по жестокости эксперимент.

— Прямо так и бить? — удивился Улбри, взвешивая в руке тяжелую металлическую палку.

— Конечно. Представьте себе, что перед вами обыкновенное деревянное бревно. Давайте, я вам покажу.

Грабер взял у мистера Улбри прут, подошел к шеренге, замахнулся и ударил одного из людей по плечу. До боли в глазах я сжал веки. Послышался сухой стук, как будто бы удар пришелся не по человеческому телу, а по чему-то очень тяжелому...

— Теперь дайте попробую я.

Послышалось несколько ударов. Я приоткрыл глаза

и увидел, как гости по очереди брали железный прут и били по неподвижно стоявшим людям-статуям.

— А вот этот застонал! — воскликнул один штатский.

— У него еще не полностью произошло замещение углерода на кремний, — объяснил Грабер. — Через неделю он будет, как все.

Когда избивание окончилось и гости вволю наговорились, выражая свое восхищение достижениями доктора Грабера, началась вторая серия испытаний.

— Физиологические процессы в их организме крайне замедленны, — объяснял Грабер. — Для них нормальная температура окружающей среды — это что-нибудь около шестидесяти градусов выше нуля. Если температура ниже, им холодно. Жару они начинают чувствовать при трехстах пятидесяти градусах. Здесь у нас бассейн с нагретым раствором едкого калия. Какая сейчас температура, фрау Айнциг?

— Двести семнадцать градусов, — ответила женщина в шляпе.

«Так вот она, фрау Айнциг», — подумал я.

— Во время действительных военных операций с применением радиоактивного оружия это незаменимые солдаты, — продолжал комментировать доктор Грабер. — Мы проверили их на выносливость в поле мощного радиоактивного излучения и обнаружили, что они совершенно не чувствительны к дозе облучения свыше тысячи рентген в час. Представляете, что это значит! После атомной бомбардировки кто-то должен занимать территорию противника. Иначе война лишена всякого смысла. Вот они-то, пулеустойчивые, не боящиеся высоких температур и высокого уровня радиации, и будут идеальными солдатами для заключительной фазы боевых действий.

Один американец многозначительно присвистнул, вытащил записную книжку и что-то торопливо в ней нацарапал.

Грабер зашел за спину одного из людей и стал тыкать ему между лопаток своей палицей.

— А чем вы их шевелите? — спросил немецкий генерал.

— Электрический разряд высокого напряжения. Ток при напряжении более семисот вольт им не нравится. Здесь у меня в кармане батарейка и небольшой трансформатор.

Человек, которого он подгонял, медленно подошел к дымящемуся бассейну и грузно прыгнул в жидкость. Вслед за этим послышалось отвратительное, нечленораздельное уханье. В жидкости он делал неуклюжие движения, как толстые люди, не умеющие плавать.

— Купаться в этом бассейне им очень нравится, — пояснил Грабер. — Сейчас мы загоним их всех в «воду», кроме этого. Он еще не совсем отвердел.

Один за другим в бассейн прыгнули все. Ангар наполнился гулом нечеловеческих голосов. Густая раскаленная жидкость пенилась, и в ней неуклюже ныряли и плавали кремниевые существа.

— Им так понравилось, что вы их ничем отсюда не выгоните!

— Это делается очень просто. Сейчас мы наполним бассейн холодным раствором, и они вылезут сами. Фрау Айнциг, откройте кран.

Через минуту, тяжело переваливаясь через край бассейна, каменные люди начали выползать из охлажденной жижи. От их тел поднимался едкий пар. Кто-то из присутствующих закашлялся. Американец попятился в сторону и перешел на противоположную сторону бассейна.

Мне казалось, что кремниевые существа совершенно безразличны к тому, что над ними проделывают их мучители. Но вот в ангар втащили ручной пулемет, установили его прямо против шеренги кремниевых людей. И безразличия как не бывало: едва появился пулемет, как строй зашевелился, распался, некоторые стали медленно пятиться назад, послышалось глухое мычание...

— Они боятся! — воскликнул Улбри.

— Да. Это больно. Но, конечно, терпимо. Вот. Теперь можно начинать.

Я почти совсем высунулся из своего укрытия и широко раскрытыми глазами смотрел на страшный расстрел. Вначале Шварц сделал несколько одиночных выстрелов. Те, кто стоял у стены, резко вздрагивали... Один из них поднял руку и прикрыл свою грудь. Другой сделал несколько шагов в сторону.

— Теперь дайте очередь, — скомандовал Грабер.

Шварц нажал на курок. Дробно прогрохотали выстрелы. Люди у стены встrepенулись и застонали. Я зажмурил глаза. В это время послышался членораздельный голос. Кто-то в шеренге медленно, словно с огромным усилием, произнес по-немецки:

— Проклятые...

Стрельба прекратилась. И тогда голос стал еще более явственным:

— Проклятые звери... Изверги... Будьте вы прокляты...

— Это кто? — громко спросил немецкий генерал.

— Это новенький экземпляр, — объявил Грабер. — Один наш бывший биолог, Пуассон. Помните, я вам докладывал. Он пытался бежать.

Пуассон! Пуассон! Вот что они теперь с ним сделали.

— Будьте вы прокляты... — простонал Пуассон.

К нему подошел генерал и изо всех сил ударил по его лицу железной палкой.

— Будьте вы прокляты...

От ярости я заскрежетал зубами. Это было страшно. Немецкий генерал избивал изуродованного Пуассона. А тот с нечеловеческим упорством продолжал повторять слова проклятья.

В это время послышался громкий хохот Грабера.

— Вот видите! Вы его лупите, а ему все нипочем! Каков, а? Ведь такие устоят против чего угодно!

— А ну-ка, поставьте его к стенке, — скомандовал, озверев, немец. — Дайте по нему хорошую очередь, чтобы знал!

— Не стоит. Он еще не полностью отвердел. Его тело еще недостаточно плотное.

— Черт с ним. Ставьте, — приказал генерал, вытирая платком потное лицо.

— Будьте вы прокляты... — стонал Пуассон.

— К стенке! Нечего церемониться!

— Может быть, не стоит, господин генерал, — заметил американский полковник.

— К стенке!

— Через неделю он будет, как и все, — пояснял Грабер.

— Будьте вы прокляты...

— К стенке! — настаивал немец.

Грабер с сожалением пожал плечами и, подойдя к Пуассону, стал подталкивать его прутом. Тот медленно пошел к стенке. Я заметил, что в его осанке еще осталось что-то человеческое, живое. Он шел, подняв тяжелую голову так высоко, как мог, а его неподвижные глаза горели ненавистью.

От ярости и возмущения у меня потемнело в глазах, тело покрылось холодным потом, сердце, как тяжелый

молот, колотилось в груди. Сам того не замечая, сжав кулаки, я выступил из укрытия.

— Огоны! — крикнул немецкий генерал доктору Шварцу...

— Будьте вы прокляты... — простонал Пуассон.

Я сорвался со своего места и бросился на Шварца. Дальше я не помню, что было. Послышались выстрелы. Ко мне подбежали, ударили по голове.

8. НЕУДАВШЕЕСЯ ВОССТАНИЕ

Я очнулся от острой боли в правой руке. Открыв отяжелевшие веки, я увидел прямо перед собой чьи-то пальцы, державшие огромный шприц, который медленно наполнялся кровью. Вторая рука сжимала мой локоть. Я поднял голову и увидел, что на краю кровати сидит фрау Айнциг.

Заметив, что я очнулся, она резко проговорила:

— Не шевелитесь, Мюрдаль, не то сломается игла.

— Игла? — ничего не соображая, спросил я.

— Да, игла. Видите, я беру из вены кровь.

Я уставился на цилиндрический сосуд в ее руках. Айнциг ловко выдернула иглу из вены и положила на ранку кусок ваты, смоченной йодом.

— Теперь сожмите руку в локте, плотнее.

Она поднесла шприц к глазам. Я следил за ее движениями и постепенно в памяти начали восстанавливаться картины недавно пережитого кошмара.

— Что вы хотите со мной делать? — спросил я.

— Ничего особенного. Беру вашу кровь на исследование.

— Для чего?

Она повернула ко мне свое тонкое, бескровное, заостренное лицо и ответила с усмешкой:

— Чтобы знать, с чего начинать.

Комната, где я лежал, небольшая, светлая, со стенами, выложенными белым кафелем, напоминала операционную. Сквозь широкое окно виднелось голубое небо и справа — край серой бетонной стены. Айнциг подошла к окну и уселась за небольшой столик со стеклянной крышкой, на котором стояли пузырьки с растворами, пробирки в штативах, никелированные коробки с инструментами. Мою кровь она разлила по нескольким пробиркам, а оставшуюся часть выплеснула в стеклянную кювету. В нее она опустила два электрода, от которых провода тянулись к черному эбонитовому ящику.

— Вы измеряете концентрацию водородных ионов? — спросил я.

— Вы догадливы! — едко ответила она. — Хотя я терпеть не могу возиться с поганой кровью разных французов и арабов.

Я тихонько засмеялся.

— Вам больше нравилось бы возиться с кровью соотечественников?

Фрау Айнциг вскочила со своего места и, нагнувшись надо мной, зашипела:

— Только французы, арабы, негры, русские и прочие... красные подходят для наших экспериментов! Бесхребетные хлюпки!.. Вот и ваш Пуассон не выдержал из-за этого окаменевшего черномазого кретина — все вы одним миром мазаны.

Я не понимал, чего здесь было больше — фанатизма или патологической жестокости. Передо мной стояла женщина-зверь, участница самого подлого и грязного из всех возможных преступлений.

— Когда-нибудь, фрау Айнциг, вам будет плохо, ох, и плохо... — простонал я и отвернулся к стенке.

Мне вдруг стало противно смотреть на эту гадину

с завитыми бесцветными волосами, с тощей плоской фигурой, с остроносой маской вместо лица.

Айнциг хихикнула и вышла из комнаты. Я слышал, как она покатила впереди себя столик со склянками и инструментами.

Через некоторое время я встал с кровати и подошел к окну. Это был последний этаж здания, которое я раньше называл «резиденцией Грабера». Справа возвышалась водокачка, а прямо виднелась ограда, за которой стояли два ангара, малый и большой. Там Грабер демонстрировал своих каменных чудовищ.

Голова еще сильно болела от удара, и я вернулся на свою койку. Нужно было о многом подумать. Нужно было решить, что делать дальше. Нужно было, наконец, подготовиться к неизбежной участи.

Смысл работы института Грабера стал предельно ясным. Я вспомнил, как однажды сказал Пуассон: «Мне кажется, Грабер хочет проделать в биологии какую-то шутку...» В биологии? Нет. В самой жизни Грабер создает совершенно новый органический мир, животный и растительный, в котором роль углерода выполняет кремний. Он научился создавать кремнийорганические растения. Он создает кремнийорганических животных. Он добрался и до человека. Ему удалось создать каменных уродов, которые по его замыслу должны стать идеальными солдатами для будущей войны.

Так вот зачем лаборатория создана в пустыне! Здесь море песка, необъятные океаны окиси кремния, аналога окиси углерода. Как углекислый газ необходим для питания травы, цветов, деревьев, так окись кремния необходима для питания кремниевых растений. Каменные растения нужны для питания каменных животных. Животные и растения вместе служат пищей для каменных роботов...

Здесь, в пустыне, вдали и втайне от людей создавался безмолвный каменный мир.

Трудно было представить более страшное и более преступное применение научного открытия. Но еще труднее было себе представить, как против всего этого бороться.

Почему найденная мною крыса окаменела? Она была мертва, где-то в процессе эксперимента была допущена ошибка. Что значат слова Айнциг о том, что Пуассону стало жаль «окаменевшего черномазого»? Не окаменел ли один из подопытных людей Грабера? Не превратился ли он в твердую, как гранит, статую?

Вспоминая дикую демонстрацию в ангаре, я вдруг подумал, что меня ждет такая же участь, как и Пуассона, как и всех других. От этой мысли мне стало жутко. Как он это делает? Зачем фрау Айнциг взяла на исследование мою кровь? С чего все начинается?

Я беспокойно ворочался с боку на бок, с ужасом думая о том, что меня ждет, пока не услышал, как в двери щелкнул ключ. Я вскочил на ноги в тот момент, когда дверь отворилась и на пороге появился сам доктор Грабер.

Он широко улыбнулся, подошел к окну, взял табуретку и уселся напротив меня.

Я думал, что именно сейчас все и начнется. Я превратился в комок до предела напряженных мускулов.

— Не бойтесь. Ваше время еще не пришло, Мюрдаль, — сказал Грабер.

— Я вас не боюсь. Я вас ненавижу, — прохрипел я.

— Это не имеет никакого значения, мой дорогой коллега. Когда вы будете, как все, у вас появятся совсем другие чувства.

Он расхохотался. Я встал.

— Не делайте глупостей, Мюрдаль. Вы же знаете, что я с вами легко справлюсь. Лучше сядьте и давайте поговорим, как ученый с ученым. Признаться, большинство тех, кто у меня работает, не такие уж умные люди, как кажется. Например, ваш руководитель, доктор Шварц, типичный представитель догматической школы. У вас, должно быть, ум более живой.

— С чего это вы вдруг решили говорить мне комплименты? — спросил я.

— Я это говорю потому, что вы действительно любознательный человек. С риском для жизни вы пробрались в самую сокровенную часть моего хозяйства. Вы проделали долгий и утомительный путь. Вы не побоялись проникнуть в испытательный павильон. И все ради чего? Ради удовлетворения своей любознательности, не правда ли?

Я молча смотрел на Грабера, усиленно соображая, к чему он все это клонит.

— Вы напоминаете мне мою молодость. Когда я серьезно задумался над проблемой создания кремний-органического мира, мне понадобились точные сведения о химическом составе крови различных животных. К своему удивлению, я мало что нашел в книгах. А то, что я находил, для меня не представляло никакого интереса. И тогда я начал делать анализы сам. Если бы вы знали, сколько кошек, собак, кроликов, свиней, баранов и других домашних животных я истребил! Мне нужно было точно знать, каков химический состав крови у этих животных во время сна, в то время, когда их бьют, когда их ласкают, когда их злят... Но вот с домашними животными было покончено. Казалось бы, все. Так нет. Я принялся за диких зверей! Ведь в моем искусственном мире должно быть все! Но где взять диких зверей? Как с ними обращаться? И знаете, я отправился в зоологи-

ческий парк. Я рисковал жизнью. Ночью я проникал в парк и, вооружившись флаконом сильного снотворного и шприцем, залезал в клетки хищников — ко львам, тиграм, пантерам. Я набрасывал на их морды тряпку, смоченную снотворным, и, когда они засыпали, всаживал иглу в их тела и высасывал из них нужное мне количество крови. После я бежал в лабораторию и проводил анализ. И так почти год, до тех пор, пока меня чуть было не раздавила своей лапой слониха, когда я брал кровь у ее спящего детеныша!

Грабер захохотал. Его лицо было розовым, лоснящимся, губы кроваво-красными.

— И все из-за любознательности. Да. Только она одна движет науку и прогресс человечества вперед.

— Прогресс? У вас патологическое представление о прогрессе человечества. Ваши каменные солдаты — тоже прогресс?

— Конечно, Мюрдаль, конечно! — воскликнул он. — Раса каменных людей будет очень полезной. Они будут более полезными, чем, скажем, лошади, или верблюды, или слоны. Как-никак, а это мыслящие существа.

— Мыслящие?

— Конечно. Мыслящие и покорные. У них отлично развито чувство страха. А это главное.

→ А чего они боятся? Ударов? Огня? Пуль?

— Нет. Ничего такого они не боятся. Это как раз то чудесное их качество, которым мы должны воспользоваться. Но, обладая инстинктом самосохранения, они очень боятся того, что может их умертвить.

— Что же их может умертвить? — спросил я.

Грабер посмотрел на меня насмешливо.

— Вы очень, повторяю, очень любознательны. Но я не боюсь открыть вам секрет. Их может умертвить вода.

— Вода?

— Именно. Как и всякий живой организм, они потребляют воду.

— Ну и что же?

— Так вот, они должны пить не обычную воду. Как вам из химии известно, большинство соединений кремния в жидком виде может существовать только в сильно щелочных средах. Мои солдаты также могут жить только до тех пор, пока в их организме господствует щелочная среда. Они пьют воду, насыщенную едким калием.

— Ах, вот оно что! — воскликнул я. — Именно поэтому в ваших анализах потенциометрия занимает такое важное место!

— Совершенно верно, Мюрдаль, совершенно верно. И щелочность воды должна оставаться строго определенной. От... Впрочем, вам это знать не обязательно.

— Так почему же ваши, как вы их называете, солдаты боятся воды?

— А потому, мой дорогой, что если им дать не щелочную, а обыкновенную воду, они... превращаются в каменных истуканов.

— И вы их держите в постоянном страхе?

— Это могучее средство, при помощи которого ими можно повелевать. Но вернемся к вашему любознательному уму, Мюрдаль. Как вы думаете, можно ли создать кремнийорганический аналог рибонуклеиновой и дезоксирибонуклеиновой кислот?

Я вспомнил, как итальянец Джованни в лаборатории Шварца безуспешно пытался синтезировать эти кислоты с кремнием вместо углерода.

Я недоуменно пожал плечами и с любопытством взглянул на Грабера. Он встал и несколько раз прошелся по комнате.

— Ах, если бы это удалось. Если бы живая клетка вся, до конца могла стать кремнийорганической!

— Разве у ваших жертв она не полностью кремнийорганическая?

— Полностью, за исключением ядра. Понимаете, ядра! В этом вся трагедия...

— Трагедия?

— Да. Из-за этого мои кремнийорганические организмы не могут размножаться. Для того чтобы их создавать, нужно брать уже готовый материал, нужно брать готовые углеродистые организмы...

До меня сначала не дошел кошмарный смысл идеи Грабера. Помолчав немного, он продолжал:

— Понимаете, если бы были созданы кремнийорганические аналоги нуклеиновых кислот, то ядро новой клетки обрело бы возможность размножаться. И тогда не нужно было бы заниматься перестройкой каждого индивидуума в отдельности. Достаточно было бы создать несколько разнополюх экземпляров, и они давали бы кремнийорганическое потомство. Тогда все решалось бы предельно просто. Кремнийорганические семена растений прорастали бы в кремнийорганические растения, животные давали бы стада кремнийорганических животных, кремниевые люди...

В этот момент окно комнаты с дребезгом разбилось, и в него влетел огромный булыжник. Затрещали выстрелы. Грабер съежился, быстро проскочил комнату и захлопнул за собой дверь. Я подбежал к окну и выглянул наружу. Там, возле стены здания, метались какие-то люди с карабинами в руках. Несколько человек в белом рвались к двери. Я высунулся в окно и закричал:

— Эй, сюда! Грабер здесь!

Мимо моего уха просвистела пуля. Я заметил, что из ворот, ведущих на испытательный полигон, выскочи-

ло несколько солдат с автоматами. Один из них стрелял по моему окну. Я отбежал в сторону. Автоматная очередь оставила на потолке пунктирную линию.

«Восстание? Неужели восстание? Но кто это, кто? Местные жители?»

Выстрелы продолжались. Внизу кричали. Слышались какие-то команды. Затем последовал взрыв, еще два, и все стихло.

Я медленно подошел к окну, но не успел высунуться, как снова раздался выстрел. Я вернулся в угол и стал прислушиваться. Перестрелка теперь доносилась издалека, откуда-то слева. Затем все смолкло. Стало быстро темнеть.

«Неужели неудача? — думал я, усаживаясь на койку. — Неужели попытка раздавить это гнусное гнездо не удалась? И кто бы мог все это затеять?»

9. ВОЙНА

Всю эту ночь я почти не спал, думая о том, что произошло. Вокруг царило глухое безмолвие, и только сердце стучало так сильно, что, казалось, его стук сотрясал стены комнаты. Света не было. Кругом царила беспросветная тьма. Может, бежать? Спрыгнуть с третьего этажа и бежать? Но куда? Не было никакой гарантии, что внизу меня не схватят или не пристрелят на месте.

Что толку в том, что я до конца раскрыл тайну института Грабера? Он все равно будет продолжать делать свое дело. Уже теперь он мог каким-то дьявольским катализатором замещать в живом организме углерод на кремний и создавать противоестественный живой мир. А что будет, когда он добьется, чтобы кремний-органические свойства передавались по наследству от организма к организму?

Моя фантазия рисовала мне страшные картины. Селения в пустыне, окруженные безмолвной грязно-желтой растительностью. Вокруг огороды, похожие на кладбища, на которых произрастают жесткие и едкие овощи. Дальше — поля кремниевых злаков. Твердые колосья едва колышутся на хрупких стеблях. Луга жесткой бледно-оранжевой травы, на них пасутся грязные неуклюжие животные... А по улицам селений медленно бродят каменные мужчины и женщины, уродливые детишки нелепо ступают по глубокому песку... И над всем этим — палящее солнце...

Где-то в центре селения, на его площади, стоит цистерна с едкой жидкостью, которую пьют люди. В цистерне их жизнь и смерть. Раз в неделю сюда подъезжает грузовик и заполняет ее жгучей влагой. Горе непокорным! Те, кто не подчинился быстроногим и гибким владыкам, получают другую воду и превратятся в безмолвных каменных идолов. Как символ могущества Грабера, вокруг цистерны возвышаются статуи окаменевших людей.

Все это было каким-то бредом, и сознание того, что этот бред близок к реальности, приводило меня в нестерпимый ужас.

На мгновение я засыпал, и мне начинало казаться, что мои руки и ноги отяжелели, что я не могу ими пошевелить, что я превращаюсь в каменное существо, лишённое человеческих чувств. Тогда я вскакивал со своей постели и всматривался в кромешную тьму.

Это была страшная ночь. Я забылся только тогда, когда зарделся восток.

Однако спать пришлось недолго. Кто-то бесцеремонно тряхнул меня за плечо. Я открыл глаза и увидел перед собою Ганса, лаборанта доктора Шварца, но не в белом халате, как там, в лаборатории, а в офицерской

форме. Он стоял посреди комнаты, широко расставив ноги. Фуражка была надвинута на лоб, и из-под козырька злобно светились маленькие колющие глазки.

— Ну-ка, мосье, хватит дрыхнуть! — нагло произнес он.

Ни слова не говоря, я начал одеваться. Несколько минут мы молчали.

— Ну и денек же был вчера, — хихикнув, сказал Ганс. — Просто прелесть! А то в этой дыре можно было от тоски сойти с ума.

Чувствовалось, что ему не терпелось чем-то похвастать. Но я продолжал молчать, соображая, что будет дальше.

— Черномазые кретины хотели перехитрить доктора Грабера! Как бы не так!

«Кого это он имеет в виду?»

— Но мы им задали перцу. Хотели всех перестрелять, как кроликов. Но старик оказался умнее всех нас!

— Почему же вы их не перестреляли?

— Их почти в три раза больше, чем нас, и они тоже вооружены. Успеем, — добавил он. — А пока они пригодятся нам для опытов.

— Мало вы поставили здесь всяких гнусных опытов, — пробормотал я. — Что я должен сейчас делать?

— Старик приказал притащить тебя к нему!

«Наверное, сейчас все начнется, — решил я. — Но я так просто не сдамся!»

На этот раз лицо Грабера не казалось таким самодовольным, как раньше. Наоборот, оно выглядело озабоченным и встревоженным. Губы были плотно сжаты, брови нахмурены. Он деловито сел за стол и положил перед собой лист бумаги. Затем он обратился ко мне бесцветным голосом:

— Мюрдаль, у вас есть шанс встретиться со своими друзьями.

От неожиданности я вздрогнул.

— Вы снесете их командиру вот это.

Он протянул мне бумагу.

«Мы покидаем эту территорию, — читал я послание Грабера. — Мы навсегда покинем вашу страну. Для этого нам нужна помощь. Нужно погрузить на машины имущество и оборудование института. Потребуются десять носильщиков. Мы гарантируем свободу и безопасность всем вашим людям, если вы сложите оружие и поможете эвакуировать институт».

Я лихорадочно соображал, что заставило Грабера так внезапно переменить тактику. Что он задумал?

— Значит, вам здесь не нравится? — усмехнулся я.

— Не нравится.

Он подошел к окну и посмотрел наружу. Его лицо выражало неподдельную тревогу. Чувствовалось, что он чего-то ждал, чего-то смертельно боялся.

— Нам здесь не нравится. Да и вы сами догадываетесь, в чем дело. Сейчас приходится воевать не с десятью и не с двадцатью человеками, а со всей этой проклятой страной.

Мне вдруг все стало ясно. Так вот на что намекал Фернан, говоря о каких-то надвигающихся событиях!

— Значит, туземцы гонят вас в шею, герр доктор! Торопитесь, они очень умело орудуют своими ножами.

Грабер бросил на меня полный ненависти взгляд.

— Если речь идет о тех, кого мои ребята загнали в огород, то я с ними могу справиться в два счета!

Я едва сдержал улыбку. Бессильное хвастовство! Конечно, Грабер боялся не тех, кого он сумел загнать в каменный сад. Он панически боялся, что вот-вот распахнутся другие ворота, те, что были в северной ограде,

и сквозь них неудержимым потоком ринутся сотни, может быть, тысячи разъяренных людей, от ненависти которых уйти невозможно.

— Итак, идите. И торопитесь. Ни вы, ни я не заинтересованы в промедлении.

— Доктор Грабер, я, конечно, пойду. Но я не вполне уверен, что мои товарищи пожелают отпустить вас вот так, не воздав должное за ваши преступления.

Грабер весь съежился, его лицо исказилось от ярости и страха.

— Мюрдаль! Не испытывайте моего терпения. Вы ведь знаете, что я и те, кто здесь со мной остался, люди отчаянные.

Он снова тревожно посмотрел в окно.

— А почему вы не пошлете к моим товарищам своего человека?

— Потому что вы лучше сумеете убедить их принять мои условия. Вы лучше знаете, что их ждет, если они не согласятся. Вы об этом им расскажете. Вы очень убедительно об этом расскажете! Идите!

К воротам, ведущим на испытательный полигон, и дальше, к двери в оазис алых пальм, меня отвел Ганс.

Вокруг не было ни одного человека. Даже часовых нигде не было видно. У водокачки стояли три грузовика и цистерна для воды. И все.

— Передай им, что там две тысячи вольт, — Ганс кивнул на проволоку над стеной. — Выходить они будут через эту дверь. Здесь я приму оружие, — добавил он угрюмо.

В саду никого не оказалось, и я пошел наобум, обходя грядки с каменной растительностью. Солнце сияло в самом зените, почти не давая тени. Только под пальмами лежали небольшие темные круги теней.

Обходя одну из пальм, я вдруг почувствовал, как чьи-то крепкие руки обхватили меня за плечи и повалили на землю. Через мгновение я увидел над собой черное лицо со свирепыми глазами. Поваливший меня человек что-то негромко крикнул на непонятном языке. Через несколько секунд надо мной склонилось еще несколько чернокожих людей, и вдруг среди них появилось знакомое мне лицо!

— Мюрдаль! Пьер!

— Фернан!

Меня отпустили, и я встал на ноги, отряхивая песок.

— У вас это хорошо организовано, — сказал я смущенно, глядя на чернокожих людей. — Молодцы ребята...

— Как вы сюда попали?

Вокруг меня стали собираться темнокожие люди в коротких брюках цвета хаки, в куртках, с карабинами в руках.

— Да не стойте вы во весь рост, как на параде! — закричал Фернан. — А то вас перестреляют, как кроликов.

Все мигом присели.

— Не перестреляют, — сказал я. — Грабер капитулирует.

— Что-о? — удивился Фернан. — Как это капитулирует?

— А вот так.

Я протянул послание. Он прочитал записку, нахмурился и затем еще раз прочитал ее вслух.

— Понятно. Так и должно было быть. Но мы их не выпустим!

Ничего не понимая, я уставился на Фернана. Значит, он знал, что Грабер должен капитулировать!

— Тебе обо всем расскажет мой помощник Али Мохаммед. А я сейчас вернусь.

Али Мохаммед, высокий, совсем черный парень, дружелюбно улыбнулся. Он сделал мне знак присесть, и когда я сел, гордо произнес:

— Теперь мы — свободное государство. Никаких американцев. Никаких немцев. Мы сами по себе.

— Вы их прогнали? — улыбаясь, спросил я.

— Гоним. По всей стране гонят. Вот как здесь. Теперь тех, кто за стеной, нужно задержать.

— Зачем? — удивился я.

Али прижал руки к груди. Затем он заговорил быстро-быстро. Он рассказал страшную историю, как в пустыне, недалеко от селения, где он живет, был обнаружен каменный труп его отца.

— Он был твердый-твердый, как камень, а глаза блестели, как стеклянные, — закончил он свой рассказ.

Сжав кулаки, Али посмотрел в сторону лаборатории Грабера.

Вернулся Фернан.

— Прежде всего нужно убрать негодяя с пулеметом, который засел на кухне, — сказал он.

— Там Шварц.

— Неважно. Он простреливает весь сектор перед выходом из оазиса. Второй пулеметчик на водокачке.

Я выглянул из-за ствола пальмы. Небольшие окопца на самом верху водокачки были открыты.

— Друзья, — сказал Фернан, — нужно еще раз попытаться прорваться к кухне и убрать пулеметчика. Иначе мы не сможем штурмовать дверь в южной стене. У западной ограды пулемет на водокачке будет для нас не страшен.

Между грядок началось движение.

Когда до ограды оставалось не более ста метров, за-
трепал пулемет. Это стрелял Шварц из кухни.

— Держитесь левее. Ползите в сторону ворот, —
командовал Фернан. — Али, обходи с товарищами кух-
ню справа.

Теперь пулемет стучал беспрерывно. Казалось,
Шварц не очень заботился о боеприпасах. По секунд-
ным перерывам в стрельбе можно было определить мо-
менты, когда он менял «магазин».

Кухня немного возвышалась над садом, и, для того
чтобы по ней стрелять, нужно было приподниматься над
грядками. Если кто-нибудь делал такую попытку, на
него сразу же обрушивался пулеметный огонь со сто-
роны водокачки.

Через несколько минут раздался взрыв гранаты.
У кухни завязался бой. Пулемет на мгновение умолк.
Снова взорвалась граната, и я увидел, как Али и три
араба вскочили на ноги и побежали вперед. Вначале они
рванулись к двери, а потом к окну. Послышался звон
бьющегося стекла.

— Вперед! — закричал Фернан. Отряд кинулся
к кухне.

Навстречу выбежал Али и что-то крикнул.

— В чем дело?

— Там какой-то штатский, — перевел Фернан.

Я вскочил в помещение. Среди разбитых цветочных
горшков, обхватив пулемет обеими руками, лежал док-
тор Шварц.

— Он любил расстреливать людей, — сказал я.

Мы собрались вокруг Фернана и стали совещаться,
что делать дальше.

— Отсюда есть выход через подземную кабельную
трубу, — подсказал я.

— Грабер только и ждет, чтобы мы сами влезли в мышеловку. Так не пойдет.

— Что же делать?

— Нужно подождать темноты и попытаться перелезть через ограду.

Али тяжело вздохнул.

— Выдержим ли? Люди хотят пить и есть.

— Нужно выдержать. Иного выхода нет.

— А если попытаться проникнуть на испытательный полигон? — спросил я. — Это легко сделать, взобравшись на пальму над оградой...

Внезапно один из арабов пронзительно закричал, указывая пальцем в сторону испытательного полигона.

Ворота были распахнуты, и из них медленно, один за другим, выходили каменные люди, солдаты Грабера.

Не торопясь, бесстрашно, они двигались на нас. Человек пять из нашего отряда стремглав побежали в глубь оазиса.

— Назад! — скомандовал Фернан.

Кто-то выстрелил по наступающим.

— Стрелять бессмысленно, — крикнул я. — Они неуязвимы!

— Не стрелять. Давайте посмотрим, что они собираются делать.

Как и тогда, когда я впервые увидел их, кремниевые люди были в светлых холщовых шароварах, с оголенной грудью. Сейчас у каждого в руке был кривой арабский нож. Они двигались на нас очень медленно, почти торжественно. Шагах в пятидесяти от оранжереи по какой-то бессвязной команде одного из них они стали разворачиваться полукругом, пытаясь захватить наш отряд в кольцо.

Их было человек пятнадцать против наших двадцати трех.

— Давайте отходить. Нужно рассредоточиться, — приказал Фернан. — Держитесь западной стены, чтобы вас не было видно с водокачки.

Наш отряд разбрелся во все стороны. Рабы Грабера на мгновение остановились. Затем их строй тоже расчленился, и теперь они уже не пытались окружать нас, а каждый солдат выбрал себе жертву и побрел за ней. За мной пошел огромный верзила с бледно-серым лицом. Шел он медленно и безразлично, и в его тупом стремлении во что бы то ни стало добраться до меня было что-то жуткое, неизбежное, как сама судьба. Хотя расстояние между мной и им не сокращалось и все время составляло не менее двадцати шагов, он все шел и шел, лениво помахивая ножом.

— Смотрите не только на своего преследователя, но и на других! — крикнул мне Фернан. — Вы можете случайно оказаться вблизи другого.

Они были очень медлительны, эти каменные солдаты, и удрать от них ничего не стоило. В конце концов люди из нашего отряда и их преследователи по парам разошлись на участке, скрытом от водокачки стенами. С ее вершины время от времени раздавались выстрелы.

Эта странная война походила на детскую игру, в которой нужно перебегать с одного места на другое так, чтобы тебя никто не тронул рукой. Перебежав, мы оставались и наблюдали, как на поле перераспределялись пары...

Фернан командовал этой удивительной войной, зорко наблюдая за движением противника.

Вскоре солнце коснулось западной изгороди, и оазис стал погружаться в вечернюю мглу. Мы очень утомились, во рту пересохло. Было мучительно смотреть, как солдаты Грабера иногда наклонялись над трубами у грядок и жадно пили щелочную воду.

Перебежки нас изрядно измотали. А каменные люди казались совершенно неутомимыми и с дьявольским упорством продолжали бродить за нами по пятам.

— Может быть, попытаться все же перелезть через ограду? — спросил я Фернана, когда мы случайно оказались рядом.

Маневрируя между каменными солдатами, он подошел к той самой пальме, по которой я пробрался на полигон. Когда он почти дополз до уровня ограды, на вершине водокачки затрещал пулемет. Фернан успел спрыгнуть с дерева в тот момент, когда его преследователь был почти в пяти шагах от него.

Я заметил, что наши бойцы стали передвигаться медленнее и расстояние между ними и каменными солдатами начало сокращаться.

Трудно сказать, чем бы кончилась эта бесшумная и замедленная война, если бы ворота полигона не отворились и из них не показался каменный истукан, толкавший перед собой огромную тележку. Послышался нечленораздельный клич, и солдаты Грабера поодиночке стали возвращаться к западной стене. Становилось совсем темно. Кремниевые люди собрались у тележки и принялись за еду. Иногда то один, то другой наклонялся к крану в песке и запивал пищу водой.

— У нас есть время отдохнуть и подумать, что делать дальше, — сказал Фернан, когда мы собрались все вместе.

— Без пищи и без воды мы долго не протянем.

— Может быть, когда наступит темнота, следует попытаться выбраться из этой мышеловки через ограду. Легче всего это сделать через восточную стену.

— А ток высокого напряжения в проводах? — возразил я.

— Нужно перерезать провода...

— Они здесь в четыре ряда. Кроме того, ограда двойная.

— Все же, пока они едят, нужно попытаться.

Фернан посоветовался с Али. Тот крикнул, и четверо наших товарищей подошли к восточной стене.

Фернан предложил выломать ствол небольшого дерева и с его помощью перебить провода.

Деревце было твердым, как камень, и с ним пришлось долго повозиться, прежде чем его удалось вытащить из песка. С него сбили ветки, и каменную дубинку вручили Али. Двое прислонились к стене, на их плечи влез третий, и уже ему на плечи взобрался Али. Он размахнулся и изо всех сил ударил по проволоке. Вырвался снап голубых искр. С пронзительным криком живая пирамида распалась.

— Безнадежное дело, — сказал Фернан.

Действительно, мы едва различали друг друга.

— Интересно, видят ли эти идола ночью?

— А мы это скоро узнаем. Может быть, они в темноте видят, как кошки.

— Нам ничего не остается, как ждать рассвета.

— Если только нас всех не перережут.

Мы прислушивались к каждому шороху, напряженно глядя в темноту. Проходили минуты, часы... Никаких признаков жизни.

— Я хочу с тобой поговорить, — обратился я к Фернану.

Мы отошли в сторону и уселись на песчаной грядке.

— Я имею полное представление о дьявольской кухне доктора Грабера. Тут все дело в воде...

— Не понимаю, Мюрдаль.

— Мне нужно пробраться на водокачку. Если то, что я думаю, справедливо, то можно в два счета покончить с Грабером и с его армией.

Я торопливо рассказал Фернану все, что мне было известно о роли воды в исследованиях немцев.

Помолчав немного, Фернан крепко сжал мою руку.

— Ты прав. Пора действовать решительно. Люди устали. Они голодны и умирают от жажды. Боюсь, они не протянут и дня...

Фернан отдал приказание Али оставаться у восточной ограды, и мы двинулись через оазис к тому месту, где над территорией полигона возвышалась пальма. Когда мы ее разыскали, Фернан дал мне свой пистолет. Он пожал мне руку и сказал:

— Что бы с тобой ни случилось, не забывай, что здесь остались твои товарищи.

Я попрощался и стал карабкаться по дереву.

10. ДВЕ ВОДЫ

Ночь. Только редкие звезды сверкают в бездонном небе.

Я прополз по ветке над проволочным ограждением, и внизу засерела полоса песка. Ничего не было видно, кроме контуров малого ангара, в окнах которого вспыхивали кроваво-красные пятна. Красные блики беспокойно трепетали на песке. В воздухе чувствовался едкий запах гари.

Я прыгнул вниз и, убедившись, что вокруг никого нет, стал осторожно обходить ангар, направляясь к воротам, которые вели к институту.

На мгновение я остановился у окна в малый ангар и заглянул внутрь. Там, перед огромным чаном с пылящей смолой, сидели люди. Они теснились вокруг огня, как теснятся вокруг костра в холодную ночь, и грелись. Они поворачивались к огню то одним, то дру-

гим боком, потирая тело руками. Изредка из помещения доносились глухие возгласы...

Ворота были заперты. Тогда, ухватившись за металлические перекладки, я стал карабкаться вверх.

Кругом все, казалось, вымерло. Может быть, Грабер бежал? А как же каменные солдаты? Неужели Грабер так просто решил с ними расстаться?

Вскоре я заметил, что сквозь штору одного из окон на втором этаже пробивалась узкая полоска света. Значит, там кто-то есть.

Водокачка соединялась с главным зданием длинной галереей. Я подошел вплотную к круглому бетонному сооружению и обнаружил, что дотянуться до окон невозможно. Рядом стоял грузовик с цистерной. В ней привозили воду, которую затем перекачивали наверх. Как ее перекачивали? Я стал шарить вокруг цистерны.

По-видимому, она должна иметь слив в нижнем днище. Когда я забрался под грузовик, то чуть не полетел в яму: прямо под кузовом машины в бетонной площадке находился сливной люк.

У меня не было ни спичек, ни фонаря, и поэтому пришлось действовать ощупью. Держась рукой за ось автомобиля, я осторожно спустился в люк, и вскоре мои ноги коснулись дна.

Бетонированный сток круто уходил вниз. Я буквально съехал по скользкой поверхности и уперся ногами во что-то металлическое. Здесь я смог выпрямиться во весь рост. Без сомнения, я попал во внутреннее помещение.

Я хватался за какие-то предметы, переступал через трубы, чуть не свалился в какую-то яму и наконец пригнулся на небольшой площадке. Нужно было ждать рассвета; в темноте я ничего не мог сделать.

Усевшись поудобнее, я приготовился ждать. Но вдруг

наверху на мгновение приоткрылась дверь, и в вырвавшемся потоке я увидел, что сижу на ступеньке спиральной лестницы над краем железного чана. Дверь снова закрылась, но я уже знал, что делать. Держась за трубу, я стал медленно подниматься по лестнице. Через минуту я уже стоял у двери, сжимая в руке пистолет.

Несколько секунд я прислушивался, затем сильным толчком отворил дверь и ворвался в просторный, ярко освещенный зал. Я увидел женщину, которая в это мгновение поворачивала на громадном баке никелированную ручку. Она обернулась и хрипло вскрикнула. Это была фрау Айнциг.

— Извините, мадам, за беспокойство, — процедил я сквозь зубы. — Советую вам вести себя благоразумно.

Она тарасила на меня обезумевшие от ужаса глаза. Я заметил, что ее рука медленно шарил по стене.

— Отойдите от стены и не пытайтесь звать на помощь. Вы знаете, что страдаем мы в одинаковой мере...

— Как вы сюда попали? — спросила она, едва шевеля губами.

— Это не так уж и важно, мадам. Меня больше интересует, что вы здесь делаете?

— Я... я...

— Прошу вас, садитесь, — приказал я, указав дулом пистолета на небольшую металлическую табуретку.

Она покорно села, не сводя с меня бесцветных вытаращенных глаз.

— Вы мне расскажете все по порядку или я должен задавать наводящие вопросы, мадам?

— Что вам нужно?

— Откуда в водопровод, снабжающий ваш отряд водой, поступает щелочь?

Она бросила короткий взгляд вправо. Я увидел вде-

ланный в стену металлический бак, на котором большими красными буквами было написано «КОН».

— Ага, едкий калий? И много нужно добавлять его в воду, чтобы ваши жертвы не окаменели?

— Пэ-аш должно быть четыре и пять десятых, — хрипло ответила она.

— Ну, а что будет, если мы выключим щелочь?

Она ничего не сказала, а только злобно зашипела.

— Вот это мы сейчас и сделаем, — сказал я. — Ну-ка, закройте кран!

Айнциг боком пошла к баку со щелочью и стала медленно заворачивать кран.

— Сильнее, сильнее! Нужно, чтобы в воду не попало ни капли щелочи! — приказал я.

Она завернула кран изо всех сил.

— Все?

— Нет, не все, — сказал я, пристально вглядываясь в ее посеревшее лицо.

— Что еще?

— А где сосуд с катализатором, который вы добавляете в питьевую воду, чтобы в организме происходило замещение углерода на кремний?

Она молчала.

— Фрау Айнциг. У вас есть единственный шанс несколько смягчить свою судьбу. Вы понимаете, сейчас вам ни «Уэстерн биокемикал», ни «Хемише Централь» не помогут. Судить вас будут новые, местные власти. Где катализатор и как он вводится в питьевую воду?

Ее лицо от злости и страха стало синим. Она медленно пятилась вдоль стены, не сводя глаз с пистолета. Мы обошли все круглое помещение и остановились у продолговатой полки, закрытой металлическим щитом.

— Это здесь? Открывайте.

— У меня нет ключа.

— Мадам, не заставляйте меня прибегать к силе. Я не люблю грубо обращаться с женщинами, даже с такими, как вы.

— Дегенерат, — прошептала она.

— Для вас тоже есть название.

Айнциг вытащила из нагрудного кармана халата ключ и открыла полку. Здесь в один ряд выстроились двенадцать небольших бачков из темно-желтого стекла, от которых тонкие стеклянные трубки отходили к водопроводным кранам.

— Ого. Целых двенадцать! Зачем так много? Ага, понимаю. В зависимости от того, над кем вы собирались произвести свой дьявольский эксперимент, тот бачок и наполнялся катализатором. При помощи воды вы распространяли свою власть на всех сотрудников института?

— Вы очень сообразительны, Мюрдаль, — процедила она, оправившись от первого приступа страха. — Что я теперь должна делать?

— Теперь расскажите, кому какой бачок предназначен.

— Этого я не знаю.

— Жаль. Впрочем, нетрудно догадаться. Все они наполнены раствором, кроме одного. Кому же это повезло, кого вы пощадили?

— Я не знаю. Я не наполняла.

— Вот как! А я думал, что это ваша обязанность. Итак, куда идет труба от пустого бачка?

— Говорю вам, не знаю.

— Ну, так я знаю, мадам Айнциг. Она идет в апартаменты доктора Грабера и, по-видимому, в ваши.

Айнциг оскалила зубы и хотела изобразить что-то вроде улыбки.

— Вы ошибаетесь, мистер Мюрдаль...

— Посмотрим. Отсоедините крайний бачок и перелейте жидкость в пустой.

Ее лицо снова искажил ужас.

— Я этого не сделаю, — прошипела она.

— Значит, я угадал. Выполняйте то, что я вам приказал.

— Нет! — взвизгнула она.

— Тогда я это сделаю сам.

— Я не позволю! Я... я...

Она сорвалась с места, молнией пересекла зал и скрылась за дверью.

— Стойте, стойте! — кричал я.

Но было поздно. Я услышал, как она споткнулась и пронзительно вскрикнула, сорвавшись с огромной высоты.

Стрелять не было необходимости. Снизу донесся глухой удар, и воцарилась мертвая тишина. Я понял, что с фрау Айнциг покончено.

Я вернулся к полке с темно-желтыми сосудами, отсоединил один от крана и перелил содержимое в пустой бачок. Рукояткой пистолета я разбил остальные сосуды, и жидкость с ядовитым эликсиром вылилась на пол.

Теперь оставалось только ждать.

11. «ГЛИНЯНЫЙ БОГ»

Когда наступило утро, я обнаружил, что водокачка была прекрасным наблюдательным пунктом. Через три окна хорошо просматривалась окрестность. Были видны бараки, в которых находились лаборатории, как на ладони лежал испытательный полигон, и слева от него раскинулся оазис алых пальм. Мне не нужно было возвращаться в оазис, потому что я знал, что очень скоро

армия Грабера окаменеет окончательно. Оставалось только ждать.

Пока что только я один знал, что армия Грабера обречена. Странно, я не чувствовал угрызений совести. Они уже давно погибли. Они стали бездумными, несчастными автоматами, обреченными владеть бременем противоестественного существования. Они были духовно и физически убиты Грабером, и только их окаменевшая оболочка напоминала о былом человеческом достоинстве.

Солнце поднялось над пальмами, и кремниевая пехота снова вышла на поле боя. Отряд Фернана рассыпался среди грядок. Каменные истуканы возобновили неутомимое преследование.

Сверху было хорошо видно, как то один, то другой каменный человек наклонялся и пил воду. По мере того как солнце поднималось выше, они все чаще и чаще обращались к воде.

В конце второго часа «шахматной» войны я увидел, как один солдат Грабера вдруг остановился. Он застыл в необычной позе, подняв одну ногу и руку. Араб, которого он преследовал, что-то крикнул. В это мгновение застыл еще один, затем еще и еще. Все это произошло молниеносно. Пространство, где только что шла сложная комбинационная война на измор, стало походить на кладбище с каменными статуями или на музейный двор, куда свезли и поставили скульптуры эпохи палеолита.

Вначале нерешительно, а затем все смелее к окаменевшим людям стали подходить мои товарищи.

Я сбежал вниз по спиральной лестнице.

Фернан быстро отдавал распоряжения своим бойцам. Одни должны были залечь вдоль асфальтовой до-

роги, ведущей к выходу, другие осмотреть бараки. Несколько человек остановились у входа в трехэтажное здание, где находился штаб Грабера.

— Такое впечатление, будто внутри никого нет, — сказал Али.

Я посмотрел на грузовики, стоявшие справа. Теперь их было не три, а два.

— Наверное, кое-кто уехал. Нужно быстрее кончать. Неужели Граберу удалось бежать?

Фернан подошел к двери и изо всех сил толкнул ее ногой. Она чуть-чуть приоткрылась и затем снова захлопнулась, как будто с противоположной стороны на нее навалили мешки с песком.

— Ну-ка, помогите мне.

Мы все нажали на дверь, и она с трудом подалась. В темной узкой прихожей мы увидели двух мертвых солдат, в нелепой позе валявшихся на полу. У одного из них рот был забит песком. У второго песок был зажат в руке.

— Что это? — удивленно воскликнул Фернан. — Кто втолкнул им в глотку песок?

Справа, на уровне первой ступеньки лестницы, ведущей в подвал, к стене была прикреплена раковина и кран.

Я указал на кран.

— Все дело в этом. В воде.

И я рассказал обо всем, что случилось на водокачке.

— Может быть, и Грабер в таком же состоянии?

В это время со второго этажа в сопровождении нескольких людей сбежал Али. Лицо его выражало ужас.

— Что с Грабером? — спросил я.

Он хрипло пробормотал:

— То же, что и с его телохранителями. Вот, смотрите.

Он протянул мне руку, но не свою, а ту, которую он держал как палку...

Глина. Обыкновенная глина. Это была рука, сделанная из глины, она ломалась и крошилась...

— Кусок глиняного бога, — с презрением произнес Фернан и, выпрямившись, пошел к товарищам.

Я с отвращением отбросил кусок глины в сторону...

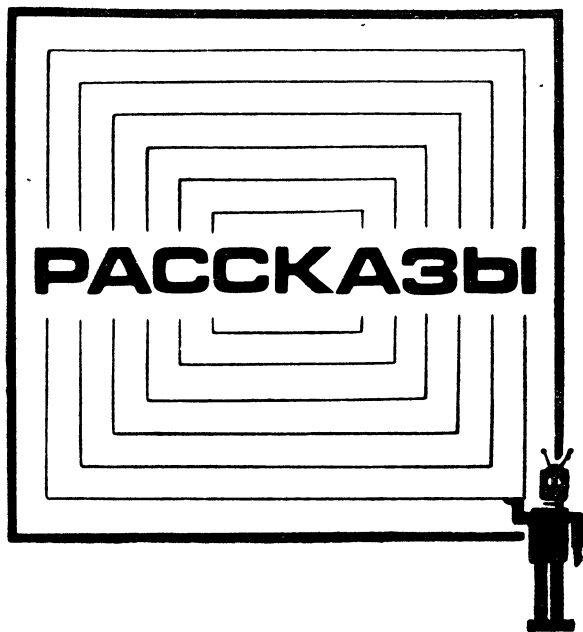
Пустыня... Неужели кошмар кончился? По черной асфальтовой полосе шел наш отряд. Двадцать миль — это не так уж много. Вдруг воздух задрожал от гула приближающихся самолетов. Вот они пролетели над нами, один, второй, третий. Металлические птицы без опознавательных знаков. Они шли совсем низко и, не долетая до института Грабера, ложились на правое крыло и разворачивались. Через минуту послышались взрывы. Их было много, на горизонте поднималось бурое облако. Самолеты кружили над местом, которое мы покинули час тому назад. Они с тупым упорством сбрасывали бомбы, заматавая следы преступления.

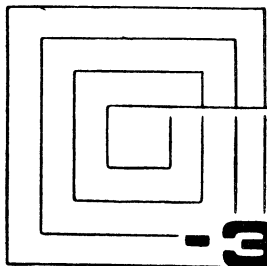
Взрывы. Много глухих взрывов в пустыне. Услышит ли о них мир? Узнает ли он, как извращенная наука издевается над людьми? Неужели люди разрешат граберам существовать на нашей планете?

— Между прочим, Фернан, куда вы и ваши товарищи направитесь сейчас? — спросил я.

Он улыбнулся.

— Домой. У нас так много дел дома! Кто знает, что нам еще предстоит.

Крабы идут по острову

1

— Эй, вы там, осторожнее! — крикнул Куклинг на матросов. Они стояли по пояс в воде и, перевалив через борт шлюпки небольшой деревянный ящик, пытались протащить его по краю борта.

Это был последний ящик из тех десяти, которые привез на остров инженер.

— Ну и жарыща! Пекло какое-то, — простонал он, вытирая толстую красную шею пестрым платком. Затем снял мокрую от пота рубашу и бросил ее на песок. — Раздевайтесь, Бад, здесь нет никакой цивилизации.

Я уныло посмотрел на легкую парусную шхуну, медленно качавшуюся на волнах километрах в двух от берега. За нами она вернется через двадцать дней.

— И на кой черт нам понадобилось с вашими машинами забираться в этот солнечный ад? — сказал я Куклингу, стягивая одежду. — При таком солнце завтра в вашу шкуру можно будет заворачивать табак.

— Э, неважно. Солнце нам очень пригодится. Кстати, смотрите, сейчас ровно полдень, и оно у нас прямо над головой.

— На экваторе всегда так, — пробормотал я, не сводя глаз с «Голубки», — об этом написано во всех учебниках географии.

Подошли матросы и молча стали перед инженером. Неторопливо полез он в карман брюк и достал пачку денег.

— Хватит? — спросил он, протянув им несколько бумажек.

Один из них кивнул головой.

— В таком случае вы свободны. Можете возвращаться на судно. Напомните капитану Гейлу, что мы ждем его через двадцать дней.

— Приступим к делу, Бад, — обратился Куклинг ко мне. — Мне не терпится начать.

Я взглянул на него в упор.

— Откровенно говоря, я не знаю, зачем мы сюда приехали. Я понимаю: там, в адмиралтействе, вам, может быть, было неудобно мне обо всем рассказывать. Сейчас, я думаю, это можно.

Куклинг скривил гримасу и посмотрел на песок.

— Конечно, можно. Да и там я вам обо всем рассказал бы, если б было время.

Я почувствовал, что он лжет, но ничего не сказал. А Куклинг стоял и тер жирной ладонью багрово-красную шею.

Я знал, что так он делал всегда, когда собирался что-нибудь солгать.

Сейчас меня устраивало даже это.

— Видите ли, Бад, дело идет об одном забавном эксперименте для проверки теории этого, как его... — он замялся и испытующе посмотрел мне в глаза.

— Кого?

— Ученого-англичанина... Черт возьми, из головы вылетела фамилия. Впрочем, вспомнил: Чарлза Дарвина.

Я подошел к нему вплотную и положил ему руку на голое плечо.

— Послушайте, Куклинг. Вы, наверное, думаете, что

я безмозглый идиот и не знаю, кто такой Чарлз Дарвин. Перестаньте врать и скажите толком, зачем мы выгрузились на этот раскаленный клочок песка среди океана. И прошу вас, не упоминайте больше Дарвина.

Куклинг захохотал, раскрыв рот, полный искусственных зубов. Отойдя в сторону шагов на пять, он сказал:

— И все же вы болван, Бад. Именно Дарвина мы и будем здесь проверять.

— И именно для этого вы притащили сюда десять ящичков железа? — спросил я, снова подходя к нему. Во мне закипела ненависть к этому блестевшему от пота толстяку.

— Да, — сказал он и перестал улыбаться. — А что касается ваших обязанностей, то вам прежде всего нужно распечатать ящик номер один и извлечь из него палатку, воду, консервы и инструмент, необходимый для вскрытия остальных ящиков.

Куклинг заговорил со мной так, как говорил на полигоне, когда меня с ним знакомили. Тогда он был в военной форме. Я — тоже.

— Хорошо, — процедил я сквозь зубы и подошел к ящику номер один.

Большая палатка была установлена прямо здесь, на берегу, часа через два. В нее мы внесли лопату, лом, молоток, несколько отверток, зубило и другой слесарный инструмент. Здесь же мы разместили около сотни банок различных консервов и контейнеры с пресной водой.

Несмотря на свое начальственное положение, Куклинг работал как вол. Ему действительно не терпелось начать дело. За работой мы не заметили, как «Голубка» снялась с якоря и скрылась за горизонтом.

После ужина мы принялись за ящик номер два. В нем оказалась обыкновенная двухколесная тележка

вроде тех, которые применяются на перронах вокзалов для перевозки багажа.

Я подошел к третьему ящику, но Куклинг меня остановил:

— Давайте сначала посмотрим карту. Нам придется весь остальной груз развезти по разным местам.

Я удивленно на него посмотрел.

— Так надо для эксперимента, — пояснил он.

Остров был круглый, как опрокинутая тарелка, с небольшой бухтой на севере, как раз там, где мы выгрузились. Его окаймлял песчаный берег, шириной около пятидесяти метров. За поясом прибрежного песка начиналось невысокое плато, поросшее каким-то высохшим от жары низкорослым кустарником.

Диаметр острова не превышал трех километров.

На карте значилось несколько отметок красным карандашом: одни вдоль песчаного берега, другие в глубине острова.

— То, что мы откроем сейчас, нужно будет развезти вот по этим местам, — сказал Куклинг.

— Это что, какие-нибудь измерительные приборы?

— Нет, — сказал инженер и захихикал. У него была противная привычка хихикать, когда случалось, что кто-нибудь не знает того, что знает он.

Третий ящик был чудовищно тяжел. Я думал, что в нем заколочен массивный заводской станок. Когда же отлетели первые доски, я чуть не вскрикнул от изумления. Из него повалились металлические плитки и бруски различных размеров и форм. Ящик был плотно набит металлическими заготовками.

— Можно подумать, что нам придется играть в кубики! — воскликнул я, перекидывая тяжелые прямоугольные, кубические, круглые и шарообразные металлические слитки.

— Вряд ли, — ответил Куклинг и принялся за следующий ящик.

Ящик номер четыре и все последующие, вплоть до девятого, оказались наполненными все тем же — металлическими заготовками.

Эти заготовки были трех видов: серые, красные и серебристые. Я без труда определил, что они были из железа, меди и цинка.

Когда я принялся за последний, десятый, ящик, Куклинг сказал:

— Этот вскроем тогда, когда развезем по острову заготовки.

Три последующих дня мы с Куклингом на тележке развозили металл по острову. Заготовки мы высыпали небольшими кучами. Некоторые оставались прямо на песке, другие по указанию инженера я закапывал. В одних кучах были металлические бруски всех сортов, в других только одного сорта.

Когда все это было сделано, мы вернулись к нашей палатке и подошли к десятому ящику.

— Вскройте, только осторожнее, — приказал Куклинг.

Этот ящик был значительно легче других и меньше размером.

В нем оказались плотно спрессованные древесные опилки, а посередине — пакет, обмотанный войлоком и вощеной бумагой. Мы развернули пакет.

То, что оказалось перед нами, было диковинным по своему виду прибором.

С первого взгляда он напоминал большую металлическую детскую игрушку, сделанную в виде краба. Однако это был не просто краб. Кроме шести больших членистых лап, спереди были еще две пары тонких лапок-щупалец, упрятанных своими концами в выдвину-

тую вперед полураскрытую «пасть» уродливого животного. На спине краба в углублении поблескивало небольшое параболическое зеркальце из полированного металла с темно-красным кристаллом в центре. В отличие от краба-игрушки у этого было две пары глаз — спереди и сзади.

В недоумении я долго смотрел на эту штуку.

— Нравится? — после долгого молчания спросил меня Куклинг.

Я пожал плечами.

— Похоже на то, что мы действительно приехали сюда играть в кубики и детские игрушки.

— Это опасная игрушка, — самодовольно произнес Куклинг. — Сейчас вы увидите. Поднимите его и поставьте на песок.

Краб оказался легким, весом не более трех килограммов.

На песке он стоял довольно устойчиво.

— Ну, и что дальше? — спросил я инженера иронически.

— А вот подождем, пусть немного прогреется.

Мы сели на песок и стали смотреть на металлического уродца. Минуты через две я заметил, что зеркальце на его спине медленно поворачивается в сторону солнца.

— Ого, он, кажется, оживает! — воскликнул я и встал на ноги.

Когда я поднимался, моя тень случайно упала на механизм, и краб вдруг быстро засеменял лапами и выскочил снова на солнце. От неожиданности я сделал огромный прыжок в сторону.

— Вот вам и игрушка! — расхохотался Куклинг. — Что, испугались?

Я вытер потный лоб.

— Скажите мне ради бога, Куклинг, что мы с ним будем здесь делать? Зачем мы сюда приехали?

Куклинг тоже встал и, подойдя ко мне, уже серьезным голосом сказал:

— Проверить теорию Дарвина.

— Да, но ведь это биологическая теория, теория естественного отбора, эволюции и так далее... — бормотал я.

— Вот именно. Кстати, смотрите, наш герой пошел пить воду!

Я был поражен. Игрушка подползла к берегу и, опустив хоботок, очевидно, втягивала в себя воду. Напившись, она снова выползла на солнце и неподвижно застыла.

Я рассмотрел эту маленькую машину и почувствовал к ней странное отвращение, смешанное со страхом. На мгновение мне показалось, что неуклюжий игрушечный краб чем-то напоминает самого Куклинга.

— Это вы его придумали? — спросил я инженера после некоторого молчания.

— Угу, — промычал он и растянулся на песке.

Я тоже лег и молча уставился на странный прибор. Теперь он казался совершенно безжизненным.

На животе я подполз к нему ближе и стал рассматривать.

Спина краба представляла собой поверхность полуцилиндра с плоскими днищами спереди и сзади. В них-то и находилось по два отверстия, напоминавших глаза. Это впечатление усиливалось тем, что за отверстиями в глубине корпуса блестели кристаллы. Под корпусом краба виднелась плоская платформа — брюшко. Немного выше уровня платформы изнутри вы-

ходили три пары больших и две пары малых членистых клешней.

Нутро краба разглядеть не удавалось.

Глядя на эту игрушку, я старался понять, почему адмиралтейство придавало ей такое большое значение, что снарядило специальный корабль для поездки на остров.

Мы с Куклингом лежали на песке, пока солнце не спустилось над горизонтом настолько низко, что тень от росших вдали кустарников коснулась металлического краба. Как только это произошло, он легонько двинулся и снова выполз на солнце. Но тень настигла его и там. И тогда наш краб пополз вдоль берега, опускаясь все ниже и ниже к воде, все еще освещенной солнцем. Казалось, тепло солнечных лучей было ему совершенно необходимо.

Мы встали и медленно пошли за машиной.

Так мы постепенно обошли остров, пока наконец не оказались на его западной стороне.

Здесь почти у самого берега была расположена одна из куч металлических брусков. Когда краб оказался от нее на расстоянии около десяти шагов, он вдруг, как бы забыв о солнце, стремительно помчался к ней и застыл возле одного из медных брусков.

Куклинг тронул меня за руку и сказал:

— Сейчас идемте к палатке. Интересное будет завтра утром.

В палатке мы молча поужинали и завернулись в легкие фланелевые одеяла. Мне показалось, что Куклинг был доволен тем, что я не задавал ему никаких вопросов. Перед тем как заснуть, я слышал, как он ворочался с боку на бок и иногда хихикал. Значит, он знал что-то такое, чего никто не знал.

На следующий день рано утром я пошел купаться. Вода была теплая, и я долго плавал в море, любуясь, как на востоке, над едва искаженной широкими волнами гладью воды разгоралась пурпурная заря. Когда я вернулся к нашему пристанищу, и вошел в палатку, военного инженера там уже не было.

«Пошел любоваться своим механическим уродом», — подумал я, раскрывая банку с ананасами.

Не успел я проглотить и трех ломтиков, как раздался вначале далекий, а потом все более и более громкий голос инженера:

— Лейтенант, скорее бегите сюда! Скорее! Началось! Скорее бегите сюда!

Я вышел из палатки и увидел Куклинга, который стоял среди кустов на возвышенности и махал мне рукой.

— Пошли! — сказал он мне, пыхтя как паровоз. — Пошли скорее.

— Куда, инженер?

— Туда, где мы вчера оставили нашего красавца.

Солнце было уже высоко, когда мы добежали до кучи металлических брусков. Они ярко блестели, и вначале я ничего не мог разглядеть.

Только когда до кучи металла осталось не более двух шагов, я заметил две тонкие струйки голубоватого дыма, поднимавшиеся вверх, а потом... Я остановился как парализованный. Я протер глаза, но видение не исчезло. У кучи металла стояли два краба, точь-в-точь такие, как тот, которого мы вчера извлекли из ящика.

— Неужели один из них был завален металлическим ломом! — воскликнул я.

Куклинг несколько раз присел на корточки и захихикал, потирая руки.

— Да перестаньте же вы корчить из себя идиота! — крикнул я. — Откуда взялся второй краб?

— Родился! Родился в эту ночь!

Я закусил губу и, ни слова не говоря, подошел к крабам, над спинами которых в воздух поднимались тоненькие струйки дыма. В первый момент мне показалось, что у меня галлюцинация: оба краба усердно работали!

Да, именно работали, быстро перебирая своими тонкими передними щупальцами. Передние щупальца прикасались к металлическим брускам и, создавая на их поверхности электрическую дугу, как при электро-сварке, оттачивали кусочки металла. Крабы быстро заталкивали металл в свои широкие рты. Внутри механических тварей что-то жужжало. Иногда из пасти с шипением выбрасывался сноп искр, затем вторая пара щупалец извлекала наружу готовые детали.

Эти детали в определенном порядке собирались на плоской платформочке, постепенно выдвигающейся из-под краба.

На платформе одного из крабов уже была собрана почти готовая копия третьего краба, в то время как у второго краба контуры механизма только-только появились. Я был поражен увиденным.

— Да ведь эти твари делают себе подобных! — воскликнул я.

— Совершенно верно. Единственное назначение этой машины — изготавливать машины, себе подобные, — сказал Куклинг.

— Да разве это возможно? — спросил я, ничего не соображая.

— А почему нет? Ведь любой станок, например

токарный, изготавливает детали для такого же токарного станка, как и он сам. Вот мне и пришла в голову мысль сделать машину-автомат, которая будет от начала до конца изготавливать самое себя. Модель этой машины — мой краб.

Я задумался, стараясь осмыслить то, что сказал инженер. В это время пасть первого краба раскрылась и из нее поползла широкая лента металла. Она покрыла весь собранный механизм на платформочке, создав, таким образом, спину третьего автомата. Когда спина была установлена, быстрые передние лапки приварили спереди и сзади металлические стенки с отверстиями, и новый краб был готов. Как и у его братьев, на спине, в углублении, поблескивало металлическое зеркало с красным кристаллом в центре.

Краб-изготовитель подобрал под брюхо платформочку, и его «ребенок» стал своими лапами на песок. Я заметил, как зеркало на его спине стало медленно поворачиваться в поисках солнца. Постояв немного, краб побрел к берегу и напился воды. Затем он выполз на солнце и стал неподвижно греться.

Я подумал, что все это мне снится.

Пока я разглядывал новорожденного, Куклинг сказал:

— А вот готов и четвертый.

Я повернул голову и увидел, что родился четвертый краб.

В это время первые два как ни в чем не бывало продолжали стоять у кучи металла, отваривая куски и заталкивая их в свое нутро, — повторяя то, что они делали до этого.

Четвертый краб тоже побрел пить морскую воду.

— На кой черт они сосут воду? — спросил я.

— Это происходит заливка аккумулятора. Пока

есть солнце, его энергия при помощи зеркала на спине и кремниевой батареи превращается в электричество. Его хватает на всю дневную работу и на подзарядку аккумулятора. Ночью автомат питается запасенной за день энергией из аккумулятора.

— Значит, эти твари работают день и ночь?

— Да, день и ночь, непрерывно.

Третий краб зашевелился и также пополз к куче металла.

Теперь работали три автомата, в то время как четвертый заряжался солнечной энергией.

— Но ведь материала для кремниевых батарей в этих кучах металла нет, — заметил я, стараясь постигнуть технологию этого чудовищного самопроизводства механизмов.

— А он не нужен. Его и так сколько угодно. — Куклинг неуклюже подбросил ногой песок. — Песок — это окись кремния. Внутри краба под действием вольтовой дуги она восстанавливается до чистого кремния.

В палатку мы вернулись вечером, в то время когда у кучи металла работали уже шесть автоматов и два грелись на солнце.

— Кому все это нужно? — спросил я Куклинга за ужином.

— Военному ведомству. Эти крабы — страшное оружие диверсии, — сказал он откровенно.

— Не понимаю, инженер.

Куклинг пожевал тушеное мясо и, не торопясь, пояснил:

— Представьте, что будет, если такие штуки незаметно выпустить на территории противника?

— Ну и что же? — спросил я, прекратив есть.

— Вы знаете, что такое прогрессия?

— Допустим.

— Мы начали вчера с одного краба. Сейчас их уже восемь. Завтра их будет шестьдесят четыре, послезавтра — пятьсот двенадцать, и так далее. Через десять дней их будет более десяти миллионов. Для этого понадобится тридцать тысяч тонн металла.

Услышав эти цифры, я онемел от изумления.

— Да, но...

— Эти крабы в короткий срок могут сожрать весь металл противника, все его танки, пушки, самолеты. Все его станки, механизмы, оборудование. Весь металл на его территории. Через месяц не останется ни одной крошки металла на всем земном шаре. Он весь пойдет на воспроизводство этих крабов... Заметьте, во время войны металл — самый важный стратегический материал.

— Так вот почему адмиралтейство заинтересовалось вашей игрушкой!.. — прошептал я.

— Вот именно. Но это только первая модель. Я собираюсь ее значительно упростить и за счет этого ускорить процесс воссоздания автоматов. Ускорить, скажем, раза в два-три. Конструкцию сделать более устойчивой и жесткой. Сделать их более подвижными. Чувствительность индикаторов к залежам металла сделать более высокой. Тогда во время войны мои автоматы будут хуже чумы. Я хочу, чтобы противник лишился своего металлического потенциала за двое-трое суток.

— Да, но когда эти автоматы сожрут весь металл на территории противника, они поползут и на свою территорию! — воскликнул я.

— Это второй вопрос. Работу автоматов можно закодировать и, зная этот код, прекращать ее, как только они появятся на нашей территории. Кстати, таким образом можно перетаскать все запасы металла наших врагов на нашу сторону.

...В эту ночь я видел кошмарные сны. На меня, шелестя щупальцами, ползли тучи металлических крабов, с тоненькими столбиками синего дыма над своими металлическими телами.

3

Автоматы инженера Куклинга через четыре дня заселили весь островок.

Если верить его расчетам, теперь их было более четырех тысяч.

Их поблескивающие на солнце корпуса были видны везде. Когда кончался металл в одной куче, они начинали рыскать по островку и находили новые.

На пятый день перед заходом солнца я стал свидетелем страшной сцены: два краба подрались из-за куса цинка.

Это было на южной стороне островка, где мы закопали в песок несколько цинковых брусков. Крабы, работавшие в разных местах, периодически прибегали сюда, чтобы изготовить очередную цинковую деталь. И вот случилось так, что к яме с цинком сбежалось сразу около двух десятков крабов, и здесь началась настоящая свалка. Механизмы мешали друг другу. Особенно отличался один краб, который был проворнее других и, как мне показалось, нахальнее и сильнее.

Расталкивая своих собратьев, он ползал по их спинам, норовя достать со дна ямы кусок металла. И вот когда он уже был у цели, за этот же кусок клешнями ухватился еще один краб. Оба механизма потащили брусок в разные стороны. Тот, который, как мне казалось, был более проворным наконец вырвал брусок у своего соперника. Однако его противник не согла-

шался уступить добычу и, забежав сзади, сел на автомат и засунул свои тонкие щупальца ему в пасть.

Щупальца первого и второго автоматов переплелись, и они со страшной силой стали раздирать друг друга.

Ни один из окружающих механизмов не обращал на это внимания. А у этих двух шла борьба не на жизнь, а на смерть. Я увидел, что краб, сидевший наверху, вдруг опрокинулся на спину, брюхом кверху, и железная платформочка сползла вниз, обнажив его механически внутренности. В это мгновение его противник стал быстро электрической искрой полосовать тело своего врага. Когда корпус жертвы развалился на части, победитель стал выдирать рычаги, шестеренки, провода и быстро заталкивать их себе в пасть.

По мере того как добытые таким способом детали попадали внутрь хищника, его платформа стала быстро выдвигаться вперед, на ней шел лихорадочный монтаж нового механизма.

Еще несколько минут, и с платформы на песок свалился новый краб.

Когда я рассказал Куклингу обо всем, что я видел, он только хихикнул.

— Это именно то, что нужно, — сказал он.

— Зачем?

— Я ведь вам сказал, что хочу усовершенствовать свои автоматы.

— Ну так что же? Берите чертежи и думайте, как это сделать. При чем же тут эта междоусобица? Этак они начнут пожирать друг друга!

— Вот именно! И выживут самые совершенные.

Я подумал и затем возразил:

— Что значит самые совершенные? Ведь они все

одинаковые. Они, насколько я понял, воспроизводят самих себя.

— А как вы думаете, можно ли вообще изготовить абсолютно точную копию? Вы ведь, должно быть, знаете, что даже при производстве шариков для подшипников нельзя сделать двух одинаковых шариков. А там дело обстоит проще. Здесь же автомат-изготовитель имеет следящее устройство, которое сравнивает создаваемую копию с его собственной конструкцией. Представляете, что будет, если каждую последующую копию изготавливать не по оригиналу, а по предыдущей копии? В конце концов может получиться механизм, вовсе не похожий на оригинал.

— Но если он не будет походить на оригинал, значит, он не будет выполнять свою основную функцию — воспроизводить себя, — возразил я.

— Ну и что ж. Очень хорошо. Из его тупа более удачные копии изготовит другой автомат. А удачными копиями будут именно те, в которых совершенно случайно будут накапливаться особенности конструкции, делающие их более жизненными. Так должны возникнуть более сильные, более быстрые и более простые копии. Вот почему я и не собираюсь садиться за чертежи. Мне остается только ждать, пока автоматы не сожрут на этом островке весь металл и не начнут междоусобную войну, пожирая друг друга и вновь воссоздаваясь. Так возникнут нужные мне автоматы.

В эту ночь я долго сидел на песке перед палаткой, смотрел на море и курил. Неужели Куклинг действительно затеял историю, которая пахнет для человечества серьезными неприятностями? Неужели на этом затерянном в океане островке мы разводили страшную чуму, способную сожрать весь металл на*земном шаре?

Пока я сидел и думал обо всем этом, мимо меня

пробежало несколько металлических тварей. На ходу они продолжали скрипеть механизмами и неумоимо работать. Один из крабов натолкнулся прямо на меня, и я с отвращением пырнул его ногой. Он беспомощно перевернулся брюхом кверху. Почти моментально на него налетели два других краба, и в темноте засверкали ослепительные электрические искры.

Несчастливого резали искрой на куски! С меня было достаточно. Я быстро вошел в палатку и достал из ящика ломик. Куклинг уже храпел.

Подойдя тихонько к скопищу крабов, я изо всех сил ударил одного из них.

Мне почему-то казалось, что это напугает остальных. Но ничего подобного не случилось. На разбитого мною краба налетели другие, и вновь засверкали искры.

Я нанес еще несколько ударов, но это только увеличило количество электрических искр. Из глубины острова сюда примчалось еще несколько тварей.

В темноте я видел только контуры механизмов, и в этой свалке мне вдруг показалось, что один из них был особенно крупного размера.

На него-то я и нацелился. Однако когда мой лом коснулся его спины, я вскрикнул и отскочил далеко в сторону: в меня через лом разрядился электрический ток! Корпус этой гадины каким-то образом оказался под электрическим потенциалом. «Защита, возникшая в результате эволюции», — мелькнуло у меня в голове.

Дрожа всем телом, я приблизился к жужжащей толпе механизмов, чтобы выручить оружие. Но не тут-то было. В темноте при неровном свете многих электрических дуг я видел, как мой лом резали на части. Больше всего старался тот самый крупный автомат, который я хотел разбить.

Я вернулся в палатку и лег на свою койку.

На некоторое время мне удалось забыться тяжелым сном. Это длилось, очевидно, недолго. Пробуждение было внезапным: я почувствовал, как по моему телу проползло что-то холодное и тяжелое. Я вскочил на ноги. Краб — я даже не сразу сообразил это — исчез в глубине палатки. Через несколько секунд я увидел яркую электрическую искру.

Проклятый краб пришел на поиски металла прямо к нам. Его электрод резал жестяную банку с пресной водой!

Я быстро растолкал Куклинга и сбивчиво объяснил ему, в чем дело.

— Все банки в море! Провизию и воду в море! — скомандовал он.

Мы стали таскать жестяные банки к морю и укладывать их на песчаное дно там, где вода доходила нам до пояса. Туда же мы отнесли и весь наш инструмент.

Мокрые и обессиленные этой работой, мы просидели на берегу без сна до самого утра. Куклинг тяжело сопел. Случись такое на второй день нашего пребывания на острове, я в душе был только рад, что и ему достается от его затей. Но теперь я инженера ненавижу и жаждал для него более тяжелого наказания.

4

Не помню, сколько времени прошло с момента нашего приезда на остров, но только в один прекрасный день Куклинг торжественно заявил:

— Самое интересное начнется сейчас. Весь металл съеден.

Действительно, мы обошли все места, где раньше лежали металлические заготовки. Там ничего не оста-

лось. Вдоль берега и среди кустарников виднелись пустые ямы.

Металлические кубики, бруски и стержни превратились в механизмы, в огромном количестве метавшиеся по острову. Их движения стали быстрыми и порывистыми; аккумуляторы были заряжены до предела, и энергия на работу не расходовалась. Они бессмысленно рыскали по берегу, ползали среди кустарников на плато, натывались друг на друга, часто и на нас.

Наблюдая за ними, я убедился, что Куклинг был прав. Крабы действительно были разными. Они отличались друг от друга размерами, величиной клешней, объемом пасти-мастерской. Одни из них были более подвижны, другие — менее. По-видимому, еще более глубокие различия имелись в их внутреннем устройстве.

— Ну, что же, — сказал Куклинг, — пора им начинать воевать.

— Вы серьезно это говорите? — спросил я.

— Разумеется. Для этого достаточно дать попробовать им кобальта. Механизм устроен так, что попадание внутрь хотя бы незначительных количеств этого металла подавляет, если так можно выразиться, их взаимное уважение друг к другу.

Утром следующего дня мы с Куклингом отправились на наш «морской склад». Со дна моря мы извлекли очередную порцию консервов, воды и четыре тяжелых серых бруска из кобальта, припасенные инженером специально для решающей стадии эксперимента.

Когда Куклинг вышел на песок, высоко подняв руки с кобальтовыми брусками, его сразу обступило несколько крабов. Они не переходили границы тени от его тела, но чувствовалось, что появление нового металла их очень обеспокоило. Я стоял в нескольких шагах

от инженера и с удивлением наблюдал, как некоторые механизмы неуклюже пытались подпрыгнуть.

— Вот видите, какое разнообразие движений! Как они все не похожи друг на друга. И в той междоусобной войне, которую мы их заставим вести, выживут самые сильные и приспособленные. Они дадут еще более совершенное потомство.

С этими словами Куклинг швырнул один за другим кобальтовые бруски в сторону кустарника.

То, что последовало за этим, трудно описать.

На бруски налетело сразу несколько механизмов, и они, расталкивая друг друга, стали их резать электрической искрой. Другие тщетно толпились сзади, также пытаясь урвать себе кусок металла. Некоторые поползли по спинам товарищей, стремясь пробраться к центру.

— Смотрите, вот вам и первая драка! — радостно закричал военный инженер и захопал в ладоши.

Через несколько минут место, куда Куклинг бросил металлические бруски, превратилось в арену страшной битвы, к которой сбегались все новые и новые автоматы.

По мере того как части разрезанных механизмов и кобальт попадали в пасть все новым и новым машинам, они превращались в диких и бесстрашных хищников и немедленно набрасывались на своих сородичей.

В первой стадии этой войны нападающей стороной были вкусившие кобальт. Именно они резали на части те автоматы, которые сбегались сюда со всего острова в надежде заполучить нужный им металл. Однако по мере того как кобальта отведывало все больше и больше крабов, война становилась ожесточеннее. К этому моменту в игру начали вступать новорожденные автоматы, изготовленные в этой свалке.

Это было удивительное поколение автоматов! Они были меньше размером и обладали колоссальной скоростью передвижения. Меня удивило, что они теперь не нуждались в традиционной процедуре зарядки аккумуляторов.

Им вполне хватало солнечной энергии, уловленной значительно большими, чем обычно, зеркалами на спине. Их агрессивность была поразительной. Они нападали сразу на нескольких крабов и резали искрой одновременно двух-трех.

Куклинг стоял в воде, и его физиономия выражала безграничное самодовольство. Он потирал руки и кряхтел:

— Хорошо, хорошо! Представляю себе, что будет дальше!

Что до меня, то я смотрел на эту драку механизмов с глубоким отвращением и страхом. Кто родится в результате этой борьбы?

К полудню весь пляж возле нашей палатки превратился в огромное поле боя. Сюда сбежались автоматы со всего острова. Война шла молча, без криков и воплей, без грохота и залпов орудий. Треск многочисленных электрических искр и цоканье металлических корпусов машин сопровождали эту странную бойню страшным шорохом и скрежетом.

Хотя большая часть возникавшего сейчас потомства была низкорослой и весьма подвижной, тем не менее начали появляться и новые виды автоматов. Они значительно превосходили по размерам все остальные. Их движения были медлительны, но в них чувствовалась сила, и они успешно справлялись с нападающими на них автоматами-карликами.

Когда солнце начало садиться, в движениях мелких механизмов вдруг наметилась резкая перемена: они все

столпились на западной стороне и стали двигаться медленнее.

— Черт возьми, вся эта компания обречена! — хриплым голосом сказал Куклинг. — Ведь они без аккумуляторов, и как только солнце зайдет, им конец.

Действительно, как только тени от кустарников вытянулись настолько, что прикрыли собой огромную толпу мелких автоматов, они моментально замерли. Теперь это была не армия маленьких агрессивных хищников, а огромный склад мертвых металлических жестинок.

К ним, не торопясь, подползли громадные, почти в полчеловеческого роста крабы и стали их один за другим пожирать. На платформах гигантов родителей возникали контуры еще более грандиозного по своим размерам потомства.

Лицо Куклинга нахмурилось. Такая эволюция была ему явно не по душе. Медлительные крабы — автоматы большого размера — слишком плохое оружие для диверсии в тылу у противника!

Пока крабы-гиганты расправлялись с мелким поколением, на пляже водворилось временное спокойствие.

Я вышел из воды, за мной молча брел инженер. Мы пошли на восточную сторону острова, чтобы немного отдохнуть.

Я очень устал и заснул почти мгновенно, как только вытянулся на теплом и мягком песке.

5

Я проснулся среди ночи от дикого крика. Когда я вскочил на ноги, то ничего не увидел, кроме сероватой полоски песчаного пляжа и моря, слившегося с черным, усеянным звездами небом.

Крик снова повторился со стороны кустарников, но тише. Только сейчас я заметил, что Куклинга рядом со мной не было. Я бросился бежать в том направлении, откуда, как мне показалось, доносился его голос.

Море, как всегда, было очень спокойным, и мелкие волны лишь изредка с едва уловимым шорохом накатывались на песок. Однако мне показалось, что в том месте, где мы уложили на дно наши запасы еды и контейнеры с питьевой водой, поверхность моря была неспокойной. Там что-то плескалось и хлюпало.

Я решил, что там возился Куклинг.

— Инженер, что вы здесь делаете? — крикнул я, подходя к нашему подводному складу.

— Я здесь! — вдруг услышал я голос откуда-то справа.

— Боже мой, где вы?

— Здесь, — снова услышал я голос инженера. — Я стою по горло в воде, идите ко мне.

Я вошел в воду и споткнулся о что-то твердое. Оказалось это был огромный краб, который стоял глубоко в воде на высоких клешнях.

— Почему вы зашли так глубоко? Что вы там делаете? — спросил я.

— Они за мной гнались и загнали вот сюда! — жалобно пропищал толстяк.

— Гнались? Кто?

— Крабы.

— Не может быть! Ведь за мной они не гоняются.

Я снова столкнулся в воде с автоматом, обошел его и, наконец, оказался рядом с инженером. Он действительно стоял в воде по горло.

— Расскажите, в чем дело?

— Я сам не понимаю, — произнес он дрожащим го-

лосом. — Когда я спал, вдруг один из автоматов напал на меня. Я думал, что это случайно... я посторонился, но он снова стал приближаться ко мне и коснулся своей клешней моего лица... Тогда я встал и отошел в сторону. Он — за мной... Я побежал... Краб за мной. К нему присоединился еще один... Потом — еще... Целая толпа... Вот они и загнали меня сюда...

— Странно! Этого никогда раньше не было, — сказал я. — Уж если в результате эволюции у них выработался человеконенавистнический инстинкт, то они не пощадили бы и меня.

— Не знаю, — хрипел Куклинг. — Только на берег я выходить боюсь...

— Ерунда, — сказал я и взял его за руку. — Идемте вдоль берега на восток. Я вас буду охранять.

— Как?

— Сейчас мы подойдем к складу, и я возьму какой-нибудь тяжелый предмет. Например, молоток...

— Только не металлический, — простонал инженер. — Возьмите лучше доску от ящика или вообще что-нибудь деревянное.

Мы медленно побрели вдоль берега. Когда мы подошли к складу, я оставил инженера одного и приблизился к берегу.

Послышались громкие всплески воды и знакомое жужжание механизмов.

Металлические твари потрошили консервные банки. Они добрались до нашего подводного хранилища.

— Куклинг, мы пропали! — воскликнул я. — Они съели все наши консервные банки.

— Да? — произнес он жалобно. — Что же теперь делать?

— Вот и думайте, что же теперь делать. Это все

ваша дурацкая затея. Вы вывели тот тип оружия диверсии, который вам нравится. Теперь расхлебывайте кашу.

Я обошел толпу автоматов и вышел на сушу.

Здесь, в темноте, ползая между крабами, я ощупью собрал на песке куски мяса, консервированные ананасы, яблоки и еще какую-то снедь и перенес ее на песчаное плато. Судя по тому, как много всего валялось на берегу, эти твари хорошо потрудились, пока мы спали. Я не обнаружил ни одной целой банки.

Пока я занимался сбором остатков нашего провианта, Куклинг стоял шагах в двадцати от берега по горло в воде.

Я был так занят сбором остатков пищи и до того расстроен случившимся, что забыл о его существовании. Однако вскоре он напомнил о себе пронзительным криком:

— Боже мой, Бад, помогите, они до меня добиваются!

Я бросился в воду и, спотыкаясь о металлические чудовища, направился в сторону Куклинга. И здесь, шагах в пяти от него, я натолкнулся на очередного краба.

На меня краб не обратил никакого внимания.

— Черт возьми, почему это они вас так не любят? Ведь вы, можно сказать, их папаша, — сказал я.

— Не знаю, — булькая, хрипел инженер. — Сделайте что-нибудь, Бад, чтобы его отогнать. Если родится краб повыше этого, я пропал....

— Вот вам и эволюция. Кстати, скажите, какое место у этих крабов наиболее уязвимое? Как можно испортить механизм?

— Раньше нужно было разбить параболическое зеркало или вытащить изнутри аккумулятор. А сей-

час — не знаю... Здесь нужно специальное исследование...

— Будьте вы прокляты со своими исследованиями! — процедил я сквозь зубы и ухватился рукой за тонкую переднюю лапу краба, протянутую к лицу инженера.

Автомат попятился назад. Я разыскал вторую лапу и тоже согнул ее. Щупальца гнулись легко, как медная проволока.

Металлической твари эта операция явно пришлась не по душе, и она стала медленно выходить из воды. А мы с инженером пошли вдоль берега дальше.

Когда взошло солнце, все автоматы выползли из воды на песок и некоторое время грелись. За это время я успел камнем разбить параболические зеркала на спине по крайней мере у полсотни чудовищ. Все они перестали двигаться.

Но, к сожалению, это не улучшило положения: они сразу же стали жертвой других тварей, и из них с поразительной быстротой стали изготавливаться новые автоматы. Перебить кремниевые батареи на спинах всех машин мне было не под силу. Несколько раз я наткался на наэлектризованные автоматы, и это подорвало мою решимость вести с ними борьбу.

Все это время Куклинг стоял в море.

Вскоре война между чудовищами снова разгорелась, и они, казалось, совершенно забыли про инженера.

Мы покинули место побоища и перебрались на противоположную сторону острова. Инженер так продрог от многочасового морского купания, что лязгая зубами, лег навзничь и попросил меня, чтобы я засыпал его сверху горячим песком.

После этого я вернулся к нашему первоначальному пристанищу, чтобы взять одежду и то, что осталось от

нашего провианта. Только теперь я обнаружил, что палатка была разрушена: исчезли вбитые в песок железные колья, исчезли металлические кольца, при помощи которых палатка крепилась к веревкам.

Под брезентом я нашел одежду Куклинга и свою. Здесь тоже можно было заметить следы работы искавших металл крабов. Исчезли металлические крючки, пуговицы и пряжки. На их месте остались следы прожженной ткани.

Тем временем битва между автоматами переместилась с берега в глубь острова. Когда я поднялся на плато, я увидел, что почти в центре острова, среди кустарников, возвышаются на высоких, чуть ли не в рост человека клешнях несколько чудовищ. Они попарно медленно расходились в стороны и затем с огромной скоростью неслись друг на друга.

При их столкновении раздавались гулкие металлические удары. В медленных движениях этих гигантов чувствовались огромная сила и большой вес.

На моих глазах было сбито на землю несколько механизмов, которые тут же были растерзаны.

Однако я был по горло сыт этими картинками драки между сумасшедшими машинами и поэтому, нагрузившись всем тем, что мне удалось собрать на месте нашей старой стоянки, медленно пошел к Куклингу.

Солнце жгло беспощадно, и, прежде чем добраться до того места, где я закопал в песок инженера, я несколько раз влезал в воду.

Я уже приближался к песчаному холмику, под которым спал обессиленный после ночных купаний Куклинг, когда со стороны плато из-за кустарников показался огромный краб.

Ростом он был выше меня, и его лапы были высокими и массивными. Двигался он неровными прыж-

ками, странным образом нагибая свой корпус. Передние, рабочие, щупальца были невероятно длинны и волочились по песку. Особенно гипертрофирована была его пасть-мастерская. Она составляла почти половину его тела.

«Ихтиозавр», как назвал я его про себя, неуклюже сполз на берег и стал медленно поворачивать корпус во все стороны, как бы осматривая местность. Я машинально махнул в его сторону брезентовой палаткой, как делают, когда пытаются отогнать корову, ставшую на пути. Однако он не обратил на меня никакого внимания, а как-то странно, боком, описывая широкую дугу, стал подходить к холмику песка, под которым спал Куклинг.

Если бы я догадался, что чудовище направляется к инженеру, я бы сразу побежал к нему на помощь. Но траектория перемещения механизма была настолько неопределенной, что мне вначале показалось, что он движется к воде. И только тогда, когда он, коснувшись лапами воды, круто развернулся и быстро двинулся к инженеру, я бросил поклажу и побежал вперед.

«Ихтиозавр» остановился над Куклингом и немного присел.

Я заметил, как концы его длинных щупалец зашевелились в песке прямо возле лица инженера.

В следующее мгновение там, где только что был песчаный холмик, вдруг вздыбилось облако песка. Это Куклинг как ужаленный вскочил на ноги и в панике рванулся от чудовища.

- Но было поздно...

Тонкие щупальца прочно обвилились вокруг жирной шеи инженера и потянули его вверх, к пасти механизма. Куклинг беспомощно повис в воздухе, нелепо болтая руками и ногами.

Хотя я ненавидел инженера всей душой, тем не менее я не мог позволить, чтобы он погиб в борьбе с какой-то безмозглой металлической гадиной.

Недолго рассуждая, я ухватился за высокие клешни краба и дернул их изо всех сил. Но это было все равно, что повалить глубоко забитую в землю стальную трубу. «Ихтиозавр» даже не шевельнулся.

Подтянувшись, я забрался ему на спину. На мгновение мое лицо оказалось на одном уровне с искаженным лицом Куклинга. «Зубы, — пронеслось у меня в сознании. — У Куклинга стальные зубы!..»

Я изо всех сил ударил кулаком по блестящему на солнце параболическому зеркалу.

Краб завертелся на одном месте. Посиневшее лицо Куклинга с выпученными глазами оказалось на уровне пасти-мастерской. И тут случилось страшное. Электрическая искра перепрыгнула на лоб инженера, на его виски. Затем щупальца краба внезапно разжались, и бесчувственное и грузное тело творца железной чумы грохнулось на песок.

* * *

Когда я хоронил Куклинга, по острову, гоняясь друг за другом, носились несколько огромных крабов. Ни на меня, ни на труп военного инженера они не обращали никакого внимания.

Я завернул Куклинга в брезентовую палатку и закопал посередине острова в неглубокую песчаную яму. Хоронил я его без всякого сожаления. В моем пересохшем рту трещал песок, и я мысленно проклинал покойника за всю его гадкую затею. С точки зрения христианской морали, я совершал страшное кощунство.

Затем несколько дней подряд я неподвижно лежал

на берегу и смотрел на горизонт в ту сторону, откуда должна была появиться «Голубка». Время тянулось мучительно медленно, и беспощадное солнце, казалось, застыло над головой. Иногда я подползал к воде и окунал в нее обожженное лицо.

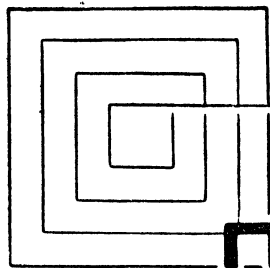
Чтобы забыть чувство голода и мучительной жажды, я старался думать о чем-нибудь отвлеченном. Я думал о том, что в наше время многие умные люди тратят силы своего разума, чтобы причинить гадости другим людям. Взять хотя бы изобретение Куклинга. Я был уверен, что его можно было бы использовать для благородных целей. Например, для добычи металла. Можно было бы так направить эволюцию этих тварей, чтобы они с наибольшим эффектом выполняли эту задачу. Я пришел к выводу, что, при соответствующем усовершенствовании механизма, он не выродился бы в гигантскую неповоротливую громаду.

Однажды на меня надвинулась большая круглая тень. Я с трудом поднял голову и посмотрел на то, что заслонило от меня солнце. Оказывается, я лежал между клешнями чудовищного по своим размерам краба. Он подошел к берегу и, казалось, смотрел на горизонт и чего-то ждал.

Потом у меня начались галлюцинации. В моем разгоряченном мозгу гигантский краб превратился в высоко поднятый бак с пресной водой, до вершины которого я никак не мог добраться.

Я очнулся уже на борту шхуны. Когда капитан Гейл спросил меня, нужно ли грузить на корабль огромный странный механизм, валявшийся на берегу, я сказал, что пока в этом нет никакой надобности.

Диверсант с «Юпитера»

1

По приказу командования нашу роту сняли с авианосца «Юпитер» и переправили на побережье в мае 195... года. Все было обставлено с величайшей секретностью. Буксир отшвартовался ночью и причалил к берегу тоже ночью. Куда и зачем мы ехали, было неизвестно. Только впоследствии мы узнали, что по соответствующему соглашению нас «приглашали» в эту страну выполнить на ее территории кое-какие работы.

Теперь это уже не секрет. О нем знает весь мир. Мы готовили площадку для установки управляемых ракет среднего радиуса действия. Против кого нацеливались эти ракеты — тоже хорошо известно.

Так вот, наша рота поздно ночью высадилась на побережье и, пройдя форсированным маршем около двух миль в глубь территории, расположилась в небольшой долине среди поросших лесом пологих гор.

Мы разбили палатки и внесли туда весь свой солдатский скарб, оборудование и инструменты, необходимые для работы. После этого буксир возвратился на авианосец, оставив нас под присмотром капитана Хукса — нашего командира, лейтенанта-врача и одного инженер-майора, который должен был руководить нашей работой.

Мы вооружились лопатами и катками и стали разравнивать землю, на которую впоследствии предполагалось положить бетон и установить необходимую металлическую арматуру. Работали мы лениво.

Так продолжалось около двух недель. Затем откуда-то с гор прямо через лес пришел гусеничный тягач с двумя прицепами, на которых под брезентом лежало секретное оборудование. Из кабины шофера вышел полковник Брейди. Он был высок ростом, сухопар, его колючие глаза не предвещали ничего доброго.

В день прибытия этого поезда с оборудованием все и началось.

На утренней поверке вдруг выяснилось, что заболел рядовой Уилкинс. У него поднялась температура, началась свота, он бредил.

— Объялся чем-нибудь или просто лихорадка, — решил наш капитан.

К Уилкинсу направили врача. Тот после осмотра больного вышел из палатки взволнованный и, подозревая к себе командира, что-то долго вполголоса ему говорил.

— Не может быть, — слышали мы, как сказал Хукс. — До нас здесь были и все проверяли. Осмотрите его повнимательнее.

Лейтенант Виллард вновь вошел в палатку. Он покинул ее через полчаса еще более взволнованный. Затем все офицеры, в том числе и полковник Брейди, собрались и что-то долго обсуждали.

— Заболел чем-то серьезным, — сказал долговязый Дик.

Тем временем офицеры подозревали Смита, нашего радиста.

— Связывайся со станцией X276. Сейчас передашь шифрованную телеграмму.

Смит развернул рацию и послал в эфир серию цифр,

написанных на бумажке полковником Брейди. Через час он принял ответ и передал его полковнику. После этого офицеры снова начали совещаться.

Видя, что мы наблюдаем за ними с тревогой, они выстроили нас в одну шеренгу. Полковник Брейди произнес речь:

— Солдаты, оснований для беспокойства нет. С Уилкинсом ничего особенного не произошло. У него какое-то местное заболевание. Завтра сюда придет вертолет с необходимыми лекарствами. Будьте уверены, рядовой Уилкинс будет скоро здоров и встанет в строй. А теперь за работу, и да поможет вам бог!

Действительно, на следующий день пришел вертолет. Мы ожидали, что из него выйдет какая-нибудь симпатичная мисс с сумкой через плечо и с красным крестом на рукаве. Ничего этого не произошло. Вместо мисс из дверцы фюзеляжа появилась жирная рожа пилота. Увидев нас, он гаркнул:

— А ну-ка, давайте выгружать!

Мы вытащили на землю пять тяжелых ящиков, удивляясь, для чего Уилкинсу нужно такое огромное количество лекарств. Самым сообразительным из нас оказался долговязый Дик. Он «уронил» один ящик, который тут же разлетелся на части. Вместо пилюль и порошков из ящика вывалился прибор, точь-в-точь такой, какой мы видели на «Юпитере». Мы все знали, что при помощи этих приборов измеряют радиоактивность.

Инженер-майор вооружился этим прибором и сразу же направился к Уилкинсу. Он вышел улыбаясь.

— Ничего нет, — сказал он.

— Я так и знал. Ошибочка, господин доктор, — съязвил полковник.

К вечеру Уилкинсу стало хуже. Врач-лейтенант не

отходил от него ни на шаг, следя за температурой и пульсом. Нас к товарищу не пускали. Всех, кто жил с Уилкинсом в одной палатке, разместили по другим, оставив его одного.

После отбоя мы долго не могли уснуть, думая, что же случилось с Уилкинсом и что это за проклятое место.

Перед сном я слышал, как мимо нашей палатки прошли Виллард и Хукс. Лейтенант сказал:

— У меня нет никаких сомнений: у него лейкопения.

Что ответил капитан, я не расслышал.

Уилкинса через день увезли на вертолете куда-то в госпиталь, а еще через день заболел рядовой Скарт.

Когда после осмотра лейтенант Виллард сообщил полковнику Брейди, что это «тот же самый случай», полковник плюнул и громко выругался.

— Возьмите аппаратуру и обшарьте все как следует.

Лейтенант и инженер-майор, вооруженные индикаторами на длинных щестах, медленно бродили по территории. Затем они проверили радиоактивность во всех палатках.

— Ничего. Чисто, — растерянно докладывал полковнику майор.

— Вы что-то крутите, лейтенант, — грозно сказал Брейди, обращаясь к врачу. — Это не лейкопения.

— Хорошо, я повторю анализ крови.

Копая землю, мы наблюдали за палаткой Вилларда, пытаясь по внешнему виду лейтенанта угадать, что дал анализ.

Лейтенант вышел мрачный и сосредоточенный. Он зашел в офицерскую палатку. Через некоторое время появился полковник и снова передал радисту Смиту бумажку с цифрами. Капитан Хукс, наш командир, построил нас в шеренгу.

— Сейчас вас проверят на радиоактивность, — сказал он, насупившись.

Мы удивленно переглянулись. Вышел майор и, проходя вдоль строя со своим щупом, принялся обводить нас индикатором с головы до ног.

Никакой радиоактивности обнаружено не было. Перед тем как распустил нас, Хукс сказал:

— Приказываю воду из родников не пить, ягоды не собирать, фрукты с деревьев тоже. Есть только то, что мы привезли с собой.

В этот день заболело еще двое: рядовой Бруммер и радист Смит. В роте началась паника. Смита под руки повели к рации. Передав в эфир шифровку, он упал в обморок. Через три часа прилетел вертолет с новым радистом.

Мы не спали всю ночь, громко разговаривая и проклиная тех, кто нас сюда привез.

Утром полковник перед строем произнес длинную речь:

— Солдаты, несмотря на всю сложность обстановки, вы должны соблюдать спокойствие духа. Командование разберется, в чем дело. Мне нечего от вас скрывать. Мы имеем уже четыре случая лучевой болезни. У нас есть подозрение, что это дело рук коварного врага. Мы не можем нигде обнаружить радиоактивность, и тем не менее она существует.

В этот момент новый радист подал полковнику шифровку.

— Вот видите, я говорил вам правду. После вскрытия в госпитале у рядового Уилкинса следов радиоактивности не обнаружено.

— Рядовой Уилкинс умер? — ахнул весь строй.

Полковник осознал свой промах.

— Да, — хрипло произнес он. — Да спасет бог ду-

шу рядового Уилкинса! Слушайте, солдаты, дальше. Если радиоактивность не обнаруживается в организме и ее нет на территории, а также в пище и в воде, значит это гамма-радиоактивность. Кто-то вас облучает гамма-лучами. Кто-то проникает в наш лагерь и совершает диверсию. Кто-то хочет подорвать нашу обороноспособность. Поэтому от вас требуется бдительность. Нужно выставить посты. Нужно тщательно осмотреть местность вокруг. Нужно следить друг за другом. Да, да, солдаты, не удивляйтесь. Может быть, этот коварный враг находится среди нас, стоит рядом с вами и смотрит мне в глаза. Но мы раскроем его. Мы узнаем все. За работу, солдаты. Да поможет вам бог!

После этой речи полковника мы стали подозрительно смотреть друг на друга. Среди нас был рядовой Риббон, который всегда ходил, опустив голову вниз. Он никому не мог смотреть прямо в глаза. Почему-то все решили, что диверсант он, хотя никаких доказательств того не было.

Перед вечерней поверкой долговязый Дик ударил Риббона кулаком по лицу. А ночью Риббон стал бредить. Он тоже заболел.

Утром вертолет увез всех больных в госпиталь, а мы бродили по кустарникам, лазили по деревьям, шарили за камнями, разыскивая диверсанта или скрытые запасы радиоактивного вещества. Инженер-майор бежал от одного солдата к другому и все спрашивал:

— Ну как? Черт возьми, а ведь где-то этот цезий-137 лежит.

Долговязый Дик, самый умный из нас, сказал, что радиоактивный цезий испускает смертоносные гамма-лучи, которые не задерживаются в организме.

Вечером капитан Хукс выделил пять пар солдат для патрулирования территории. Кроме того, в каж-

дой палатке был поставлен дежурный. Но этого можно было и не делать. Мы все равно не спали. Каждый ждал, что вот-вот протянется чья-то рука и облучит его этими проклятыми гамма-лучами.

Никакой руки не появлялось, и когда уже стало совсем светло, мы в изнеможении заснули.

В это утро не было побудки. Мы встали, когда солнце было высоко. Когда мы подошли к офицерской палатке, нам сообщили, что заболел лейтенант Виллард, наш врач.

Среди нас начался ропот.

— К черту это место! Везите нас туда, откуда привезли! Какого дьявола мы здесь торчим? Нас специально привезли сюда, чтобы отправить на тот свет. У нас есть жены и дети.

Вышел наш командир, капитан Хукс. Он был бледен не то от бессонницы, не то от страха.

— Успокойтесь, солдаты. Все это рано или поздно выяснится. Совершенно ясно — это диверсия. Тонкая и коварная.

После этого мы снова лазили по горам, по деревьям, по кустарникам, снова проверялись на радиоактивность, снова подозрительно смотрели друг на друга, и все безрезультатно.

— Нужно проверить наших офицеров, — вдруг сказал кто-то. — Почему мы должны думать, что диверсант среди нас?

Идея всем понравилась, и мы отправили к офицерам делегацию.

Когда полковник Брейди ее выгнал, все мы грозно столпились возле офицерской палатки и стали кричать:

— Выходите, полковник! Нам нужно доказательство, что ни вы, ни капитан Хукс, ни майор не дивер-

санты. Мы не хотим умирать с мыслью, что негодяй среди нас.

Наконец офицеры вышли, и их также проверили счетчиком. Затем проверили их палатку. Радиоактивности не было.

В эту ночь скончался лейтенант Виллард. Его тело увезли вертолетом на следующий день. После этого заболевания прекратились. Мы решили, что диверсантом был Виллард.

2

После смерти Вилларда в лагере началась нормальная жизнь. Мы копали землю и ровняли ее катками. Мы разгрузили два автопоезда с цементом и стали заливать площадку. Полковник, майор, капитан и все остальные были веселы и радостны. Нам обещали отпуск домой, когда окончатся работы. Мы работали как черти. Но когда мы начали устанавливать металлическую арматуру, упал в обморок рядовой Седерс. Через пять минут то же случилось и с долговязым Диком.

Новый врач установил у них лучевую болезнь. Все начиналось сначала.

Мы снова прочесали всю территорию.

— Нас облучают с неба, — сказал кто-то. — С высотных самолетов при помощи специальных прожекторов.

Мы с ужасом задрали головы, всматриваясь в ослепительно голубое безоблачное небо. Неужели смерть оттуда? Мы бросились в лес и прижались к деревьям, как будто это могло нас спасти от облучения. Всякая работа на территории прекратилась. К офицерам была направлена делегация с требованием увезти нас с этого дьявольского места. Делегация вернулась в панике.

— Заболел полковник Брейди.

Это переполнило чашу. Мы помчались к офицерской палатке и, забыв о дисциплине, ворвались внутрь. Полковник, бледный, трясущийся бормотал:

— Диверсия... Страшная диверсия!.. Передайте в центр... Диверсия... Срочно комиссию для расследования... Диверсия...

Радист передал новую шифровку. Вечером появился вертолет. Он не приземлился, как обычно, а сбросил на землю пакет.

— Бойтся! Ага, проклятый, бойтся! — кричали мы и грозили в небо кулаками.

— Нас здесь оставили одних погибать от невидимых лучей.

Капитан Хукс распечатал пакет.

— Нам сообщают, что скоро вышлют специальную комиссию для расследования всей истории. А пока приказано разбираться самим, — сказал он.

Полковника Брейди и рядовых Седерса и долговязого Дика увезли на вертолете через три дня. Вскоре заболели еще двое. Мы потребовали от капитана Хукса вывести нас из этого проклятого места, пригрозив, что иначе мы уйдем сами. Он сказал, что готов пойти нам навстречу, но не знает, как ему быть с секретным оборудованием. Дело в том, что накануне ночью без его разрешения ушли тягачи с прицепами. Шоферы были из другой части.

Затем снова наступил период затишья. Однако теперь мы были уверены, что скоро все повторится, и поэтому ничего не делали, а только ждали. Все мы переселились в лес, думая, что диверсант орудует только против тех, кто живет в палатках.

Иногда мы собирались вместе, разговаривали.

— Нас уничтожают, как чуму, потому что мы делаем гнусное дело.

— На кой дьявол мы здесь? Зачем нам эти вонючие ракеты?

— Пусть бы их устанавливали те, кто их придумал.

— Или те, кто собирается их запускать.

— В нашу страну никто не лезет, а мы расползлись по всему миру.

Капитан Хукс, наш командир, все это слышал и ничего не говорил, потому что говорить ему было нечего. Молчал и майор, молчал и доктор.

Так прошло восемь дней. За это время мы палец о палец не ударили. Начались дожди, и мы поодиночке, один за другим поползли в наши палатки. Радист принял шифровку. Пришло приказание быстрее кончать работу. Наиболее отличившимся солдатам обещалась награда и отпуск.

— Пора, ребята, за работу, — сказал капитан Хукс.

3

За это время, пока мы были здесь, наш командир очень похудел и осунулся. Раньше он был бодрым и веселым. Теперь он стал каким-то вялым.

Дожди шли непрерывно. Майор бродил по лагерю со счетчиком и проверял радиоактивность воды в лужах. Он сказал, что она была в пределах нормы.

Вскоре заболел капитан Хукс.

Когда с ним это только началось, он пригласил всех нас в свою палатку. Он сказал так:

— Ребята, это место действительно проклятое. Но я ничего не могу сделать: приказ есть приказ. Пусть в этом разберется высшее командование. Вот что я советую вам. Соберите все, что у вас есть. Всю одежду,

обмундирование, снаряжение. Обувь, книги, сумки. Палатки тоже. Оставьте при себе только оружие и приборы для измерения радиоактивности. Все остальное сложите в кучу, облейте бензином и сожгите. Если где-нибудь и есть радиоактивность, то она только в наших вещах.

— Почему вы так думаете, капитан? — спросили мы.

— Я заболел потому, что спал в палатке. Вы последнее время спали под открытым небом, и никто из вас не заболел.

Действительно, из нас никто не заболел, кроме тех, кто заболел раньше.

Капитан Хукс отдал богу душу через полторы недели.

После смерти нашего командира мы сожгли все, а сами в одних трусах стали уходить. Мы бросили все, кроме оружия и приборов, и под проливным дождем побрели в горы по колее, оставленной гусеничным трактором. Мы решили, что эта дорога приведет нас туда, куда нужно. Впереди нас шел радист.

Когда мы были высоко в горах, вдруг послышался пронзительный крик. Это закричал майор.

— Вот он, диверсант!

Он сделал огромный прыжок в сторону от радиста. Мы все бросились врассыпную и попрятались за деревьями. На дороге остался только растерявшийся радист со своей рацией. Затем мы заметили, что он был не один. Возле него стоял весь мокрый, взъерошенный от дождя, любимец всей роты кот Джойс. Он хрипло мяукал и терся о голую ногу радиста. Затем из-за кустов показалась вначале палка с индикатором, а затем и фигура майора. Он тянулся к ничего не понимавшему радисту. Мы с волнением ждали, что

будет дальше. Майор поводил индикатором вверх и вниз и завопил истошным голосом:

— Бросай рацию и беги скорее. Это Джойс! Лучи от него! Он радиоактивный как черт!

Радист бросился за майором в кусты, а несчастный Джойс, ничего не соображая, помчался за ними.

Радиоактивным был кот. Он спал с каждым из нас. Он терся о наши ноги. Мы держали его у себя на коленях. Мы с ним играли. Для ночевки Джойс выбирал койку того, кто ему больше всего нравился по его кошачьему разумению. И все, с кем он спал, заболели лучевой болезнью.

Теперь, ломая на своем пути ветки кустарников, мы бежали от Джойса как от чумы, забыв о своем солдатском достоинстве.

— Да пристрелите его кто-нибудь! Убейте этого проклятого кота!

Когда Джойс, перепрыгивая через мокрые ветки, бежал к одному из своих недавних друзей, раздался выстрел: Кот взвизгнул и, высоко прыгнув еще раз, упал на траву. Для достоверности в него выстрелили еще несколько раз. Его труп обходили, делая большой крюк.

Затем мы, дрожа от волнения и холода, собрались на дороге. Майор спросил:

— Откуда взялся Джойс?

— Он с «Юпитера». Мы взяли его с собой.

— Он и там был таким?

— Нет. Он жил на «Юпитере» более года, и никто не заболел лучевой болезнью. Он стал радиоактивным здесь.

— Почему?

— Этого никто не знает.

Все разъяснилось, когда, пройдя несколько миль,

мы увидели двигавшийся навстречу грузовик, покрытый брезентом.

Из кабины шофера вышел полковник.

— Что это за голая свора? — спросил он.

— Мы с базы...

— Почему такой дикий вид?

Майор объяснил ему все, как было.

— Только что мы расстреляли виновника диверсии — кота Джойса.

— Совершенно верно, полковник. Это и была моя гипотеза, — произнес какой-то гражданский, высовывая голову из-под брезента. — Скажите, этот кот всегда был в лагере или иногда исчезал?

— Иногда он куда-то уходил... Как и все коты...

— Куда-то! — иронически произнес полковник. — Вы знаете, куда? В двух милях от вашего лагеря среди холмов есть овраг, куда местные рыбаки сваливают рыбу, забракованную по причине радиоактивности. Нашей комиссии удалось установить, что за время вашего пребывания туда выбросили несколько десятков тонн рыбы, отравленной радиоактивным цезием.

— А при чем тут Джойс?

— А при том, что когда ему надоедал ваш консервированный харч, он шел и жрал радиоактивную рыбу. Жрал вместе с цезием и превратился в мощный источник гамма-лучей. Этот цезий накапливается в организме животных. Период полураспада у него шесть лет.

Полковник был очень доволен, что так популярно объяснил, почему заболевали и умирали наши ребята.

— А почему рыба оказалась отравленной цезием? — вдруг спросил кто-то.

— Неизбежное следствие испытаний атомных и водородных бомб. Загрязняются океаны. Естественно, загрязняется и рыба. Мы непременно заявим здешнему

правительству решительный протест по поводу того, что оно разрешает так безответственно обращаться с негодным уловом.

Последнюю фразу полковник произнес очень важно.

Затем он сел в грузовик и приказал шоферу разворачиваться.

— Нашей комиссии делать здесь больше нечего, — сказал он. — Возвращайтесь в лагерь. Завтра на вертолетах вам доставят все необходимое. А сегодня потряситесь под дождем. Надеюсь, это заставит вас поумнеть и укрепить дисциплину.

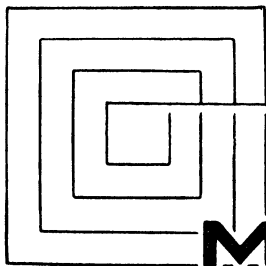
— Эй, мистер! — крикнул кто-то из наших, когда грузовик тронулся. — А почему от радиоактивности не издох сам Джойс?

— А черт его знает! Кошачий организм, видимо, более живуч. В этом пусть разбираются ученые. Это не наше дело.

Мы пошли обратно и вскоре дошли до того места, где был расстрелян Джойс. Все мы поворачивали головы в ту сторону, где среди мокрых кустов валялся его всклокоченный черный труп, излучавший во все стороны смертоносные лучи.

И каждый из нас думал: «Может быть, уничтожать нужно было не Джойса? Или во всяком случае не его одного?»

Впрочем, этого никто вслух не сказал.

1

Меня купили мертвым и вывезли к Удроппу из морга. В этом нет ничего удивительного, как нет ничего странного и в том, как я попал в морг. Просто перерезал себе вены в ванной комнате гостиницы «Новый свет». Если бы не долги за номер, меня не нашли бы так скоро, вернее, нашли бы слишком поздно. Но долги были, и частично из-за них я сделал неудачную попытку отправиться в лучший мир. Мне очень хотелось встретиться с моими недалёковидными родителями и сказать им, что я думаю про них и вообще про всех тех, кто плодит детей для нашего цивилизованного государства.

Как мне сейчас известно, Удропп купил меня за 18 долларов 09 центов, причем 3 доллара 09 центов у него взяли за одеяло, в которое он меня упаковал. Так что круглая мне цена 15 долларов.

Представляете, с какой скоростью Удропп прокатил меня от морга до своего коттеджа в Грин-Вэли! Если бы не эта скорость, плакали бы его денежки. Вместо меня ему досталось бы несвежее одеяло плюс расходы на мои похороны!

Меня оживили по всем правилам: влили три литра крови, впрыснули адреналин, куда-то накачали глюкозу с рыбьим жиром, обложили грелками и опу-

тали электрическими проводами. Затем Удропп выключил электрический ток, и я начал дышать без посторонней помощи, а сердце забилося как ни в чем не бывало.

Я открыл глаза и увидел Удроппа и рядом с ним девушку.

— Как самочувствие? — спросил Удропп, тип в белом халате, с физиономией человека, занимающегося ради собственного удовольствия убоим крупного рогатого скота.

— Спасибо, сэр. Хорошо, сэр. Кто вы такой, сэр?

— Я не сэр, а Удропп, Гарри Удропп, доктор медицины и социологии, почетный член Института радиоэлектроники, — прорычал Гарри. — Есть хотите?

Я кивнул головой.

— Принесите ему тарелку супа.

Девушка вспорхнула со стула и скрылась. Гарри Удропп бесцеремонно задрал кверху мою рубашку и при помощи шприца влил в меня какое-то химическое вещество.

— Теперь вы совсем живой, — сказал он.

— Да, сэр.

— Гарри Удропп.

— Да, сэр Гарри Удропп.

— Я надеюсь, у вас не очень развиты интеллектуальные способности?

— Надеюсь, нет.

— Где вы учились?

— Почти нигде. Кончил что-то вроде университета. Но это так, между прочим.

Про себя я решил, что Гарри меньше всего нуждается в людях с высшим образованием.

— Гм. Чему вы там учились?

Я решил, что в моих интересах ничему там не учиться.

— Играть в гольф, танцевать, ловить рыбу, ухаживать за девушками.

— Это хорошо. Только не вздумайте ваши знания применять к Сюзанне.

— А кто это?

— Девушка, которая пошла за вашим ужином.

— Уже ночь?

— Нет, уже позавчерашний день. И вообще какого черта вы задаете вопросы!

Я решил, что бывшему мертвецу неприлично задавать много вопросов Гарри Удроппу, доктору и так далее, почетному члену Института радиоэлектроники.

2

Сюзанна сказала:

— Вы будете участвовать в испытании модели «Эльдорадо». Кстати, как ваше имя?

— Гарри.

— Плохо. Босс не любит, когда, кроме него, есть еще какой-нибудь Гарри. Вы не ошиблись? После смерти это бывает.

— А что такое «Эльдорадо»? — спросил я.

— Это мир счастья и процветания, достатка и социального равновесия, мир без коммунистов и безработных.

— У вас это здорово получается! Как у дикторши из «Нейшнл видео».

— В «Эльдорадо» вам отводится важная роль.

— Вот как. Какая же?

— Вы будете рабочим классом.

— Кем, кем?

— Не кем, а чем. Пролетариатом.

Я подумал и спросил:

- Вы уверены, что я воскрес?
- Вполне.
- А какую роль в «Эльдорадо» отводят вам?
- Я буду обществом предпринимателей.
- Сюзанна вышла, и вошел Гарри Удропп.
- С сегодняшнего дня мы вас кормить не будем.
- Чудесно! Вы исследуете процесс умирания от голода? — спросил я.
- Старо.
- И все же как я буду питаться?
- Вам нужно будет поступить на работу.
- Вы еще не выбросили одеяло, в котором меня можно увезти обратно?
- В моем высокоорганизованном обществе найти работу не будет проблемой.
- Мне придется долго ходить и искать. Я не выдержу.
- Вам никуда не придется ходить.
- А как же?
- Вам нужно будет нажимать только кнопки. Когда вас примут на работу, появится зарплата, а появится зарплата, появится еда.
- Ведите скорее меня к этой кнопке!
- У вас еще не подготовлен психологический фактор. Вы не сможете нажимать кнопку с должным энтузиазмом.
- Я буду ее нажимать с любым энтузиазмом!
- Для чистоты опыта нужно поголодать еще пару часиков.
- Я буду жаловаться!
- Вы не будете жаловаться, потому что вас нет.
- Как так?
- Вы же умерли.

«Эльдорадо» — это три огромные машины в разных углах обширного зала. Они соединены между собой проводами и кабелями. Одна машина отделена стеклянной перегородкой. Гарри Удропп сел за пульт в центре зала и сказал:

— Шизофреники, профессора и сенаторы пытаются усовершенствовать наше общество при помощи комиссий и подкомиссий, докладов добровольных комитетов и фондов, экономических конференций и министерства социальных проблем. Все это чепуха. Достаточно четырехсот двух триодов, тысячи пятисот семидесяти шести сопротивлений и двух тысяч четырехсот девяноста одной емкости, и вся задача решается. Вот схема организации нашего общества на сегодняшний день.

Гарри Удропп развернул передо мной и Сюзанной синьку с радиосхемой.

— Справа — блок «производства», слева — блок «потребления». Между ними положительная и отрицательная обратная связь. Заменяя радиолампы и прочие детали «общества», можно добиться того, что система не будет попадать ни в режим сверхрегенерации, ни в режим затухающих колебаний. Когда я этого добьюсь, проблема будет раз и навсегда решена!

Объясняя свой гениальный замысел, Гарри Удропп размахивал руками и вертел головой — такая у него, видно, была привычка.

— Но я предусмотрел нечто большее, — продолжал он. — Я ввел в схему человеческий элемент, который нерационально и слишком дорого заменять эквивалентным электронным роботом с ограниченной памятью. Эту функцию будете выполнять вы. — Гарри

показал пальцем на меня. — И вы, — сказал он, обращаясь к Сюзанне.

Затем он заложил наконец руки за спину и четыре раза обошел вокруг пульта.

— Здесь, — он грохнул кулаком по крышке пульта, — мозг нашего «общества», его «правительство». Наверху неоновая лампа выполняет функции президента, то есть стабилизирует напряжение. Вот и все.

Мы с умилением посмотрели на президента, который светился розовым огоньком.

— А теперь за работу! Вы марш в «производство», вы — в «потребление».

«Оригинальный случай увлечения электронным моделированием, — подумал я. — В университете профессора нам говорили, что при помощи радиоэлектроники можно построить модели чего угодно: черепах, станков, межпланетных кораблей и даже модель человека. Гарри Удропп построил электронную модель нашего государства. И не только построил, но решил его усовершенствовать, предложить «гармоническую» структуру нашего общества. Интересно, что у него из этого получится?»

Я подошел к машине справа, Сюзанна скрылась за стеклянной перегородкой в блоке «потребления».

— Что я должен делать? — спросил я.

— То, что и в жизни. Работать.

— Это здорово! Я голоден, как гиена!

— Прежде всего в сфере производства нужно получить работу.

— Как?

— Нажимай белую кнопку справа.

— А что будет делать она? — я кивнул в сторону Сюзанны.

— То, что делают предприниматели.

Я застыл перед огромным металлическим шкафом. На передней стенке блестели шкалы приборов, в разных местах выступали разноцветные кнопки, рубильники и рычаги. Здесь с помощью электрической энергии создавались «модели» материальных ценностей», и эти ценности циркулировали по проводам между «сферой производства» и «сферой потребления»!

Я нажал белую кнопку.

— Ваша специальность? — рывкнула машина.

«Ого, совсем как в жизни! Машина даже интересуется моей специальностью!»

— Художник...

— Не требуется.

Я в недоумении посмотрел на Удроппа,

— Мне тоже нажать белую кнопку? — спросила Сюзанна.

— Конечно.

— И что будет?

— Получите «прибавочную стоимость», запасенную в схеме.

У Сюзанны щелкнуло реле.

Я опять нажал белую кнопку.

— Ваша специальность?

— Зубной врач.

— Не требуется.

В это время Сюзанна нажала свою кнопку, и автомат выдал ей пакет.

— Специальность? — тупо спросила меня машина.

— Механик.

— Зайдите через месяц.

Электронное «производство» работало отлично. Сколько раз до того как я попал к Удроппу, я ходил в поисках работы и слышал такие же вопросы и такие же ответы.

— Так дело не пойдет, босс, — обратился я к Удроппу.

— Отвернитесь, я надену новое платье! — крикнула Сюзанна.

— Босс, я не могу ждать месяц!

— Попробуйте еще. Я уменьшил отрицательное смещение на сетку генераторной лампы «спроса на рабочую силу».

Сюзанна нажала кнопку, но автомат ей ничего не выдал.

— В чем дело? — запротестовала она.

— Когда он, — Гарри кивнул на меня, — создаст «прибавочную стоимость», ваш автомат снова включится. Сейчас наступила фаза «накопления капитала».

Я нажал белую кнопку.

— Специальность?

— Грузчик.

— Берем!

Из машины прямо мне в живот вылез рычаг.

— Работайте! — крикнул Гарри из-за пульта.

— Как?

— Ворочайте рычагом вверх и вниз.

Я начал ворочать рычагом. Он ходил очень туго.

— И сколько времени я должен это делать?

— До получения зарплаты.

— Как это?

— В ящик под вашим носом вывалятся жетоны. На них вы сможете есть, пить и развлекаться.

Я ворочал рычагом, пока рука не заныла. На секунду я остановился.

— Что вы делаете? — заорал Гарри.

— Хочу отдохнуть.

— Вас уволят!

Я схватился за рычаг и стал лихорадочно нагонять упущенное.

Мысленно я представил себе электронный блок, который мог меня «уволить». Наверное, двигая рычагом, я создавал электрические заряды, которые при помощи реле удерживали его в рабочем состоянии. Стоило мне прекратить работу, как срабатывал механизм, который убирал рычаг внутрь шкафа.

— Ага! Мой автомат заработал! — сказала Сюзанна.

— Босс, когда же зарплата?

Удропп возился с «президентом». Не глядя на меня, он проворчал:

— Я слежу за приборами. Прибыль должна быть максимальной.

— Когда я получу свои жетоны? — повторил я.

— Когда анодное напряжение, которое вы создаете на конденсаторе, отопрет тиратрон.

— Есть хочется...

— Плохо работаете. Каждый взмах всего полтора вольта. Быстрее качайте.

Сюзанна снова включила свой автомат. Ей досталось второе платье.

— Я не хочу больше платьев, — сказала она.

— А что?

— А то, что вы обещали. Нейлоновую шубу.

— Сейчас я прибавлю еще отрицательное смещение на сетку и сниму часть напряжения с его конденсатора на ваш автомат.

Так я и знал! В схеме Удроппа роль капитала выполняет электроэнергия. Она-то и перекачивается из моей «сферы производства» в «сферу потребления», в карманы «общества предпринимателей». Моделями карманов были конденсаторы и аккумуляторы.

— Ну, это слишком! Какого черта все только для нее!

Автомат щелкнул. В ящике перед моим потным носом затарахтели жетоны.

— Берите свою «зарплату».

Я достал пять медных жетонов.

— Что я должен с ними делать?

— Идите в «сферу потребления» и пользуйтесь автоматом.

Я забежал за перегородку.

— Пролетариат! — весело воскликнула Сюзанна.— Вам вон в тот автомат, рядом.

Я получил миску супа, холодную котлету и кружку пива.

И то слава богу!

Мой первый рабочий день кончился. Сюзанна с воровым тряпок пошла спать.

Что-то будет завтра!

4

Когда утром я прошел в «сферу производства», моего рычага не было. Сюзанна сидела в кресле рядом с «президентом» и пила пиво.

— В чем дело? — удивился я.

— Вас уволили, — сказала она и кивнула на настенные часы.

Они показывали пять минут девятого.

— За что меня уволили?

— За опоздание. Попробуйте снова получить работу.

— Откуда у вас пиво?

— Это за ваши жетоны. Они теперь мои.

Никогда не видел подобной наглости!

— Специальность? — спросила машина.
— Грузчик, — не думая, ответил я.
— Плохая рекомендация, — сказала машина и умолкла.

Машина, оказывается, обладает памятью! Она взяла на заметку факт моего увольнения за опоздание на работу. Опять все как в жизни. Может быть, в этих электронных моделях экономических и социальных структур и есть какой-то разумный смысл? И все же я не мог согласиться с тем, что такое чрезвычайно сложное явление, как жизнь многих миллионов живых людей в обществе, можно достаточно точно изобразить при помощи радиоламп, транзисторов, сопротивлений и реле...

Я стал думать, что мне делать. Мой взгляд упал на электронный мозг.

Если в нем сосредоточено все управление электронной моделью, почему бы не попытаться «усовершенствовать» ее по-своему?

— Вы не ябеда? — спросил я Сюзанну.

— А что?

— Я хочу попытаться усовершенствовать «общество».

— Пожалуйста.

Я подошел к пульту управления и наобум повернул первую попавшуюся ручку. После еще и еще. Их здесь было около сотни. Машины дико взревели. До этого едва теплившийся «президент» стал пылать, как стеариновая свечка. В надежде, что мой рычаг все-таки вылезет, я вытащил «президента» из гнезда и спрятал в карман. В этот момент вошел Удропп.

— Ага, бунт! Это хорошо! Покушение на правительство! Чудесно! А где стабилизатор напряжения? Ликви-

дация верховной власти? Прекрасно! Верните «президента».

Я возвратил неоновую лампу.

— Мы предусмотрим и этот человеческий элемент. Я заэкранирую правительство сеткой и подведу к ней высокое напряжение. Две тысячи вольт хватит. «Президента» мы спрячем в колпак и подведем к нему пять тысяч вольт. Вот так. Таким образом, государство будет гарантировано от внутренних беспорядков.

Я стоял уничтоженный. Гарри Удропп подводил к электронному мозгу высокое напряжение.

— Дайте хоть какую-нибудь работу, — взмолился я,

— А ну-ка попробуйте сейчас, пока я не установил все потенциометры в прежнее положение.

Я нажал кнопку спроса рабочей силы. Репродуктор ни с того ни с сего запел голосом Джонса Паркерса «Как счастливо ты умирала в объятьях моих голубых...». Из машины вылез не один, а сразу три рычага, и они сами, без посторонней помощи, стали качаться вверх и вниз. Жетоны посыпались в коробку, как из рога изобилия!

— Босс, вот удача! Кажется, «Эльдорадо» получилось! — воскликнул я, выгребая медные кругляшки из коробки.

— Черта с два, — прохрипел Гарри. — В сфере потребления ничего нет. Пусто.

Я помчался за перегородку к автомату и сунул жетон. Никакой реакции. Сунул второй. Молчание.

— Н-да. Производство просто сошло с ума.

Электроника Гарри Удроппа, видно, работала только в строго определенном режиме. Модели производства и потребления балансировали на точке неустойчивого равновесия. Стоило машину вывести из этого режима, и она

превращалась в нелепый клубок радиосхем, который делал что попало.

Гарри установил потенциометры как нужно, и все рычаги, кроме одного, упрятались в машину. Джонс Паркерс перешел на контральто, затем на колоратурное сопрано и умолк на ноте «ля» седьмой октавы. Я ухватился за оставшийся рычаг и стал его усердно качать, чтобы восстановить свою добрую репутацию.

— Отдайте жетоны, — сказал Гарри.

— Зачем?

— Они достались вам даром. Так не полагается.

— А почему ей все достается даром? — указал я на Сюзанну, которая уснула в кресле.

— Не задавайте глупых вопросов и отдайте жетоны.

Два жетона я все же припрятал!

Весь рабочий день Сюзанна проспала, а я к вечеру заработал еще семь медяшек. Удропп обезопасил за это время «правительство» и несколько раз снимал напряжение с моего конденсатора. Вообще он возился со своей машиной очень усердно. Впоследствии Сюзанна мне сказала, что за проект «Эльдорадо» Гарри отхватил хороший куш.

Теперь я был умнее и на еду истратил только два жетона. Это был почти голодный паек, но я понял, что нужно думать и о черном дне!

5

Утром следующего дня я застал Сюзанну с заплаканными глазами.

— Почему ревет общество предпринимателей? — ссехидничал я.

На работу я вышел рано. Позвякивавшие в кармане

жетоны оказывали благотворное влияние на мое настроение.

— Это свинство! — сказала Сюзанна.

— Что?

— Он все у меня отобрал. И платье, и белье, и шубу.

— Кто?

— Удропп.

— Почему?

— Чтобы все начать сначала. Он их снова упрятал в автомат.

Я бросил рычаг и подошел к Сюзанне. Мне стало ее жалко.

— Мне не очень нравится эта игра, — сказал я.

— Ничего, Гарри добьется, что будет гармония.

— Я не знаю, что это такое. Но только свинство отбирать то, что тебе дали.

Вошел Удропп.

— Что это за идиллия? Марш по местам! Я, кажется, слишком увеличил потенциал на тиратроне. Вы ничего не делаете, и вас не уволили.

— Одну секундочку, босс!

Я кинулся к рычагу, но поздно. Он исчез. Довольный Удропп захихикал.

«Черт с тобой, на сегодня у меня есть жетоны». Сюзанна насупилась и больше не пользовалась своим автоматом. Я нехотя нажимал белую кнопку, перебирая разные специальности. Никто не нужен. Неужели наше общество насытилось и врачами, и педагогами, и техниками, и поварами? Я еще раз нажал белую кнопку.

— Специальность?

— Журналист.

— Берем.

Я остолбенел. Из машины вылез стол с пишущей машинкой. Ну и Гарри! Даже до этого додумался!

— Пресса в нашем обществе доходное дело, — сказал Удропп. — Вы будете получать тем больше, чем с большей охотой Сюзанна будет читать ваши сочинения. Итак, начинайте.

Удропп вышел.

Я сел за машинку и задумался. Затем я начал:

«Экстренное сообщение! Небывалая сенсация! В результате радиоактивных мутаций появились новые виды животных! Говорящие ослы! Собаки-математики! Обезьяны-гомеопаты! Поющие свиньи! Петухи, играющие в покер!»

— Чуть какая-то, — сказала Сюзанна, вытаскивая из своего автомата лист бумаги. — Если так будет продолжаться, я не буду читать, и вы умрете с голоду.

— Не нравится? — спросил я.

— Нет.

— Хорошо, я попробую другое.

«Небывалая сенсация! 18 миллиардеров и 42 миллионера отказались от своих миллиардов и миллионов в пользу рабочих...»

— Послушайте, Сэм, или как вас там! Я больше читать вашу белиберду не буду.

— Еще одна попытка.

— Не буду.

— Ну, пожалуйста, Сюзанна.

— Не хочу.

— Ну, Сузи!

— Не смейте меня так называть, слышите!

Я напечатал:

«Сузи, вы чудесная девушка. Я вас люблю».

Она ничего не сказала.

«Я вас люблю. Вы это читаете?»

— Да, — тихо ответила она. — Продолжайте.

«Я вас полюбил с того момента, как воскрес. Все время, пока мы занимаемся этим идиотским проектом, я думаю, как нам удрать вдвоем. Вы и я. Хотите?»

— Да, — тихо ответила она, вытаскивая лист бумаги из автомата.

«И вот что я придумал. Как-никак, а у меня есть специальность. Мы уйдем от Удроппа и попытаемся найти настоящую работу, а не эту электронную чепуху. Вдвоем нам будет легче. Честное слово, после того как я вас увидел, я пришел к выводу, что резать вены глупо».

— Я тоже так думаю, — шептала Сузи.

Вошел Удропп.

Он посмотрел на свои приборы и щелкнул пальцами.

— Ага! Дело, кажется, идет! Напряжение стабилизировалось! Сдвигов фаз нет! Мы близки к гармонии между производством и потреблением.

— Конечно, босс, — сказал я. — Должно же наше общество когда-нибудь зажить как следует.

— Продолжайте в том же духе, а я все это нанесу на схему, — сказал он, выходя из зала.

«Сегодня ночью давайте встретимся здесь. Мы выскочим в окно».

— Хорошо...

До конца дня я сочинил около десятка идиотских сообщений и заработал кучу медяков. Сюзанна исправно отрывала листы бумаги, демонстрируя электронному истукану свою заинтересованность в моей продукции. Гармония была полная, и Гарри Удропп лихорадочно снимал схему «Эльдорадо», чтобы продать ее за миллион долларов. Она этого стоила, потому что в ней был учтен человеческий элемент!

На весь заработок я набрал бутербродов и спрятал их в карманах.

Ночью, пробираясь к окну, я и Сюзанна остановились у «общества предпринимателей».

— Ты вчера ни разу не пользовалась своим автоматом.

— Если бы я пользовалась, ты бы заработал меньше.

— Хочешь, мы заберем платья и шубу?

— А ну их к черту.

— Я могу Удроппу оставить записку, что это сделал я. Все равно меня нет.

— Не нужно. Так будет легче идти.

Мы вылезли в окно, перемахнули через ограду и оказались на широкой асфальтовой дороге, ведущей в большой город. Над ним неистово пылало оранжевое небо. На мгновение Сюзанна прижалась ко мне.

— Не бойся. Теперь мы вдвоем.

Я ее обнял, и мы зашагали вперед. Только один раз я остановился у электрического фонаря и, посмотрев в доверчивые глаза девушки, спросил:

— Сузи, а как ты попала к Удроппу?

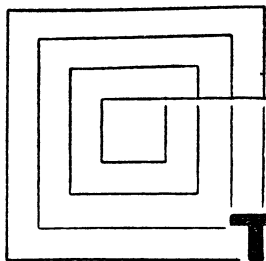
Она слабо улыбнулась, вытянула левую руку и, подняв рукав, показала мне запястье. На белой коже резко выступал продолговатый малиновый рубец.

— Так и ты?..

Она кивнула.

И вот мы идем, два человека, которых нет в этом страшном мире...

Пятое состояние

Тонкая неподвижная струя воды протянулась от никелированного крана к самому дну белоснежной раковины. Струя застыла. Свет от настольной лампы серебрил одну ее сторону, и казалось, что это не хрупкая нитка воды, а твердая стеклянная палочка. Только у самого дна раковины струя разбивалась на мелкие капельки, разлетавшиеся во все стороны с едва слышным шорохом. В углу кабинета торопливо цокали оставленные кем-то на столе часы...

Тишина была поразительная. Даже не верилось, что находишься в здании, где вокруг тебя сотни людей.

Я смотрел на струйку воды и вспоминал все подробности сегодняшнего разговора с Андреем Бергером. Мы спорили о том, что такое жизнь, и я упорно возражал против его концепции, что все проявления жизни можно свести к физическим и химическим законам. Я верю, что есть что-то еще...

— Ну что, что? — горячился он.

— Не знаю!

— Хороша наука! Жизнь зиждется на законах физики, химии и... «не знаю»!

Терпеть не могу таких самоуверенных людей. Для Андрея все объяснимо «в принципе». Все явления

природы он пытается свести к известным формам движения материи. Ньютон сформулировал закон всемирного тяготения, хотя самое тяготение нисколько не похоже на обычные механические процессы. Он вынужден был признать, что Солнце притягивает Землю через миллионы километров пространства без бечевки и рычагов. И только потому, что он не знал, как это происходит, он оставил место для бога.

— Ты еще не Ньютон, — сказал я Бергеру, — а повторяешь его ошибки.

— Громко сказано! — возразил он. — Если ты в своих научных исследованиях оставляешь место для чего-то, что науке неизвестно, то грош цена этим исследованиям.

И тогда я вспомнил академика Опарина.

— А не кажется ли тебе, мой дорогой, странным, что жизнь является прежде всего явлением поточным?

— Что это такое?

— А то, что в организм непрерывным потоком поступают вещества и также непрерывно его покидают, и когда этот обмен веществ кончается, наступает смерть.

— Вот открытие! В топку обыкновенной паровой машины непрерывно поступают вещества и непрерывно из нее выбрасываются!

— Вся суть в том, какие вещества поступают в топку и какие — в организм.

— Не понимаю.

— Для того чтобы ты мог нормально жить и работать, твой организм в сутки требует около трех тысяч калорий энергии. Вот иди к бензоколонке и заправляйся бензином. Не нравится? Почему? Чем калории в бензине хуже калорий в хлебе и в масле?

...Жизнь — поточное явление. Вот передо мной застыла струя воды. Кажется, она неподвижна и мертва.

А в действительности этот «поток» составляет основу ее существования... Стоит закрыть кран, и жизнь струи прекратится.

И вдруг, как бы угадав мою мысль, кто-то протянул руку через мое плечо и резко завернул кран. На моих глазах струя затрепетала, разорвалась на мелкие клочки, затем на капельки и исчезла.

— Сестра, завтра вызовите водопроводчика. С краном что-то не в порядке.

Я повернулся. Передо мной стоял высокий, уже не молодой мужчина в белом халате. Его усталые глаза внимательно смотрели на меня, а руки медленно скручивали и раскручивали трубку фонендоскопа. Из двери справа медицинская сестра выкатила небольшой столик со стеклянной крышкой, на котором стояли склянки с лекарствами и лежали медицинские инструменты.

— Так это, значит, вы и есть Самсонов? — спросил меня доктор.

— Да. Разве вы меня знаете?

— В некотором роде. Мне о вас рассказала ваша подруга.

— Как она себя чувствует? Что у нее? — с тревогой спросил я.

— Что у нее, пока неизвестно, а чувствует она себя в общем удовлетворительно. Удовлетворительно для больного, конечно, — поправился он.

— Можно мне ее видеть?

Доктор посмотрел на часы и кивнул головой.

— Только недолго. Она устала. И вообще поговорите с ней о чем-нибудь... э... интересном. О театре, о футболе. Понимаете?

— О работе можно?

Доктор отошел в сторону и посмотрел в окно.

— Только не в очень глубоком философском плане. Вы работаете у профессора Карнова? Я знаю его работы. Вы как будто бы занимаетесь конструированием живой клетки?.. В общем, идите...

Он снова повернулся ко мне и, тронув за плечо, подтолкнул к двери, за которой лежала Аня.

В палате царил полумрак. Горела только маленькая настольная лампочка. Окна были плотно зашторены. У стены стояла узкая кровать. Я с трудом разглядел только верхнюю часть лица, и сияющие глаза Анки.

— Ну иди же скорее! — услышал я ее голос.

Я подошел к кровати, сел возле нее, взял ее немного влажную руку.

Мы молчали минуту-другую, не зная, о чем говорить...

— Как мне здесь надоело! — нарушила гнетущую тишину Аня.

— Доктор говорит, что у тебя состояние удовлетворительное.

Она грустно улыбнулась.

— Все это чепуха. Лучше расскажи, что делается за этими стенами.

— Ну, значит, так...

И я начал рассказывать ей обо всем, что произошло за это время у нас в институте. Я говорил торопливо, сбивался и больше всего боялся остановиться. Я заставлял себя улыбаться, глядя прямо в большие печальные глаза Анки: появилось в этих глазах что-то такое, что заставляло сжиматься мое сердце всякий раз, когда я на мгновение умолкал.

— Притащили трансформатор. Штука весом в семь пудов. Целый день ворочали его рычагами первого и второго рода, пока не установили в углу, возле высоко-

вольного щитка. И что ты думаешь? Появляется начхоз и заявляет, что именно в этом месте допустима наименьшая нагрузка на пол. По его расчетам, трансформатор неминуемо должен провалиться в кабинет директора. Вот было проклятий! А Мишка Грачев собрал макет радиоспектрографа. Запустил. Меряет, как полагается. Мы уже решили коллективно купить ему подарок: расческу! Ты ведь знаешь, в каком порядке у него волосы! И вдруг Бергер делает потрясающее научное открытие: все вещества от куска хлеба до фарфоровой чашки совершенно одинаково поглощают радиоволны. Оказывается, генератор Грачева вместо трех сантиметров генерировал волны в полтора километра!

Анка слушала мой рассказ, не сводя с меня своих умных огромных глаз.

— Сережа, ты меня еще любишь? — прошептала вдруг она.

Я склонился над ней и крепко поцеловал ее сухие губы.

— Значит, ты меня никогда не забудешь, правда?

— Что ты, Анка? Вот только ты вырвешься из этой норы и... свадьба! Правда?

— А если не вырвусь?

— Это почему же? Ну-ка, привстань, я посмотрю на тебя. Что-то я не помню, чтобы мой задиристый комсорт говорил таким голосом.

Я обнял ее и приподнял над подушкой. Жесткая больничная рубашка была завязана веревочками спереди...

— У вас все ходят в таких балахонах? Хочешь, я куплю тебе шелковый?

— Сережа, у меня такое чувство, будто я никогда отсюда не выйду.

У меня перехватило дыхание.

— Это почему же?

Она облизала губы. Я чувствовал, как тяжело ей говорить.

— Как бы тебе сказать... Во внимательности, в задушевной теплоте врача, сестер ко мне ощущается что-то необычное... Я боюсь, когда доктор подходит ко мне... Он садится на край кровати, долго смотрит мне в глаза и каким-то щемящим, ласковым голосом спрашивает о моем самочувствии. И говорит он не то, что обычно говорят больным. А так, всякую всячину. А сам все время смотрит куда-то в сторону... Знаешь, меня ничем не лечат... То есть почти ничем... Вон там микстура Бехтерева. А эти пилюли — люминал. И все...

Я встал и прошелся по комнате.

— Это безобразие! — возмутился я. — Нужно учинить скандал!

— Сергей, прошу тебя, не нужно... Значит, так надо. Может быть, всякое лечение бессмысленно...

В это время тихонько отворилась дверь и вошла медицинская сестра.

— Молодой человек, ваше время истекло.

Я умоляюще посмотрел на Аню.

— Пора, пора! Прощайтесь. Уже поздно.

— До свидания, Сережа, — тихо сказала Аня и протянула мне руку.

— До свидания. Не волнуйся, родная! Все будет хорошо.

Закрывая дверь, я слышал, как сестра говорила:

— А теперь, миленькая, прими эти таблетки и постарайся уснуть. Сон — самое лучшее лекарство.

Я остановился у раковины и посмотрел на кран, из которого теперь капали большие редкие капли воды.

Коридор больницы показался мне бесконечно длинным. Как здесь было тихо!

В нашей лаборатории довольно тесно: два вакуумных поста расположились посредине комнаты, радиоспектрограф, собранный Мишей Грачевым, — на большом физическом столе; в углу, справа от двери, установка для парамагнитного резонанса. Слева в стене глубокая ниша. В ней лабораторный электронный микроскоп. Но это еще не все. В соседней комнате есть все для спектрального анализа. Там стоит чудесная саморегистрирующая машина для инфракрасной области. Георгий Алексеевич Карнов, наш руководитель, создал гибрид из двух приборов — спектрографа и микроскопа. Теперь мы можем изучать спектры микроскопически малых объектов.

Химическая группа лаборатории разместилась на противоположной стороне коридора. В ней занимаются анализом и синтезом, хроматографией и ионообменной дистилляцией. Там установлены ультрацентрифуги и ионообменные колонки. Мой рабочий стол находится рядом с электронным микроскопом, хотя к нему я не имею никакого отношения. Моя область — парамагнитный резонанс. Я не физик, а биолог.

Вначале ребята приняли меня в свой коллектив с недоверием. Чувствовалось, что про себя они думают: «Вот затесался среди нас лягушатник». Не обошлось и без насмешек. Смеялись над тем, как я путался в элементарных физических понятиях. Но тут на выручку пришла Аня.

— Вот, начинайте с этого, — сказала она строго и протянула мне учебник физики, тот самый, по которому мы сдавали этот предмет в университете и который, к сожалению, так плохо знали, потому что это был «не основной предмет».

Скрепя сердце я принялся его изучать. Аня была строгим педагогом, более строгим, чем те, кому я сдавал физику на втором курсе. Несколько раз меня «отсылали», и я зубрил все сначала. Был случай, когда мой милый «профессор» пригрозил поставить вопрос о моей «техучебе» на комсомольском собрании. Мне было очень неловко.

Наши занятия происходили после того, как работа в лаборатории заканчивалась. Работу со мной Аня называла «нагрузкой», ради которой она пропускала уроки художественной гимнастики.

Аня любила, прохаживаясь по комнате, менторским тоном говорить что-нибудь вроде:

— Закон Фехнера — Вебера является основным биологическим законом, управляющим реакциями организма. Раздражение растет в геометрической прогрессии, а возбуждение — в арифметической. Объясните, почему это так.

Мое истинное прозрение произошло в тот день, когда привезли установку для изучения электронного парамагнитного резонанса. Это был уникальный прибор, созданный экспериментальными мастерскими по проекту профессора Карнова, макетированному Мишей Грачевым. На нем можно было исследовать магнитные свойства одной, отдельно взятой живой клетки.

Прибор установили днем, а вечером я и Аня остались заниматься. И вдруг она сказала:

— Давай испытаем прибор!

— Ты с ума сошла! Испортим что-нибудь.

— Чепуха, не испортим. Я знаю, как он включается.

— Георгий Александрович рассердится!

Она лукаво подмигнула — совсем как школьница — и шепнула:

— А он и не узнает.

Она разобрала шнуры и кабели, проверила схему, подключила какие-то концы к силовому щитку, микроскоп — к телевизору, а магнитометр — к осциллографу.

— Теперь давай возьмем какой-нибудь интересный препарат, — предложила она.

— Какой?

— Что-нибудь живое. Что у нас есть живое, Сережа?

— Что угодно. В термостате хранится культура *bacila coli*.

— Давай твою «коли».

Пока я устанавливал под микроскопом предметное стекло, Аня включила телевизионный экран и осциллограф. Вскоре на экране появилось изображение бактерий в питательном бульоне...

— Вот эту мы и исследуем, — сказала она взволнованно.

Препарат покрыли колпачком и подключили к нему волновод. Загудел генератор. Бактерия оказалась под воздействием высокочастотного и постоянного магнитных полей. На экране осциллографа зеленая точка выписывала странную кривую.

— А что теперь будет? — спросил я.

— А я не знаю. Посмотрим.

Мы сели и уставились в экран телевизора.

Вдруг бактерия стала набухать, вытянулась, ядро заколыхалось.

— Что это с ней? — удивленно спросила Анка.

— Сейчас наступит митоз, — сказал я.

— Что это такое?

Я посмотрел на нее насмешливо.

— Знаешь, освоив физику, я займусь с тобой биологией.

Вдруг она схватила меня за руку и зашептала:

— Гляди, гляди, что творится на осциллографе!

По мере того как протекал процесс деления клетки, кривая на осциллографе стала резко меняться, стала четче, выпуклее, и в тот момент, когда ядро бактерии разделилось пополам, электронный зайчик ярко вспыхнул и взметнулся за пределы экрана, оставив после себя сияющий зеленый след.

Деление клетки закончилось, и зеленая точка вернулась на прежнее место.

— Здорово! — восхищенно прошептала Аня. — Подождем еще, пока повторится митоз.

Мы терпеливо ждали, и за это время бактерия пертерпела еще несколько делений, и всякий раз, когда ядро клетки раздваивалось, на осциллографе начиналась странная пляска электронного луча...

В тот памятный вечер я не мог объяснить, что же происходило. Самое поразительное явление жизни — деление клетки — каким-то образом сопровождалось всплеском напряжения на осциллографе, который измерял магнитные свойства живой материи... Уже тогда я подумал, что если будет найдена разгадка этого явления, тем самым будет открыта великая тайна жизни, самая ее сокровенная сущность, над которой поколения ученых бесплодно ломают голову.

И вот сейчас проделаны сотни опытов, исследована тончайшая химическая и физическая структура живой материи, все содержимое клетки — ядро, цитоплазма, митохондрии, оболочка — проанализировано до мельчайших деталей, до последнего фермента, все составные вещества, входящие в живую клетку, выделены в чистом виде. Для нас не осталось никаких структурных загадок строения живого вещества, а проблема жизни стала еще более темной, туманной, неясной...

В начале исследований Георгий Александрович Карнов говорил, что все дело в структуре, в точном анализе.

Он верил, что момент установления точного химического состава всех структурных элементов живой клетки будет моментом познания сущности жизни, что воспроизведение этого состава искусственным путем автоматически приведет к воссозданию жизни в условиях лаборатории. И что же? Сейчас все это мы имеем. Все до последней молекулы воды, роль которой, как переносчика электронной энергии, мы установили. И все равно мы не знаем, что такое жизнь.

Наша лаборатория... После посещения больницы она показалась мне особенно тесной и душной, установка для изучения парамагнитного резонанса — бессмысленной и никому не нужной, приборы, блесквшие своими корпусами и оптикой, — дорогостоящей бутафорией для спектакля, в правдивость которого никто не верил.

Во всех группах нашей лаборатории кропотливо и упорно трудились люди. Биохимики-аналитики пропускали разогнанные на ультрацентрифугах фракции через хроматографические колонки. Биохимики-синтетики при помощи микроманипуляторов соединяли эти фракции вместе в том же порядке, в каком они отделялись от клетки. Под микроскопом они создавали тонкую уникальную структуру, которая была точной копией только что разорванной на части бактерии. И после того как конструкция клетки заканчивалась, ее переносили в питательную среду. Но жизнь не возрождалась. Подвергнутые анализу бактерии безвозвратно погибали...

Биофизики терзали кроликов и белых мышей, вставляя в клетки мозга электроды и записывая на магнитную ленту электрические импульсы управления. Рядом сидели лаборанты, которые то же самое пытались проделать с искусственно построенной клеткой и в сотый раз убеждались, что никаких электрических сигнала

лов, так обильно сопровождавших процессы жизни, в искусственных клетках нет...

— Черт возьми! — кричал Аркадий Савко, наш ведущий биолог. — Мы же ничего искусственного не делаем! Мы же берем все готовое, природное. Мы все это складываем точно так, как в живой клетке. И какого черта она не живет? Вы можете мне объяснить такое хамство?

Иногда мы думали, что в процессе анализа живого вещества что-то разрушается, что после длительных операций с культурами бактерий их химический состав необратимо изменяется. Но после того как был разработан повременный метод анализа, когда в результате мгновенного испарения бактерии в вакууме мы получали точную картину структуры на масс-спектрографе, все сомнения исчезли. Нет, в процессе анализа мы ничего не разрушали.

Синтез не получался.

— Мало построить клетку. Нужно еще вдохнуть в нее жизнь. Что значит вдохнуть в нее жизнь? — мучился профессор Карнов.

На другой день после посещения Ани меня встретил Володя Кабанов, биолог из группы Савко.

— Ну, как Анна, поправляется?

Я ничего не мог ответить. Воспоминание о посещении Анки заставляло больно сжиматься сердце.

— У нее плохое настроение, — сказал я. — Очень плохое. Она не знает, в чем заключается ее болезнь. Ей упорно об этом не говорят. Мне тоже не сказали...

— Может быть, запросить больницу официально, через дирекцию?

— Пожалуй, это идея.

— Хорошо, — сказал Володя, — сегодня я поговорю с директором. А ты носа не вешай. Понял?

Я вернулся в свою комнату и застал там Бергера в сильном возбуждении.

— Смотрите, читайте, завидуйте! — прокричал он, сунув мне в лицо последний номер «Докладов Академии наук».

— Что здесь?

— Вот первое. Статья Фельда о парамагнитном резонансе натурального белка. А вот статья Волкова. Термодинамический расчет процесса редупликации ядра живой клетки. Оказывается, процесс деления должен идти сам, если молекулярный вес кислоты будет достаточно большим. Ясно?

— Ясно. А почему же он не идет в искусственной клетке?

— В какой искусственной?

Я разозлился.

— Вот что, Бергер. Если ты не будешь знать, что делается в соседних группах, грош цена твоим теоретическим изысканиям. Понимаешь ты, чистый теоретик, что клетку мы уже слепили полностью, молекула за молекулой. Но она не хочет жить!

Он устался на меня непонимающе.

— Оторвись от своих бумажек и пойди посмотри, что делается в соседних комнатах. Валя Грибанова покажет тебе, как делаются мертвые клетки, по структуре точь-в-точь как живые.

Я вытолкал его из комнаты и ушел у комбинированного потенциометра-магнитометра. Кто-то оставил на предметном столике живую культуру нервной ткани с электродами, фиксированными на ядре и оболочке клетки.

На экране осциллографа плавали электронные зайчики, повторяя в своих движениях одни и те же — малый, средний и большой — циклы жизни. Большой цикл соответствовал периоду деления клетки.

...Где прячется секрет жизни? Как тщательно она хранит тайну! Удивительно, когда не знаешь самого главного о самом себе! Вот они, два электронных пятнышка диаметром в несколько микрон, бегают друг за дружкой как ни в чем не бывало. И мы не знаем, почему это происходит...

3

На официальный запрос в больницу о состоянии здоровья Анны Зориной ответа не последовало. Но через несколько дней к нам в институт приехал лечащий врач, доцент Кирилл Афанасьевич Филимонов. Вначале он разговаривал один на один с директором, а потом они вызвали Володю Кабанова, профессора Карнова и меня. Директор института сидел за столом угрюмый и задумчивый, а Филимонов долго откашливался, прежде чем начать сбивчивое и взволнованное объяснение.

— Мы здесь поговорили с Александром Александровичем и решили, что... э... нужно вас обо всем проинформировать. Понимаете ли, дело очень сложное... Редкий случай в медицинской практике.

— Можно поближе к делу? — сурово перебил врача Кабанов.

— Нет, здесь требуются особые объяснения, потому что случай, повторяю, необыкновенный.

— Анна будет жить? — спросил Кабанов.

Водворилась тишина. Директор института тяжело вздохнул.

— Нет. Наверное, нет...

Филимонов отвернулся. Он сунул руку в карман. Послышался треск раздавленного спичечного коробка.

— Вы не имеете права так говорить! — воскликнул я, задыхаясь.

Доктор жалко улынулся.

— Молодой человек, вы думаете, мне легко это? Зорина вот уже три месяца в больнице. Два месяца я знал о летальном исходе ее болезни, и два месяца я молчал. Я бы мог молчать до конца. Но ваше письмо от имени всех товарищей... Я мог бы ответить так, как требует врачебная этика: состояние тяжелое, но надежда есть. Ведь всегда надежда есть, правда?..

— Что у нее? — уже робко спросил Кабанов.

— Нейрогуморальный некроз сердца...

— А что это такое?

— Сердечная ткань отмирает, потому что нарушена сигнальная система, регулирующая питание сердца. Вначале я думал, что повреждены нервы. Но, оказывается, они совершенно целы. Однако они не выполняют свою основную функцию. Они не способны регулировать жизнедеятельность клеток сердечной мышцы...

— А какова причина? — спросил профессор Карнов.

— Исследования показали, что группа нейронов симпатической нервной системы необратимо разрушена. Дело в том, что Зорина четыре месяца назад ушибла третий позвонок. Именно в нем оканчиваются нервные волокна, регулирующие сердечную мышцу...

— Разве ничего нельзя сделать? — спросил я.

— Я консультировался с ведущими нейрохирургами. Все они в один голос утверждают, что эти нейроны спинного мозга не регенерируют...

Я не помню, как я покинул кабинет директора, как вышел из здания института и очутился на улице. Не заметил, как оказался перед зданием клиники, в которой

лежала Аня. Когда я поднимался по ступеням к главному входу, кто-то осторожно положил мне на плечо руку. Я оглянулся. Это был Володя Кабанов.

Ноги будто налились свинцом... На секунду мы остановились.

— Ты не знаешь самого главного, — сказал Володя.

— Что?

— Анна знает все... Какая-то дура, ее подруга из медицинского института, принесла ей курс сердечных болезней... Там она прочитала про свою болезнь... Она в упор спросила доктора Филимонова, что у нее, и потребовала, чтобы он сказал ей правду. «Я понимаю, почему вы так тщательно изучаете мой третий позвонок».

— И он подтвердил?

— Он просто ничего не ответил. Он ушел.

Мы вошли в вестибюль больницы и надели халаты. Затем опять этот проклятый длинный коридор с натертыми до блеска паркетными полами. Ноги подкашивались...

— О чем мы будем с ней говорить? — спросил я.

— Только не о болезни. Если она... Она не заговорит об этом первая... Мы будем говорить о работе и о том, как успешно идет наша работа. Она идет чертовски успешно! Не сегодня-завтра механизм жизнедеятельности клетки будет раскрыт. Это будет революция в науке, революция более важная и более светлая, чем овладение атомной энергией. Понимаешь? И еще мы будем говорить, какие замечательные у нас люди и как все ее любят. И ты, особенно ты, должен говорить, как ты ее любишь. Ведь это сущая правда. Наберись мужества. Ты идешь не на похороны, не оплакивать, не жалеть. Нет! Ты идешь вселить человеку самое важное — веру в могущество человеческого гения, веру в его разум, в силу его благородных устремлений. Ты идешь к своей

любимой девушке. Пойми, Сергей, это не просто посещение больной. Ты не должен думать о смерти... Тверди про себя: «Она будет жить, она будет жить...» Сам поверь в эти слова. И тогда все будет хорошо.

Когда мы вошли в палату, там никого, кроме Ани, не было. На исхудалом, мертвенно-бледном лице ее глаза казались огромными и удивленными.

— Здорово, курносая! Ну-ка, дай твой пульс, — сказал, входя, Володя и достал Анкину руку из-под одеяла. — Да ты смотри, какой хороший пульс! Штук двадцать ударов в минуту!

— Да вы что, Владимир Семенович? У Наполеона был самый медленный пульс. Говорят, сорок ударов. А у нормального человека — шестьдесят-восемьдесят.

— Правда? — неподдельно удивился Володя. — А я и не знал.

Водворилось минутное молчание. Печальные глаза Ани смотрели на меня. Ее бледные губы были плотно сжаты, как будто бы она решила ни за что на свете не проговориться.

— Так вот, Аннушка, — начал я, — прежде всего всеобщий привет и многоголосые пожелания скорейшего выздоровления.

— Спасибо, — сказала она очень тихо.

— Во-вторых, твоей подружке Вале Грибановой присвоили почетное звание биювелира. Правда, звание это еще Президиумом Верховного Совета не утверждено, но она на него, бесспорно, имеет право. Девчата, которые собирают дамские часики, не идут с нашей Валец ни в какое сравнение. Она из отдельных молекул собирает клетку любой бактерии, от ядра до оболочки. Ты представляешь, что это за искусство?

— Здорово, — восхищенно прошептала Аня. — И откуда это у нее...

— Она до поступления к нам в институт кончила курсы рукоделия, — серьезно вставил Кабанов.

Анна тихонько засмеялась.

— И все же в таких тонких делах девушки незаменимы, правда? — спросила она.

— Безусловно. В любви и в других тонких делах, — заметил Володя.

— Ну и что получилось после того, как Валя собрала бактерию?

— Видишь ли, — начал отвечать Кабанов, — во время сборки, наверное, потерялся какой-то маленький винтик. Знаешь, как это бывает с часами. Вот машинка пока и не работает...

— А может быть, не винтик, а пружинка? — серьезно спросила Аня.

— А может быть, и пружинка. Но мы ее обязательно найдем. Наверное, недели через две-три. Вот шуму-то будет, а? Как ты думаешь?

— Скорее бы, — поворачиваясь на бок, прошептала Анка. — Мне так хочется, чтобы это было скорее... Между прочим, Сережа, я здесь прочла несколько медицинских книжек, главным образом по неврологии. Советую почитать и тебе. Там есть много интересного по исследованию нервных клеток. По-моему, кое-что может пригодиться в работе.

— Обязательно прочту, Аннушка. А тебе, говорят, читать нельзя?

— Чепуха, — перебил меня Кабанов. — Читай. Придешь в лабораторию и поможешь Грибановой найти эту самую «пружинку». А теперь разрешите откланяться. Только ты того, не сильно ей докучай.

Володя поцеловал Анкину руку и сильно тряхнул меня за плечо.

Мы остались вдвоем.

— Твое замечание о пружинке мне нравится, — сказал я, думая совсем о другом.

Я смотрел в усталые, но ровно сияющие, спокойные глаза, и мне казалось, что я никогда не любил их так сильно, как сейчас.

— Странная вещь жизнь, — Аня откинулась на спину. — Она вся состоит из субмикроскопических «винтиков» и «пружинок», и как важно, чтобы они все были на месте, чтобы все они двигались в стройной гармонии... Я много в последние дни думала о сущности жизни. Почему она такая? Почему жизнь есть движение? И я пришла к парадоксальному выводу: жизнь потому и есть жизнь, что она означает вечное движение. В физике мы говорим, что не существует вечного двигателя и что построить его нельзя. А жизнь как раз и есть пример вечного двигателя, не прекращающего своего движения ни на секунду.

— Да, — я взял ее руку и сосредоточенно рассматривал тонкие голубые линии вен.

— А смерть — это только условность... Это не прекращение движения вперед. Это только этап бесконечной эстафеты... Физика знает четыре состояния вещества. Самое простое — газообразное, более сложное — жидкое, еще более сложное — твердое, и затем такое странное четвертое состояние, плазменное, когда атомные ядра и сорванные с их оболочек электроны сосуществуют вместе. Мне кажется, что жизнь — это какое-то другое, пятое состояние материи. Науке понадобились многие годы, чтобы выяснить причины, почему одно состояние материи отличается от другого. А сейчас вы, то есть мы, штурмуем пятое состояние...

Аня остановилась. На щеках ее появился румянец, глаза лихорадочно блестели.

— Я почему-то уверена, когда ученые раскроют тайну

пятого состояния, человек станет бессмертным, — передохнув, продолжала она. — Да, именно бессмертным, потому что познать сущность жизни — это значит научиться управлять ею.

Аня стала быстро и мелко дышать...

— Подними меня, пожалуйста, чуть-чуть, — попросила она меня.

Я помог ей подняться.

— Сережа, вот что мне кажется. Жизнь как-то должна быть тесно связана с информацией. Не перебивай. Общеизвестно, что в живом организме постоянно циркулирует по нервным волокнам информация в виде сигналов регулирования. Эти сигналы в виде электрохимических потенциалов циркулируют и в одной отдельно взятой клетке. Мне кажется, что если бы как-то передать в искусственно созданную клетку вот эту самую информацию, клетка стала бы жить...

Я внимательно посмотрел в огромные глаза Ани.

— Что ты сказала? — переспросил я ее.

— Я говорю, в искусственно созданную клетку нужно как-то передать сигналы регулирования...

— Как ты себе это представляешь?

— Не знаю, Сережа... Я только уверена, что пятое состояние вещества — это такое состояние, когда материя становится вечной хранильницей информации, вечным вместилищем законов своего бытия... Я только не знаю, как это нужно сделать... О, если бы я знала...

— Аннушка, милая! Когда я слушаю тебя, мне начинает казаться, что вот сейчас, сию минуту, мы коснемся чего-то самого тонкого, самого главного и таинственного... Пятое состояние, вечное хранилище информации... Это очень важно... Как ты до всего этого додумалась, Аннушка?

Она откинулась на подушку.

— Кому, Сережа, как не мне, думать о смысле и содержании жизни?.. — тихо произнесла Аня. — Да и времени у меня для этого более чем достаточно...

4

Пятое состояние, пятое состояние... Вечное хранилище законов своего собственного бытия... Анка умирает... Что такое жизнь? Вечное движение электронных точек на экране осциллографа?... Четыре исследованных состояния вещества и пятое неизвестное.

Это была страшная ночь. Я видел в темноте прекрасные глаза Анки, знающие все-все, до последней точки. В полумраке больничной палаты она упорно искала истину, и, может быть, в этих поисках скрывалась смутная надежда...

Пятое состояние. Мне казалось, что я сойду с ума. Как можно ввести в искусственную клетку информацию, как? В живой клетке она есть. Это показывают приборы. Любой момент ее жизни сопровождается потоком информации. Ее можно точно измерить, записать, нарисовать. А как ввести? Как? Неужели нет никакого пути спасти Анну? Летальный исход... Эти страшные слова произнес доктор Филимонов, а я не мог, я отказывался понимать их смысл...

Я почему-то вспомнил Андрея Бергера с его жалкими рассуждениями о том, что все можно объяснить только законами физики и химии. А как быть с пятым состоянием? Аня тоже физик. Но она ищет новые пути, она не пережевывает термодинамику и квантовую механику. Она понимает, что мир построен не только на них, что он шире, богаче, сложнее, диковиннее!

Мы знаем все «винтики», из которых построена жизнь... А вот...

Вдруг я вскочил с кровати. Меня охватил ужас. Не помню, когда, но я заметил, что часы в моей комнате остановились, и мысль о том, что их нужно завести, то и дело приходила мне в голову. Сейчас она возникла у меня снова, и я задрожал как в лихорадке. Я ощупью приблизился к старинным часам, открыл дверцу и вставил заводной ключ в гнездо. Пружина затрещала, и часы медленно начали отстукивать секунды...

«Не может этого быть... — про себя шептал я. — Я, наверное, схожу с ума... Не может этого быть...»

Часы медленно тикали, а я смотрел в темноту и видел...

«А если это так и есть... Что, если это так и есть?..»

Другой голос говорил:

«Чепуха! Это не так просто...»

«Но ведь никто не пробовал!..» — возражал я сам себе.

«Значит, ты считаешь, что пружина не потеряна?»

«Может быть, нет... А может быть, и да...»

«Тогда как же ее завести?» — спрашивал внутренний голос...

«А вспомни фигуры на экране осциллографа...»

«Ага, понимаю... Нужно немедленно действовать. Понимаешь, немедленно!»

Я включил свет и быстро оделся. За окном было еще темно.

На улице моросил дождь. Ни автобусов, ни троллейбусов. Над одинокими электрическими фонарями сияли мутные радуги. За углом у «Гастронома», — телефон-автомат.

Ответа долго не было. Затем послышался сонный женский голос:

— Вам кого?

- Мне профессора Карнова.
- Боже, да он спит! И вообще, товарищ...
- Мне немедленно нужно поговорить с профессором Карновым. По очень срочному делу.
- Разве дело не терпит трех-четырех часов?
- Ни одной секунды, — отчаянно закричал я.
- Ну, если так...

Мучительно долго тянется время. Я дрожу от холода. Наконец голос профессора:

- Я вас слушаю.
- Георгий Александрович, это говорит Самсонов.
- Слушаю вас, Сережа, что случилось?
- Случилось нечто очень важное. Вы бы могли сейчас приехать в институт?
- Сейчас? — удивился профессор. — А что там стряслось?

— В институте ничего. А вот со мной... То есть я сегодня был у Ани Зориной. Она высказала мысль... А мне кажется, что...

— Ну, если речь идет о мыслях, то давайте сохраним их до утра.

— Я не могу, Георгий Александрович... До утра я сойду с ума... Это точно...

Профессор кашлянул и затем сказал:

— Может быть, вы мне сообщите эту мысль по телефону?

— Хорошо, слушайте. Вы когда-нибудь видели, чтобы хороший, исправный автомобиль сам, без завода, взял и поехал?

Карнов долго ничего не отвечал. Затем я услышал:

— Хорошо. Я иду в институт. Жду вас там.

Карнов жил рядом с институтом, и, когда я пришел, он уже сидел в своем кабинете и грел руки над электрической печкой.

— Ну, рассказывайте, — предложил он, с недоверием глядя на меня.

— Георгий Александрович, мы правильно воспроизвели структуру живой клетки, так?

— Ну, предположим.

— Но она мертва. Ее нужно оживить. Для этого в нее нужно ввести информацию.

— Какую?

— Информацию, полученную из живой клетки.

— Пошли в лабораторию.

То, что происходило в период с пяти часов утра до девяти, невозможно описать. Это было похоже на иступление двух фанатиков. За все время мы не произнесли ни единого слова, хотя каждый из нас в любой момент понимал, что нужно делать. Карнов извлек из термостата образцы искусственных клеток. Я рядом поставил живой препарат. Он установил стекло на предметном столике телемикроскопа, я принес микроэлектроды. Он посмотрел мне в глаза. Ах, понятно! Нужно вывести потенциалы живой клетки через усилитель. Есть усилитель. Напряжение? Есть напряжение. Включить экран телевизора? Есть экран. Ток? Есть ток...

Мы устали в темные контуры безжизненной клетки. Я увеличил яркость экрана. Вот она, серая лепешка с искусственно воссозданной структурой. Комочек грязи, кусочек неподвижной слизи... Два микроэлектрода касались ее оболочки и ядра.

Карнов положил дрожащую руку на верньер усилителя и начал подавать на безжизненный комочек потенциал, тот самый, который непрерывно, цикл за циклом, возникал в живой клетке...

Нет, это было не чудо. Именно так должна была вначале глубоко вздохнуть просыпающаяся клетка. Именно так должны перераспределиться внутри темные и

светлые зерна. Ядро обязательно должно округлиться. Возле него сама по себе должна возникнуть ажурная ткань митохондрий. Оболочка должна стать более тонкой и прозрачной...

Клетка оживала на наших глазах. Да, это правильное слово. Оживала под воздействием информации, введенной в нее извне. Искусственно построенная машина заводилась от машины живой...

Когда клетка стала совершенно прозрачной и задвигалась, профессор Карнов выдернул из нее микроэлектроды. Теперь она существует без посторонней помощи. Существует! Я быстро капнул на нее теплый бульон. И она стала расти! Набухать! Митоз! Ура!

— Смотрите, делится... — услышал я шепот позади себя.

Мы не заметили, как в лаборатории стало совсем светло и как вокруг нас собрались сотрудники. Они в течение получаса молча следили за нашей работой, понимая ее сокровенный смысл. И теперь, когда искусственно созданное микроскопическое существо зажило своей собственной жизнью, они не выдержали.

— Ребята, смотрите, делится! Живет! Живет самым настоящим образом!

В этот день никто не отходил от телемикроскопа. Опыт был повторен несколько десятков раз, и каждый раз успешно. Его проделал каждый, потому что каждый хотел собственными руками создать кусочек жизни.

5

На ученый совет, кроме сотрудников нашего института, прибыли два представителя Академии медицинских наук и доктор Филимонов. Заседание открыл директор.

— Товарищи! О событии, которое совершилось вчера в этих стенах, мы еще поговорить успеем. Время терпит. Речь идет о другом. Необходимо сделанное открытие срочно использовать для спасения человеческой жизни. Сообщение по этому поводу сделает профессор Карнов. Прошу вас, Георгий Александрович.

— Мы сейчас располагаем средствами создать нейроны спинного мозга, поражение которых является причиной болезни Анны Зориной. Меня поправят специалисты, но мне дело представляется следующим образом. Нам нужны точные гистологические и цитологические данные о клетках, которые составляют основу нервного центра, регулирующего питание сердечной мышцы. Затем мы должны иметь материал для изготовления этих клеток. Мы должны точно знать, какую информацию эти клетки посылают к сердцу. Затем хирург произведет операцию и трансплантирует в нужном месте искусственно созданную нервную ткань.

Карнов сел. Сразу же после него выступил представитель Академии медицинских наук.

— Точные гистологические и цитологические данные мы вам представим немедленно. Не будет задержки и в получении материала. Сложнее получить данные об информации на сердечную мышцу. До настоящего момента на живом объекте ее никто не изучал. Мы, собственно говоря, не представляем, как ее получить.

— По-моему, нужно ввести в мозг человека микроэлектрод и вывести потенциал наружу, — сказал Карнов. — После усиления мы запишем информацию на магнитную пленку.

— А кто согласится на такую операцию, как введение электродов? Это должен быть человек, максимально похожий по биологическим и иммунологическим признакам на Зорину.

— А как это узнать?

— Нужно произвести тщательный анализ на группу крови, на группу ткани и отобрать девушку, которая подойдет для такой операции.

— Я уверен, что на такой анализ добровольно пойдут все сотрудницы института.

— Хорошо. В таком случае присылайте их в Институт аналитической медицины. А мы сегодня же отправим вам все необходимое для выращивания клеток.

В час дня, когда из Травматологического института прибыли спинномозговая ткань и точные микроскопические снимки клеток регулирующего центра, Володя Кабанов собрал открытое партийно-комсомольское собрание.

— Я буду краток. Жизнь нашей подруги Ани Зориной в опасности. Разработана сложная схема ее спасения. Необходимо отобрать девушку, которая добровольно решилась бы на одно неприятное медицинское исследование. Вот все.

Несколько секунд тягостного молчания. Затем к столу подходит молоденькая лаборантка из отдела физиологии растений.

— Я.

— И я.

Это была секретарь-машинистка директора.

— Запишите меня тоже, — сказала наша буфетчица, Нина Савельева.

— Да что говорить, девчата, все пойдем, правда?

— Конечно! Зачем терять время на какие-то записи? Куда идти?

Через минуту в зале никого не было.

А в это время в нашей лаборатории кипела работа. Пели центрифуги, гудели генераторы, аналитики пропускали жидкости через ионообменные и хроматографи-

ческие колонки, выделялись вещества, и все это в стерильных кварцевых боксах передавалось главному исполнителю работы Вале Грибановой.

Вооружившись мощным бинокулярным микроскопом, она капля по капле при помощи микронной платиновой иглы строила одну клетку за другой. Она в точности повторяла структуру, изображенную на увеличенной до гигантских размеров микрофотографии, на которой были нанесены формулы и цифры, показывающие, куда, какое вещество и сколько его необходимо вводить...

Это был труд, требовавший от всех предельного напряжения, но страстное желание во что бы то ни стало его выполнить, назло тем временам, когда жизнь человека спасти было нельзя, помогало нам...

В шесть часов вечера из Института аналитической медицины приехал профессор Карнов.

— Ну как, запись сигналов произведена?

— Да. Вот она, — ответил Андрей Бергер, протягивая ленту.

— Кто?

— Ей-богу, не помню! Какая-то наша девушка. Нужно торопиться. Анна без сознания.

Половина девятого. Валя Грибанова подняла воспаленные глаза от окуляров микроскопа.

— Все... — прошептала она. — Дайте попить. Покройте препарат цистеином.

Я капнул на драгоценную структуру каплю защитного коллоида...

— Информация готова. Давайте вводить...

Не дыша, мы перенесли препарат в соседнюю комнату.

— Контролировать будем?

— Обязательно. Включайте экран...

Медленно завертели диски магнитофона, забегали

зайчики на экране. Карнов ввел электроды в клетки. И повторилось то, что мы уже много раз видели. Но это были другие клетки, ромбовидные, с заостренными углами, с острыми, как шипы, отростками — аксонами... В них была заключена жизнь человеческого сердца.

Когда препарат начал жить независимой жизнью, его перенесли в микротермостат, наполненный физиологическим раствором.

— Теперь в клинику. Сережа, едем. А вы, ребята, идите отдыхать...

Как странно теперь выглядела жизнь. Еще вчера казалось фантастичным, что в лаборатории можно создать живую материю, способную спасти человека, а сейчас на огромной скорости мчался автомобиль по улицам города, и я сжимал в руках живое вещество, необходимое для того, чтобы билось сердце любимой девушки.

Клиника. На этот раз мы не шли длинным коридором с блестящим паркетом. Лифт поднял нас на девятый этаж, где под огромным стеклянным куполом помещалась операционная.

— Она уже на столе, — сказал встретивший нас доктор Филимонов.

— Вот ткань.

— Я сейчас вызову профессора Калашникова. Передайте ему.

— Как она? — спросил я.

Филимонов закусил губу.

— Сейчас она на искусственном сердце и легких... Вышел профессор Калашников.

— Какие линейные размеры ткани?

— Полмиллиметра на миллиметр.

— Ого, сделали с запасом! Примерно на три такие операции.

Мне очень понравилось, что он окаял, был выше меня и раза в два шире в плечах. Почему-то я вдруг стал очень спокоен.

...Десять минут, пятнадцать минут. Я и Карнов медленно отмеривали шаги по кольцевой галерее вокруг операционной. Прошло еще полчаса... Еще столько же. Странно, как спокойно я себя чувствовал. Я просто знал, что это очень тонкая и сложная операция и что она требует много времени...

Потом я бродил уже не по галерее, а по скверу клиники, и не минуты, а часы, поглядывая на окна четырнадцатой палаты на пятом этаже.

В один из ярких солнечных дней, когда после работы в институте я пришел сюда, чтобы совершить свою обычную прогулку, одно из окон пятого этажа отворилось, и в нем показалась фигура полной женщины в белом халате. Она помахала мне рукой и указала на входную дверь клиники. Прыгая через три ступени, я мгновенно взлетел наверх.

Несколько секунд я в нерешительности стоял в сумраке коридора перед дверью четырнадцатой палаты, но внезапно она отворилась, и в ярком сиянии появилась сестра.

— Анке только что разрешили немного походить. Иди к ней, пока нет дежурного врача.

Наверное, самое большое счастье и самая большая любовь бывают только после преодоления тяжких препятствий...

Я смотрел в смеющиеся, радостные глаза Анки, боясь к ней прикоснуться.

— Ну, — тихо произнесла она. — Чурбан ты какой-то! Поцелуй меня, да скорее, а то сейчас придет Филимонов.

Мы медленно пошли вдоль стен палаты. Я поддер-

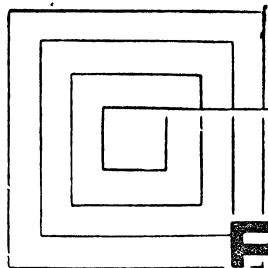
живал ее и в такт с ее неуверенными шагами восторженно шептал:

— Раз-два, раз-два...

Мы вышли в соседнюю комнату, обошли ее, остановились у раковины. Из крана протянулась неподвижная струйка воды, застывшая, как стеклянная палочка.

Вошел доктор Филимонов и сделал вид, что не замечает нас. Ворчливо, по-стариковски, он сказал:

— Сестра, когда же, наконец, вы пригласите водопроводчика починить кран?

1

Радиус камеры — двадцать метров, радиус камеры — сто семьдесят метров... Триста пятьдесят метров, тысяча четыреста метров...

Ну и чудовища!

А сколько времени и кропотливого труда нужно было потратить, чтобы построить такие ускорители-«динозавры». Я рассматривал схемы и фотографии старых ускорителей ядерных частиц, и меня охватывало чувство жалости и сочувствия к тем, кто шел к познанию структуры вещества таким тернистым путем.

Впрочем, в науке всегда так: мы снисходительно улыбались при виде первой неуклюжей модели радиоприемника, не думая о том, что без этого первенца невозможна была бы миниатюрная крошка в корпусе часов на молекулярных деталях, которая сейчас поет у меня на руке.

Ученые того времени по-настоящему гордились своими детищами. Тонны металла и внушительные геометрические размеры приборов приводились в качестве доказательства научной зрелости разработчиков и конструкторов.

— Смешно, правда? — сказал склонившийся над

схемой синхрофазотрона на сто миллиардов электронов-вольт Валентин Каменин.

— Нисколько. Без этих штук идея доктора Громова никогда бы не родилась. Именно на этих машинах были обнаружены частицы с отрицательной энергией, которые использовал Громов.

— Частицы с отрицательной энергией были известны из теории давно. Нужно было бы только хорошенько подумать...

Валентин всегда считал, что «нужно было бы только хорошенько подумать», и всю современную цивилизацию можно было бы создать еще в каменном веке.

— Ты знаешь, чем я занимался последний год?

— Чем? — без интереса спросил Валентин.

— Я просмотрел журналы по теоретической физике за последнюю четверть столетия. Оказалось, девяносто девять процентов напечатанных в них статей — чистейшая научная фантастика, та самая, которую так недолюбливают и критикуют физики.

Валентин поднял на меня удивленные глаза.

— Да, да. Настоящая научная фантастика, но только замаскированная математическими формулами и уравнениями. Каждая статья — это придуманная теоретиком модель физического явления. Он обрабатывает ее математически и получает различные следствия. И так далее. Каждый из них считает себя представителем точной науки, потому что он фантазирует при помощи математического аппарата. Но ведь из всех теоретиков, которые рассматривают одно и то же явление природы, правым окажется только один, а остальные всего лишь фантазеры!

— Любопытно, — улыбнулся Валентин. — К чему это ты мне рассказываешь?

— А к тому, что теоретик может на бумаге доказать все что угодно. Но этого мало. Нужно, чтобы его предсказания сбылись. Нужно было не только предсказать, но и найти частицы с отрицательной энергией.

Мы спустились в колодец, где наши ребята заканчивали монтаж ускорителя на десять тысяч миллиардов электроновольт. По сравнению с «динозаврами» это был крохотный прибор. Он стоял посредине круглого бетонированного зала. Остроконечный тубус из графита был направлен в толстую стенку, за которой простирался слой грунта.

— Какую мы возьмем мишень? — спросил я профессора Громова.

— Классическую. Парафин.

— Почему?

— Мы посмотрим, как будут рассеиваться электроны на электронах. Любопытно, имеет ли электрон внутреннюю структуру...

Я прикинул в уме, какая для этого нужна энергия, и мне стало не по себе.

— Эх, ребята! Заработает наша машина, и через несколько миллионов лет где-нибудь в созвездии Геркулеса астрономы неведомой планеты зарегистрируют появление сверхновой звезды — карлика!

Сказав это, наш вакуумщик Феликс Крымов прыгнул с камеры на пол и, вытирая руки марлей, подошел к Громову.

— А что, Алексей Ефимович, такое может быть?

Алексей Ефимович задумчиво покачал головой.

— Но откуда у вас такая уверенность? Еще никто не пытался проникнуть в объем пространства с линейными размерами меньше кванта длины!

— Мы будем увеличивать энергию частиц постепенно. Кстати, как работает система плавной регулировки энергии?

— Работает отлично. Только я не представляю, откуда вы знаете, где нужно остановиться. Если говорить по-честному, мы работаем методом проб и ошибок. А кто знает, к чему могут привести ошибки?

Громов молча покинул колодец. Чувствовалось, что старику от этого разговора стало не по себе. Как-то он обронил неосторожную фразу:

— Ядерщики — народ, идущий на риск.

Никакого энтузиазма эта «романтика риска» среди молодых сотрудников лаборатории не вызвала. Более того, один из нас, Володя Шарков, на другой день подал заявление об уходе «в связи с переходом на другую работу».

— Не хочу я возиться в вашей дьявольской кухне. Взрывайтесь, если хотите.

Мы не устроили ему никаких торжественных проводов, потому что он был элементарным трусом. Многие годы физики вонзали острие познания в самое сердце материи, и остановиться на полпути означало бы позорную капитуляцию... Но после этого случая все мы стали подтянутыми, сосредоточенными, как альпинисты, пробирающиеся по узкому ледяному карнизу над пропастью. Вот почему Валентин Каменин упорно решал свои уравнения, пытаясь найти «устойчивый режим». Феликс, как он говорил, «стирал со стены вакуум-камеры все лишние атомы», Галина Самойлова и Федор Зотов ежедневно еще и еще раз проверяли надежность системы управления и блокировки. Свою скрупулезную работу они называли «утренней зарядкой»... А я тщательно просматривал работы, выполненные на старых ускорителях, пытаясь обнаружить хоть намек на опасность.

Существовала ли она? Мне казалось, что да... С повышением энергии частиц катастрофически росло число рождающихся на мишени античастиц. Их аннигиляция сопровождалась взрывоподобным выделением энергии. Будто ускоренные до страшной энергии электроны и протоны долбили невидимую стену и откалывали от нее куски могучей взрывчатки. Может быть, эта невидимая стена и есть антимир?

2

По мере приближения монтажа ускорителя к концу мы почти перестали разговаривать друг с другом. Все углубились в свои мысли, пытаюсь угадать результаты испытания. Только Феликс приставал ко всем со своими шуточками:

— Ребята, не будьте так мрачны! Все произойдет в доли микросекунды. Чувство страха у человека возникает минимум за одну десятую секунды. Чувство боли — за полсекунды. Значит, если что случится, то вы ничего не успеете почувствовать. Галя, если тебя ущипнуть за нос — а ты это почувствуешь только через десять лет, — ты очень рассердишься?

— Ты все шутишь! Лучше еще раз включи плавную регулировку!

— Ага, дрожите, атланты! Геркулесы мысли! Все вы у меня в руках. Вот ошибусь ненароком, и машина сразу выдаст на-гора десять тысяч миллиардов. Вот будет фейерверк!

Ровно в пять вечера Феликс уходил в плавательный бассейн, а мы все оставались, чтобы еще раз проверить работу всех систем установки.

В день испытания мы собрались в пультовой вокруг профессора Громова. Он сам проверил измерительные

приборы, по несколько раз включал и выключал электронные реле, просмотрел монтаж блокировки и затем, вздохнув, сказал:

— Можно начинать.

По тому, как он это сказал, всем стало ясно, что иначе и быть не может. Нужно начинать. Через этот эксперимент обязательно нужно пройти. Если его не поставим мы, его обязательно поставят другие. Каждый из нас внезапно почувствовал жесткую логику научного исследования.

Мы расселись по своим местам вдоль главной панели управления.

— Инструкцию комиссии Академии наук помните? — спросил Алексей Ефимович.

— Да...

— Повторяю еще раз. Если поток античастиц превысит десять в пятой степени в секунду на квадратный сантиметр, опыт прекращается. Это в первую очередь относится к вам, Виктор, — обратился он ко мне, — вы следите за сцинтиляционными счетчиками и за пузырьковой камерой.

Я кивнул.

— Начали.

3

Разгон электронов начинался со ста миллиардов электроновольт. Силовые трансформаторы находились за пределами пультной, и поэтому мы не слышали обычного в подобных случаях гула. По мере нарастания энергии мягко щелкали реле, каждый их щелчок указывал на то, что пройдена очередная декада значений энергии. При пятистах БЭВ вздрогнула стрелка счетчика мезонов, затем зашевелились указатели коли-

чества рождаемых гиперонов, вскоре начала мигать неоновая лампочка на счетчике античастиц.

— Началось, — прошептал я.

Громов застыл у энергометра.

— Что вы медлите, Феликс? — воскликнул он раздраженно. — Ведь сейчас мы проходим хорошо исследованную область энергий. Ничего здесь интересного нет. Давайте сразу тысячу БЭВ.

— Будь что будет! — сказал Феликс и скачком перепрыгнул через несколько десятков декад энергии.

— Стой! — скомандовал Громов. — Виктор, что у вас?

— Сто сорок античастиц в секунду.

— Хорошо. Пошли дальше. Теперь плавно. Давайте совсем плавно...

Это уже была неизведанная область. Тысяча пятьсот, тысяча пятьсот двадцать... пятьсот двадцать пять...

— Виктор, докладывайте ваши показания непрерывно.

— Двести пять в секунду... Двести десять... Ого, появились антигипероны!

— Сколько?

— Пока... Пока только сорок, сорок семь!

— Стоп!

Приборы замерли на фиксированных цифрах.

— Какая энергия? — хрипло спросил Валентин.

— Тысяча шестьсот сорок БЭВ... Вроде живы...

Громов обошел все приборы, затем снова остановился у энергометра и скомандовал:

— Пошли дальше, Феликс. Только я прошу вас не острить.

Последнее значение величины потока античастиц было тысяча восемьсот девяносто. После этого громко

шелкнуло реле блокировки и стрелки приборов медленно поползли к нулю. Ускоритель выключился.

— В чем дело?

Громов нервно потирал руки.

— Что случилось, Алексей Ефимович?

Он нагнулся над металлической сеткой, закрывающей реле блокировки, и процедил сквозь зубы:

— Н-не имею понятия... Странно. Давайте начнем сначала...

Феликс перевел верньер на сто БЭВ и включил мощность. Но приборы бездействовали. Реле блокировки оставалось выключенным.

— Похоже на то, что ускоритель вышел из строя...

Через несколько минут, натянув защитные комбинезоны, все мы были на дне колодца. На стенках ярко горели электрические лампы, освещаая черный корпус ускорителя. Его острый нос, окруженный со всех сторон счетчиками и камерами, упирался в бетонированную стену. Все было так, как час назад. Не дожидаясь приказа, Феликс отвинтил боковые гайки и снял корпус.

— Здесь порядок. Вакуум десять в минус тринадцатой...

Мы несколько раз обошли грозную машину, стараясь подметить самое ничтожное нарушение ее устройства.

— Может быть... — начал было Громов, как вдруг послышался голос Гали Самойловой, склонившейся над дюзой инжектора:

— Вот в чем дело, смотрите!

4

То, что я увидел, заставило меня вздрогнуть. На конце отполированного графитового конуса висела огром-

ная черная капля. Она застыла на тоненькой ниточке, не успев сорваться и упасть на пол. До этого я никогда не видел плавленого графита.

— Удивительно, — прошептал Алексей Ефимович. — Это что-то новое.

Мы долго молчали, глядя на блестящую массу, свисавшую с конца дюзы. Наконец я не выдержал и спросил:

— Что же мы будем делать?

Громов посмотрел на меня с недоумением.

— Как что? Повторим опыт. Срочно замените дюзу и инжектор.

В этот день точно таким же образом были выведены из строя еще три дюзы. Они начинали плавиться при энергии в тысяча девятьсот миллиардов электронов-вольт...

— Дотянуть бы до двух тысяч миллиардов, — мечтательно шептал Феликс. — Любопытно, как выглядит сплав из бетона, стали, никеля, кварца, керамики и графита.

Алексей Ефимович посмотрел на него строгими глазами.

— Я вам запретил острить, Феликс. Тащите сюда телевизионную камеру.

Опыты мы возобновили только через два дня. Как-то вначале мы не предусмотрели возможности установить в колодце телевизионную камеру, потому что никаких зримых эффектов никто не ожидал. И вот теперь нам пришлось провозиться двое суток и установить камеру так, чтобы можно было наблюдать, что делается возле дюзы, когда энергия частиц достигает критического значения.

Во время следующего опыта Феликс перескочил через весь диапазон малых, средних и высоких энергий

и начал сразу с тысячи БЭВ. По мере того как стрелка энергометра приближалась к двум тысячам, на экране телевизора стала возникать удивительная картина. Вначале на конце дюзы появилась крохотная искра, как при электрическом разряде. Искра разгоралась все ярче и ярче, пока не запылала, как вольтова дуга. Она светилась так сильно, что, как это всегда бывает при передаче ярких источников света по телевидению, на экране вокруг нее образовался черный ореол, заслонявший все детали картины. Чтобы его устранить, профессор Громов приказал поставить перед объективом камеры плотный нейтральный светофильтр.

5

Это случилось, когда мы начали десятый по счету эксперимент. В пультовой в углу возле реле блокировки лежала груда расплавленных графитовых дюз.

Я никогда не забуду того, что мы увидели на экране телевизора, когда начался десятый эксперимент.

— Обратите внимание, — прошептал Громов, — черный ореол вокруг дуги не исчез!

— Наоборот, он стал более четким и даже... Смотрите, смотрите!

Каменин ухватился за экран телевизора, а затем поднял руку и дрожащим пальцем провел по темно-серой полоске, по диаметру пересекавшей черное пятно вокруг мерцающего пламени. Вначале никто ничего не понял. После Феликс закричал:

— Дыра!!! И в дыре что-то...

— Нет, не дыра! Это зеркало! В нем отражается дюза и...

В это мгновение блокировка снова сработала, и все исчезло.

Мы в недоумении посмотрели друг на друга. Неужели это так? Неужели это и есть то самое «окно», о котором писали фантасты?

Бледный и взволнованный Громов первым пришел в себя.

— Нужно сделать инжектор и дюзу из более тугоплавкого материала. Все, что происходит на экране телевизора, необходимо заснять на киноплёнку.

Прошло еще два дня в лихорадочной подготовке к очередному эксперименту. Теперь сопло, из которого выбрасывались частицы, было изготовлено из специального сверхтугоплавкого сплава. Перед экраном телевизора появилась многокадровая киноустановка с чувствительной контрастной пленкой. Приемную телевизионную камеру установили так, что ее объектив был нацелен на дюзу ускорителя и на пространство вокруг нее.

Очередной опыт решено было поставить рано утром, а накануне вечером, под предлогом, что я хочу еще раз проверить схему прибора, я остался в лаборатории один. Когда все разошлись, я спустился в колодец.

Мертвая тишина, скрывающая тайну природы. Фантастическая пушка, направленная в пустое пространство. Не здесь ли разыгрывается драма между пространством, которое мы привыкли себе представлять как пустоту, и частицами материи, пронизывающими его с фантастической скоростью? Не является ли эта мнимая пустота той стеной, за которой скрыт другой, иной мир, похожий на наш, но для нас недоступный? Не ступаем ли мы сейчас по хрупкому карнизу над пропастью, пытаясь распахнуть дверь в этот таинственный запретный мир? Античастицы... Откуда они берутся? В чем секрет их рождения? Откуда они проникают в наш мир? Не оттуда ли?

Стоя лицом к бетонированной стене, за которой простирались десятки километров земли, я силился представить себе, что же происходит. Если верить теориям, то, может быть, сейчас, именно в эту же самую минуту, здесь стоит человек точно такой же, как я, и думает то же самое? Или, может быть, этот человек и я одно целое?..

От этой мысли мне стало страшно. Я хотел было немедленно покинуть колодец, как вдруг меня осенила мысль. Подумав, я решил, что эта мысль единственно правильная. Я взял лист бумаги и написал несколько слов...

— Начали. Давайте сразу с тысяча шестисот миллиардов, — тихо и торжественно приказал профессор Громов.

В пультовой были погашены все огни, и только мерцающий экран телевизора да сигнальные лампочки на приборах рассеивали густую мглу. Тихо загудела киносъемочная камера, пропуская мимо объектива тысячи кадров в секунду.

— Искра появилась, — прошептал я.

— Дальше. Здесь уже нет ничего интересного. Ага, вот ореол.

Величина энергии подошла к тысяча девятистам миллиардам. На конце дюзы сияла огромная дуга, но металл терпел. Ореол расширился настолько, что в него можно было заглянуть. И то, что мы увидели, повергло нас в смятение. Там, в черной пустоте, отражалось сопло нашего ускорителя... Острый конец дюзы нашего прибора и острый конец его подобия в темноте соприкасались, и в точке соприкосновения пылало пламя...

— Прибавляйте энергию, — едва слышным шепотом приказал Громов.

Я не видел, а скорее почувствовал, что Феликс повернул верньер всего на долю градуса. И этого было достаточно, чтобы черный ореол вокруг пламени раздвинулся настолько, что в нем появился не только тубус, но и весь ускоритель, точная копия того, что стоял у нас в колодце... От неожиданности я вскрикнул...

— Смелее, смелее, — торопливо шептал Громов, — иначе и эта дюза расплавится. Да не бойтесь же!

6

Феликс резко повернул ручку верньера.

На мгновение черный ореол расширился вокруг пламени во всю стену, и в нем, как в гигантском зеркале, мы увидели наш колодец, яркие электрические лампы на стенах, весь ускоритель, кабели и поднимающуюся вверх крутую лестницу, ведущую на площадку лифта. Мы увидели весь мир, отраженный в бреши, пробитой в пустоте частицами, мчащимися со световой скоростью.

— Вот оно, окно в антимир... — восхищенно шептал Валентин, — и на его границе вещество нашего мира аннигилирует с антивеществом...

Он не успел досказать фразу. Экран ярко вспыхнул, и блокировочное реле сработало с оглушительным выстрелом.

Некоторое время мы стояли неподвижно, ошеломленные виденным...

— Кажется, живы, — пробормотал Феликс, но уже не так весело, как обычно. — Давайте пробовать еще...

— Нет, вначале просмотрим киноплёнку, — возразил Громов.

Спроектировав фильм на большой экран, мы могли в деталях рассмотреть все, что происходило в колодце во время эксперимента.

Теперь мы видели, что радиус чёрного ореола вокруг центра аннигиляции не был постоянным. В такт с мерцанием пламени окно в ничто то расширялось, то сужалось. При более высоких энергиях его края трепетали, колебались. Затем мы увидели, что при последующем увеличении энергии ореол, как гигантская ирисовая диафрагма, резко расширился во все стороны, обнажив стены лаборатории. Это продолжалось одно мгновение. Вдруг ярко вспыхнуло пламя, и брызги расплавленного металла заполнили помещение.

— Одну секунду, верните фильм на семьдесят тысяч кадров назад.

Это был тревожный голос Громова.

Я затаив дыхание ждал, что будет... Феликс перематывал пленку.

На экране снова появилось отраженное изображение нашей лаборатории.

— Остановите фильм. Вот так. Обратите внимание. На противоположной стене виднеется что-то белое... — Громов привстал и подошел совсем близко к киноэкрану. — Это бумага... Лист бумаги с какой-то надписью... Что-то вроде плаката. Я не помню, чтобы мы вешали у себя какие-нибудь плакаты. Феликс, сделайте большее увеличение. Еще, еще...

Сердце у меня стучало, как отбойный молоток. Наконец белая полоса протянулась вдоль всего экрана. Теперь можно было без труда видеть, что на бумаге была непонятная надпись.

Громов приложил к экрану лист бумаги и карандашом скопировал написанное. Феликс включил свет, и

мы собрались вокруг профессора, чтобы на просвет прочитать отраженную в зеркале фразу...

«Не превышайте энергию в две тысячи миллиардов электроновольт. Иначе вспыхнет новая звезда».

Громов несколько секунд стоял неподвижно, а затем побежал.

Мы бросились за ним. У люка в колодец он остановился как вкопанный.

— Назад, там все горит!

7

Это был обыкновенный земной пожар, который потушили при помощи обыкновенной воды. Когда дым рассеялся, я, в комбинезоне, с фонарем в руке спустился вниз и, хлюпая по воде, осмотрел обгоревший зал. Невыносимо пахло жженой резиной и горелым смазочным маслом. Стены были закопчены. С потолка свисали сорвавшиеся провода. А под самой лестницей на поверхности воды плавал сморщенный комок сожженной бумаги.

Я осторожно взял его в руки и стал изо всех сил растирать, превращая в черный прах... На мгновение я остро почувствовал, что совсем рядом то же самое делает другой человек. Я резко поднял фонарь над головой и пристально осмотрел колодец. Ничего, пусто, только закопченные стены... Может быть, этот другой человек и есть я?

Наверху меня ждал Валентин Каменин. Его губы скривились в горькую улыбку.

— Можешь нас поздравить, я имею в виду тебя, меня, Феликса, профессора Громова, всю нашу лабораторию.

— С чем?

— С последним экспериментом в ядерной физике.

— Почему с последним?

— Приборы зафиксировали, что поток античастиц на целый порядок превысил величину, указанную в инструкции Академии наук. Дальнейшие опыты в этом направлении запрещены.

— А как же окно в антимир?

— Нужно искать обходный путь. Прямой путь опасен...

СОДЕРЖАНИЕ

Суэма	5
Уравнения Максвелла	43
Формула бессмертия	104
Полосатый Боб	140
Глиняный бог	187
Крабы идут по острову	291
Диверсант с «Юпитера»	321
Мир, в котором я исчез	335
Пятое состояние	352
Лицом к стене	383

Днепров А. П.

Д54 Формула бессмертия. Сборник науч.-фантаст. рассказов. М., «Молодая гвардия», 1972.

400 с., с илл. (Б-ка советской фантастики).
100 000 экз.

Сквозь все произведения, вошедшие в сборник, проходит мысль о воздействии научных открытий на жизнь и судьбы человечества. Читая повесть «Глиняный бог», мы вместе с химиком французом Мюрдалем и его другом Фернаном попадаем в таинственную лабораторию в глубине африканской пустыни. Мы как бы участвуем в борьбе против преступных планов боннского ставленника доктора Грабера, занимающегося сложными опытами по замене углерода в человеческом организме кремнием и превращению таким образом людей в солдат, нечувствительных к атомной радиации. Вошли также повесть «Формула бессмертия» и другие рассказы.

7—3—2

200—72

P2

Редактор *А. Лобанова*

Художник *Л. Белов*

Художественный редактор *Б. Федотов*

Технический редактор *Н. Михайловская*

Корректор *К. Пипикова*

Сдано в набор 3/I 1972 г. Подписано к печати 10/X 1972 г. A01297.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 3. Печ. л. 12,5 (усл. 17,5). Уч.-изд. л. 16,8.
Тираж 100 000 экз. Цена 50 коп. Т. П. 1972 г., № 200. Заказ 2632.
Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30, Суцесская, 21.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

50 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

